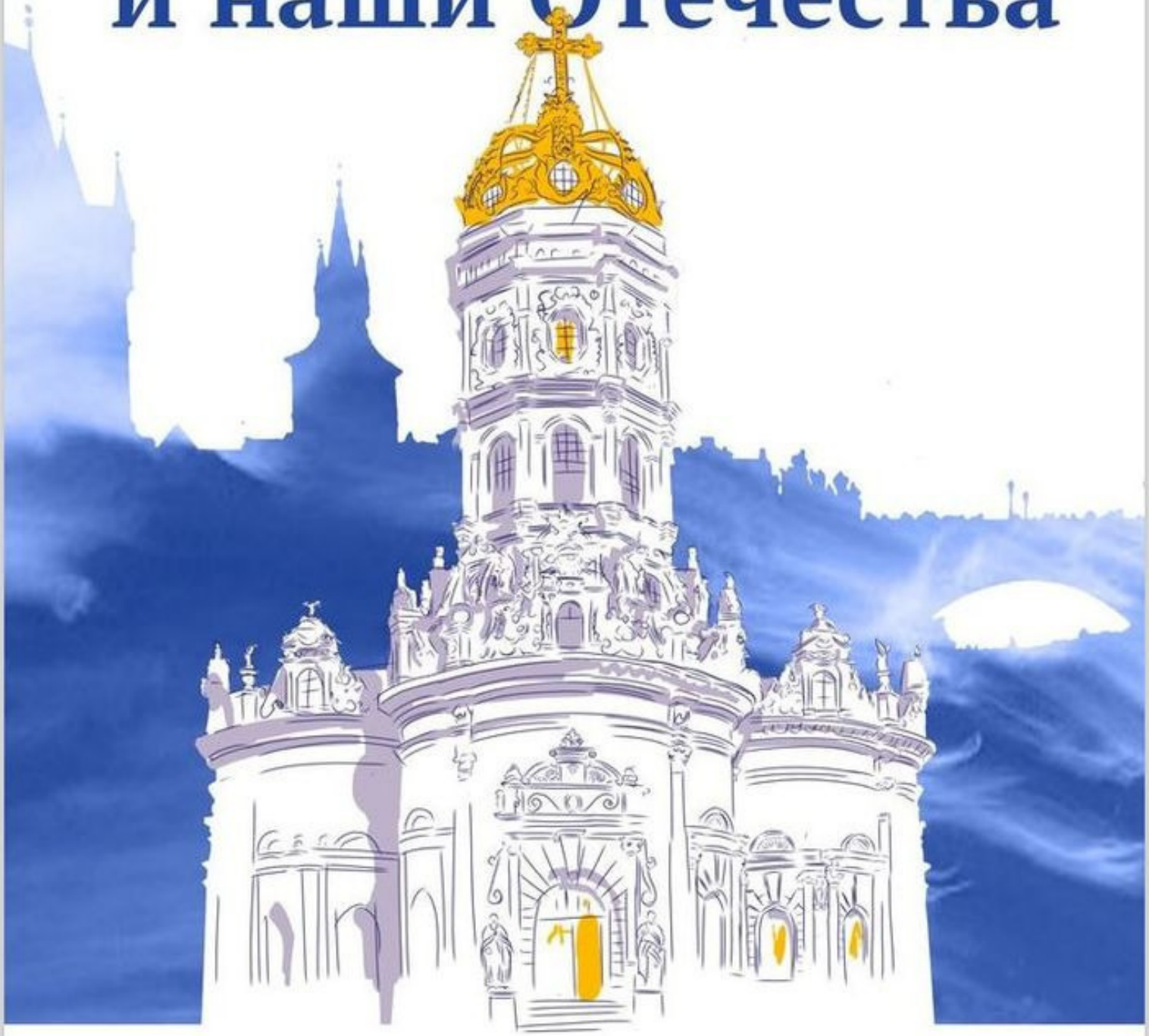
18+

Наука, любовь и наши Отечества

Эльвира Филипович

2-ая часть трилогии

«Я, мой муж и наши два Отечества»

Эльвира Филипович

Наука, любовь и наши Отечества

«Издательские решения»

Филипович Э.

Наука, любовь и наши Отечества / Э. Филипович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569744-8

Книга «Наука, любовь и наши Отечества» является второй частью трилогии «Я, мой муж и наши два Отечества». Это продолжение жизнеописания главных героев повествования — членов чешско-русской семьи, их родственников, друзей, знакомых — на фоне событий, происходящих в 1964–1991 годы в обеих странах. В основе книги фактический материал. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-569744-8

© Филипович Э.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ ОЛЕГА ЕФИМОВА 7
Продолжение книги «Я, мой муж и наши два Отечества» 10
Глава 10. В АСПИРАНТУРЕ ВСЕСОЮЗНОГО НИИ ЖИВОТНОВОДСТВА (ВИЖ) 10
Поступаем в аспирантуру ВИЖа 10
С чехословацкой делегацией по родному Отечеству 12
Поселяемся в аспирантское общежитие 16
Темы наших диссертаций 18
Готовлюсь к эксперименту и знакомлюсь с ведущим витаминологом страны Букиным 20
Опыт, занятия английским, прогулки по парку и удар в сердце 21
И опыт, и замечательный Букин, и «лекарство для моего сердца» 23
На свиноферме и дома 25
«Мы ваши самые-самые друзья» 26
А опыт идет 28
Люблю?! 29
Отчетная конференция в отделе кормления и Новый год 1965 30
Обменный (физиологический) опыт на свиньях и политзанятия 32
Биохимические исследования подтверждают результаты опыта 33
Радуюсь: Карел Йирка приедет в Клёново! 35
И наука, и любовь, и Космос, и счастье жить 35
Теперь уже сам Лысенко – «элемент» 37
«Мои вам цветы!» 38
Фосген для опыта 39
Опыт на растущих крысах 39
Чопорный Либерец и родные Вратиславице 41
Встречи с бывшими коллегами зоотехниками и с товарищем Гикшем 42
Пишу первую научную статью; прощаюсь с Любой 43
Конференция молодых ученых 44
О неизвестной ранее функции витамина В12 45
Милое сердцу непривычное слово «папа» 46
Свекровь Ружена, муж ее Франтишек и отцово семейство в Пскове 47
В рыбачьем поселке Самолва 48
Жизнь на маяке 51
Ревматическая атака и диссертация 52
У Букина с диссертацией 53
Уже не свободный аспирант, а зависимый младший научный сотрудник 55
Наши с Рядчиковым опыты на растущих крысах 56

Букин даёт задание повторить мой опыт в точности 58
Глава 11. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ВЕСНА И НАДЕЖДЫ НА ОТТЕПЕЛЬ В СССР 60
Лекторы ЦК КПСС 60
Опыт на поросятах с Верой Крохиной 61
Вспоминаем Алтайскую целину, восхищаемся чехословаками 61
Защита диссертации; в Чехословакии перемены 62
Сосед разрядился 63
Мы с Верочкой заканчиваем опыты 64
К соседу снова стучат в дверь 65
Письмо от Франтишека Гавлены 66
«В доктора торопишься?! Не дадут защититься! Удушат» 67
«А как дела у вас в Чехословакии?» 68
Мои опыты на свиньях: официальный и втихаря 69
Принимаю роды в родном общежитии 70
Происходящее в Чехословакии 71
Моя лаборантка Тамара 73
Всенародная трагедия: погиб Юрий Гагарин 74
Соболезнования – в Москву и поздравления – в Прагу 76
Моя напарница по рабочему кабинету Вера Ивановна Лепнова 78
В «Руде право» о Пражском восстании 79
У Букина и «букинистов» 80
Моя Бабушка 81
«О событиях в Чехословакии» 83
Отправляюсь в Крым 84
Скорее к Бабочке 85
Похороны в Бабушкиной родной Калуге 86
Глава 12. «С БРАТСКОЙ ПОМОЩЬЮ» НА ТАНКАХ 89
«Ваши в Праге! На танках…» 89
Мы встречали президента Свободу 92
Нам, чехам, дают квартиру вне очереди! 93
Батя-победитель и наша квартира 94
Опыты: плановый – для отчета и договорной – для души и денег 96
Похороны отца 96
Ян Палах 99
Мои опыты – моё душевное отдохновение 101
Переизбрали на пленуме и «выкинули на помойку истории» 102
«Я за Человеческое лицо» 103
«Ужасное» сочинение о вожде – смешно и грустно 106
В составе группы ученых ВИЖа меня и Верочку готовят к зарубежной поездке 107
«Не знал, что это ты!» 108
«Едем с докладами на научную конференцию» 110
В Новом Саде 111
Конец ознакомительного фрагмента. 114

Наука, любовь и наши Отечества

Эльвира Филипович

Фотографии из архивов: Ольги Ломовой, Юрия Котова, Татьяны Говорун, Леонида Шинкарёва, Иво Птака, Ярослава Кулакова, Йозефа Коуделки, Йозефа Паздерки, Алеша Плоцка, Ростислава Шимы.

Корректор Наталья Алексеевна Богомолова
Корректор Любовь Васильевна Богомолова
Дизайнер обложки Алексей Кулаков

© Эльвира Филипович, 2023
© Алексей Кулаков, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0056-9744-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ ОЛЕГА ЕФИМОВА

О книге с названием «Наука, любовь и наши Отечества» – второй части трилогии Эльвиры Филипович «Я, мой муж и наши два Отечества»

Ответственный секретарь Межфракционной
депутатской группы Государственной Думы ФС РФ
в защиту христианских ценностей,
член Союза писателей России
Олег Ефимов

Во второй части трилогии – книге с названием **«Наука, любовь и наши Отечества»** рассказано о жизни главных героев произведения и Отечеств их как в годы расцвета и даже триумфа советской науки, особенно в области космонавтики, так и времени застоя экономики и нарастающего снижения уровня жизни населения. Хотя отрезок времени, отображённый в книге, относительно невелик – менее трёх десятков лет – по сравнению со ста пятьюдесятью годами, прошедшими от рождения прапрадеда автора крепостного Вани Челнока и до полного возмужания главных героев книги, создавших молодую чешско-русскую семью, настоящее повествование весьма насыщено событийными фактами жизни членов семьи и обоих их Отечеств.

Оба супруга, возвратившись с Алтайской целины, посвящают себя науке. Тему диссертаций подсказывает сама жизнь, точнее, проблема отечественного животноводства: недостаточность белкового и витаминного питания и отсутствие норм по определяющим питательную ценность белка аминокислотам, лизину и метионину. Изучение научной литературы по этой проблеме приводит аспирантку ВИЖа и автора этой книги в лабораторию В. Н. Букина, замечательного советского учёного, автора синтеза ряда витаминов и главного организатора промышленного производства витаминов и биологически активных препаратов для животноводства, в частности витамина B_{12}.

Наряду с преодолением различных больших и малых преград на поприще науки и в жизни, семья выдерживает испытания на прочность. Увлекающийся романтик, глава примерной семьи Иво Птак не единожды готов был пожертвовать всем ради остроты нового чувства. Только преданность и огромное чувство такта любящей супруги помогали ему справиться с наваждением. У супругов не было ни распрей, ни скандалов. В посёлке их семью ставили в пример…

А разрыв отношений всё же произошел, и почти три года супруги жили в разводе. Однако и тут чувство ответственности, тактичность и неизменная любовь к своим детям, как и поддержка друзей, позволили главной героине книги преодолеть все невзгоды, связанные с положением брошенной жены, и стать вновь привлекательной для бывшего супруга. Снова большая любовь, счастливая семья, и на этот раз уже на все долгие годы.

Как и в книге первой, жизнь героев свершается на фоне жизни их Отечеств, а они – СССР и ЧССР – крепко связаны между собой идеями марксизма и договорами, которые должны были способствовать развитию и процветанию обоих государств.

Дружат правительства, дружат просто люди. «Дружба на вечные времена» – гласят плакаты в обеих странах, которые называли братскими.

Но потом – резкое падение экономики, и в стране «младшего брата» решили реформировать государственный строй, устранив главный тормоз развития – руководящую роль партии в экономике страны и отсутствие гласности…

Потоки информации о разного рода негативах в деятельности компартии Чехословакии захлестнули прессу… И некоторые чехословацкие коммунисты-ортодоксы, несогласные с реформами, жаловались «братьям» и «друзьям» по Варшавскому договору.

И пришла в Чехословакию «Братская помощь!», которая ворвалась на танках и которая это пестуемое многими десятилетиями истинное братство чехов и русских чуть было не раздавила своими железными гусеницами. Только благодаря здравомыслящим людям, простым и бывшим в руководстве, а также работе многих ответственных работников производств и журналистов с их честным анализом причин и событий, кризис, возникший в отношениях наших стран, был преодолён… Хотя отголоски его, к сожалению, сказываются до сих пор.

В книге много интереснейших зарисовок жизни семьи, улицы, института, страны… Яркие, конкретные, правдивые – они складываются в единую картину, точнее, целый поток их, идущих во времени и достоверно отражающих жизнь обеих горячо любимых автором Отчизн – России и Чехии. Особо ценны своею правдивостью и непосредственной эмоциональностью описания в острые периоды жизни и взаимоотношений родных им, обоим супругам, стран: события 1968 года и последующие десятки лет так называемой нормализации и, наконец, Бархатная революция в Чехии; борьба за демократию и её победа; возрождение Церкви и свободные выборы; провозглашение суверенитетов республик, развал СССР и последовавший за ним беспредел в стране. Впрочем, о жизни частной и событиях в последующие годы автор напишет в завершающей части трилогии.

Эта книга заканчивается прощальной речью первого и последнего президента СССР Горбачёва, обращённой к телезрителям вечером, в канун католического праздника Рождества Христова. Главные действующие лица книги, автор и её супруг чех, будучи в тот момент в Праге, по ТВ слышат эту речь, прозвучавшую невесёлым диссонансом к целому потоку рекламных объявлений о том, как лучше приготовить подливу и обложение к рождественскому гусю и какими специями обогатить вкус и без того вкуснейшего традиционного рыбьего супа, с которого и начинается там застолье.

Как и другие книги автора, эта читается легко и с большим интересом. Более того, мастерски написанные детали повествования создают впечатление личного присутствия читателя в описываемых событиях. И хотя автор не располагает «закрытыми» и «для служебного пользования» материалами, которые можно прочитать в мемуарах «сильных мира сего», читатель постоянно ощущает ту историческую эпоху, в которой живут герои книги.

С любовью, большим тактом и тоже детально выписаны сцены и сценки дружбы между нашими народами, не громкой, плакатной – «на вечные времена», а чисто человеческой, тихой, сердечной, почти невидной.

Например, в главе 10 «Фосген для опыта» автор пишет: «На заводе *(химический завод в г. Дзержинске Горьковской обл.)* смотрели на меня как на кого-то из зоопарка: «Кто ж так без согласований приезжает сюда… за таким реактивом?…» – «Согласование? Это же целая куча бумаг! Кабинеты! Подписи! А у него – срок аспирантский. Как закончится срок, надо будет в Чехию возвращаться…» – «Чех, говоришь? А ты ему кто, что так печёшься? Тоже чешка?» – «Я – русская, жена его».

В ответ на мои слова он *(зам. главного инженера завода)* нажал настольную кнопку и появившемуся мужчине стал объяснять чрезвычайную ситуацию: «Этой вот чешке и мужу её срочно нужен наш продукт… Не больше пол-литра. Чтоб запаяна была в железо. Понятно? Им для опыта. Они в институте животноводства учатся». И мне: «Чехов мы любим, завсегда поможем. Брат мой старший Прагу освобождал. Помнит, как чехи их встречали: обнимали, целовали. А машину маршала нашего так прямо на руках несли»… И ещё деталь, и это уже после известных событий 1968 года: слова бывшего председателя сельхозкооператива, того самого, где Эльвира до отъезда на целину работала зоотехником: «Очень за тебя рад, что не была здесь в шестьдесят восьмом. Было б тебе ещё горше, чем нам. А было ужасно. Столько танков, тех-

ники. Все улицы аж гудели, будто война. Оккупация. На танках ребята ваши. Лица простодушные (мы тебя вспоминали!), усталые и удивлённые: врагов, контрреволюционеров так и не удалось им увидеть. Жалко было ребят. Ночью им женщины наши носили в сумках поесть-попить. Они же страшно голодные были: совсем ведь без провианта пришли…»

Книга написана хорошим русским языком и будет интересна для широкого круга читателей.

.

Продолжение книги «Я, мой муж и наши два Отечества»

Глава 10. В АСПИРАНТУРЕ ВСЕСОЮЗНОГО НИИ ЖИВОТНОВОДСТВА (ВИЖ)

Поступаем в аспирантуру ВИЖа

Две недели минули в хождениях по «казенным домам»: посольство, министерство, ВАСХНИЛ и сам ВИЖ (Всесоюзный научно-исследовательский институт животноводства), который находится тут же, в Дубровицах, в здании бывшего Голицынского дворца. Он изрядно пострадал от недавнего пожара.

Рядчиков познакомил нас со своим шефом, заведующим отделом кормления, членом-корреспондентом ВАСХНИЛ, профессором Томмэ Михаилом Федоровичем. Невысокого роста, с лысиной до затылка, с «профессорской» бородкой и необыкновенно живым взглядом серых и, кажется, чуть подкрашенных глаз. Томмэ согласился нас принять. Иву – чеха – с радостью, меня – с оговорками и только при условии, если Иво будет его аспирантом, то есть если мы этого добьемся: вакантных мест у него нет. В аспирантуре ВИЖа нас культурно отшили: ВИЖ сгорел, а новый корпус только в следующем году будет. «Вот тогда и приезжайте! А единичками ведает аспирантура ВАСХНИЛ». Мы туда, но… Иностранцами в министерстве занимаются… Идем в министерство сельского хозяйства. Дошли до самой большой шишки по научным кадрам, товарища Красоты.

Холеный розовощекий дядечка приятно улыбался нам, когда узнал, что чехи. Он в Праге был, пиво пил, самые приятные впечатления у него от Чехии. Подпишет, сказал, нужную бумагу, но… где же направление из министерства образования? А туда из Чехословакии должно быть направление и в паспорте у Ивы должно быть «на учебу», а у него «на три года жительства», да еще на Алтае. Красота руками разводит…

Помчались в Чехословацкое посольство к товарищу Йирке. Он, советник по сельскому хозяйству посольства, просил нас обращаться, если что, к нему за помощью. Товарищ Йирка нам обрадовался и, выслушав, со всею своей энергией на телефоны обрушился. У него их три в кабинете, два городских и внутренний. «Это Йирка у телефона, будьте любезны Харченко! А-а, Федыч? Как здоровье? А супруга?» – только после этого уже по делу нашему говорит… Потом еще куда-то звонит. И еще. И наконец нам: «Сейчас поедете к заведующему аспирантурой ВАСХНИЛ. Туда позвонят. Вам скажут, что делать».

Снова едем в ВАСХНИЛ. Поговорили действительно хорошо, согласны помочь, но что делать? ВИЖ категорически воспротивился принимать в этом году аспирантов. Хватит их, уже принятых. Всё общежитие забито. Лаборатории сгорели. Ютятся в каких—то развалюхах. «Поймите вы нас!» – «И вы нас поймите. У нас нет выбора. До следующего года должны будем в Чехию вернуться и уже сюда не выберемся!» – «Тогда нужен хотя бы из ВИЖа запрос, ходатайство именное от дирекции».

Директор, бывший фронтовик, фамилия Всяких. Часа три ждали приема. Нас всё обходили и обходили. Все деловые, нетерпеливые, ломились нагло без очереди. Секретарша Светочка с беззаботно—приветливой улыбкой, от которой не сходили ямочки на сытеньких щёчках, пожимала плечами, дескать, что можно сделать, когда приходят такие люди: профессор

Ковальский – недавно Ленинскую премию получил за свои работы, академик Синещеков… Его весь мир знает, Туркин – замдиректора…

Наконец, когда Светочка отошла куда-то, просунулись и мы в кабинет. Люди там и стояли, и сидели, ожидая своей очереди. Присели и мы. Наверное, шла планерка на завтра. Высоченный носатый дядька, тот самый Туркин, требовал рабочую силу: «Мне нужна туда лошадь, или пять-шесть аспирантов», – горячо доказывал он. «Самое главное, что аспиранты здесь нужны», – сказал потихоньку Иво. Его, кажется, услыхали, кто-то засмеялся.

Вид здания института животноводства в Дубровицах до реставрации после пожара, 1964 г.

Всяких оказался приветливым. К чехам он хорошо относится, товарища Йирку знает, нам поможет. Но… Надо всё это как-то оформить. Нужно ходатайство от заведующего отделом профессора Томмэ. Вечером того же дня Виктор пишет это ходатайство и наутро снова Томмэ. И снова едем по кругу, но уже не впустую. Под конец второй недели ВИЖу «спустили» не два места, а два раза по два. Несогласованность вышла. Товарищ Йирка звонил в министерство, Харченке Александру Федоровичу, который по своим каналам (он зав. отделом по связям с заграницей) «вытряс» нам аспирантскую вакансию для иностранца и его жены, и звонил Красоте, с которым тоже знаком. Красота «спустил» по своим каналам две единички… Так что нас оформили. С первого сентября мы уже аспиранты ВИЖа, зав. аспирантурой, точнее первый помощник его, Антонина Григорьевна Колосова (именно она две недели назад дала нам категорический отказ) явно через силу нам улыбается и спрашивает: «Как вам это удалось?!» Я в ответ плечами пожимаю: мол, сама удивляюсь… Не говорить же ей про товарища Йирку из Чехословацкого посольства или про Дубровицкую церковь, к стенам которой я каждый вечер, как стемнеет, прибегала помолиться… Об этом я даже и Рядчиковым не говорю, и от Ивы скрываю. Это моя тайна: церковь Дубровицкая – жива. Помогает! Нам и общежитие с первого сентября дадут.

А пока что живем у Рядчиковых. Они нас как родных приняли. Виктор не только очень способный, даже одарённый, но еще и очень человечный. К тому же необыкновенно работо-

способный. «Запойный в своей работе», – говорит его красавица—жена Лена, агроном экспериментального хозяйства «Клёново-Чегодаево». Лену на работе любят: приветливая и справедливая, совершенно не терпит фальши и обмана. А Виктор готов и на компромисс ради дела. «Сперва добьюсь, стану заведующим, доктором наук, а потом уж и человеком, благородным, как ты», – говорит он жене. А мыслит Виктор масштабно: «Привесы у свиней процентов на двадцать поднимутся. Это как минимум. Животные корма, которых мало, сэкономятся, птицеводству пойдут. Тысячи тонн свинины, сотни тонн сэкономленных кормов. И все это – лизин!» Его диссертация кандидатская так и называется: «Лизин в кормлении свиней». Американцы уже много наработали по лизину. Почти в каждом номере американского журнала по животноводству Animal Science две-три статьи по опытам на животных с применением этой аминокислоты. А в СССР пока лишь самые первые опыты. Потому что пока нет ни лизина, ни приборов, таких, как на Западе, для определения аминокислотного состава кормов. А без точного анализа норму не определишь. Пока что американскими нормами пользуются при расчетах для опытов.

А в производстве животноводы еще и знать ничего не знают об этом. Все это – рекомендации по применению лизина, нормы его для разных возрастов свиней – предстоит сделать, и в очень скором будущем. И все это Виктор собирается «двигать». А еще ведь и лизина нет, не вырабатывает его пока наша промышленность. Виктор его для своих опытов достает в «Реактивах». Препарат чистый, японский. Чтобы выписали его, чтобы включили в лимиты, столько порогов ему обивать приходится… В ВИЖе он пока единственный занимается аминокислотами, пробивает покупку аминокислотного анализатора. А сам он пока младший сотрудник. Томмэ его ценит, рекомендует в старшие, но тут, в ВИЖе, болото. Рядчикова не любят. В кормлении есть одна лишь умная и симпатичная сотрудница, Вера Крохина, она хоть и не поддерживает его активно, но и против не выступает. А есть еще Махаев, заместитель Томмэ… «Гадит мне, как только может!» – говорит о нём Виктор. Словом, работа и борьба.

Я восхищаюсь Рядчиковым. Такие люди побеждают, на них-то и держится всё.

А дома он рядом с Леной совсем не боевитый, а даже наоборот, словно большой послушный ребенок, рожи смешные строит и чуточку шалит…

С чехословацкой делегацией по родному Отечеству

Отпуск наш кончился и надо возвращаться в Хабары: взять расчет, собрать вещи… Думается, что Елисеев нас поймет, препятствий не станет чинить, тем более что у Ивы заканчивается срок действия визы. Собираемся билеты брать в Хабары, а тут товарищ Йирка в посольство вызывает, говорит, что у него к нам просьба: из Чехословакии послезавтра приезжает делегация – руководящие работники их министерства сельского хозяйства. Поедут на Украину, в Ростов и в Краснодарский край. Будут знакомиться с работой ведущих НИИ по сельскому хозяйству. Требуется переводчик, но не только знающий чешский язык, но и чтобы специалист был, сельхозник. Я, мол, для этой миссии подхожу как нельзя лучше… Он бы и сам поехал, но на неделю срочно едет в Чехию, как я поняла, по делам семейным… Иво тут же заверил, что в Хабарах справится и один, и я очень обрадовалась: это ведь так интересно!

Первым делом поспешила в Калугу. Спросила, можно ли оставить Лену еще на две недели. Доча в ответ радостно закружилась, заверещала. Таня сказала, что это она изображает индейца. Лена у них – вождь краснокожих, с нею не соскучишься. Тетя Тася немного повздыхала: уж очень неуправляемый ребенок, всё время в напряжении держит. «Добрая очень, но необузданная. Пещерное дитя! Вихрь! Не посидит», – любя, жаловалась Бабовичка.

Самое главное, Лену здесь все любят и она всех любит. Согласились еще «терпеть» ее, и мне показалось, что с радостью.

И вот я – во главе чешской делегации, переводчик и ответственный распорядитель, с деньгами, данными мне в отделе связи с заграницей министерства сельского хозяйства. Впечатлений так много, что я решила все записать, как было.

Нас всего шестеро: четыре чеха из Праги и один словак из Братиславы. Все пожилые, лет под пятьдесят, солидные, откормленные, разве что товарищ Мало, словак, ему около сорока, нормальной кондиции. Все, однако, веселые, любят пошутить, покушать и выпить.

Встречали чехословаков повсюду как самых дорогих гостей. В институте Лесостепи и Полесья Украины, где директором академик Даниленко, смотрели комплекс для коров, которых содержат беспривязно на глубокой подстилке и доят на «каруселе». Коровы сами идут отдавать молоко… Гости всё записывали. В Чехословакии тоже есть комплексы, поэтому они не только смотрели, писали, но и рассказывали, а я всё переводила.

Даниленко – академик, держался просто. Мне всё время ухмылялся и глазами показывал на мои ступни, вернее на обувку – расшлепанные донельзя босоножки. Я и без него знаю, что до неприличия затасканные, пробовала новые, которые перед поездкой купила, но ужасно стерла ноги, залепила потертость пластырем. Ответно показываю – тоже глазами – Даниленке на этот пластырь. Для этого на миг вынула ногу из босоножки. Он понял, закивал, заулыбался. Когда прощались, выспросил меня, кто я и откуда. Приглашал к ним в институт приезжать на работу.

На следующий день были в колхозе недалеко от Харькова. Походили немного по скотным (всё блестело, видать, готовились к приезду гостей), а потом уселись за длиннющий стол, накрытый среди зелени, на лоне природы. Шестеро нас и колхозники (не рядовые, конечно). Председатель сперва умным показался, рядом со мной сел. Стол от всякой вкусноты колхозной ломился: овощи, сметанка, ягоды со сливками, мед, сало, ну и горячее, конечно: борщ украинский, котлеты с пюре, кулебяки. Подавали молодые женщины, красивые, в украинские вышитые спидницы наряженные. Никогда бы не поверила, что люди способны столько съесть и выпить. Наверное, потому, что всё время чередовали одно с другим: выпьют – закусят, живот набьют – снова запьют. Я почти не пила, потому что переводила. Председатель колхоза рядом сидел и всё теребил меня: «Чего они говорят, а? Чего?» А они, то есть чехи мои, чепуху мололи всякую спьяну: «Наш Новотный (президент Чехословакии!) – дурак! Он складник (т. е. кладовщик)» – «Почему кладовщик?» – «Потому что всё выдает. Всем дает. А республика скоро нищая будет…» – «Кому дает? Чего дает?» Я так и не поняла, уста чеха – главного экономиста министерства забуксовали: «С-с-с-сы-ли-стицкий, с-с-с-с-ы-и», – пьяно повторял он к удовольствию колхозного председателя. «Во молодцы, во надрались. Свои-и! А вот этот, – он показал на товарища Мало, который почти не пил и сидел трезвенький, – этот, ш-ш-ш, – он зашипел мне на ухо, – шпион… Его заслали враги… Он и сам враг народа… Я его обнаружил… Вы скажите там, – он поднял к небу указательный палец, – этого шпиона раскрыл я, председатель колхоза «Победа». К счастью, председатель вскорости громко заикал, забеспокоился и дунул в кусты. Еле-еле подняла я своих. Товарищ Мало мне помогал. И в таком-то виде в гостиницу приволоклись.

А на другой день в самолет и… в знаменитый совхоз «Волго-Дон», где сам Хрущев был совсем недавно. Тоже и там основное время провели за богатым столом. А потом в Ростове были, и снова в колхозе передовом. Наконец, в Краснодар прилетели. Здесь-то я и решила (с негласного разрешения всех членов делегации) попросить начальство крайкома отвезти не по фермам нас, животноводческие постройки осматривать, как было в плане, мы их и так уж навидались, а к морю… Надо было срочно придумать для отчета, куда и зачем. С какой новой технологией строительства знакомиться. С помощью начальства краевого придумали: в Геленджике (там отличное море!) есть замечательное винодельческое хозяйство. Так вот, в этом хозяйстве новая технология. Неважно, что это не фермы, а всего-навсего столбики для виноградной лозы. Но они – новые, из бетона! Смущаясь и весьма радуясь, чехи согласились.

И вот мы здесь, в Геленджике. Приехали уже в сумерки. Но искупались. Вода теплая. Море ласковое. Я счастлива ужасно. С тех пор, как уехали из Мариуполя, море только во сне видала. Чехи мои все четверо в одном номере, и с кем-то поселили словака. А у меня люкс! Завтра пойдем в хозяйство знакомиться с виноделием.

С утра, еще перед завтраком, сходили к морю. Оно чуть шелестело, перламутровое. Искупались. Вода – двадцать восемь градусов, а воздух – всего четырнадцать. Вчера похолодало. Потом позавтракали и к десяти часам поехали в хозяйство. Оно здесь же, в Геленджике. Нас будто ждали, встретили как самых дорогих гостей. Сначала пошли «работать», то есть смотреть объекты с новой технологией. Здесь это были бетонные колышки вместо деревянных – опора для тонкой виноградной лозы. Но поскольку объект совсем не сложен, то и «работать» пришлось недолго. Подрулила к автобусу нашему сияющая «Волга», вышел к нам розовощекий, с лучезарной улыбкой директор и, пожимая всем руки, сообщил, что мы очень кстати, что наш Никита Хрущев сейчас в Чехии, и там его встречают, как царей не встречали.

«В Чехословакии сейчас праздник дружбы и братства, двадцатилетие Словацкого национального восстания, а мы дружбу и братство здесь отпразднуем», – сказал он и велел шоферу нашему ехать за ним следом. Привезли нас в огромнейший – никогда не видала таких – погреб винный, где в длинный ряд стояли положенные на бок на специальные подставки большущие деревянные бочки – суды. Возле каждой – маленький деревянный флажок с этикеткой, где написана дата постановки на выдержку, а также сорт винограда и название вида. Между рядами судов, прямо у входа – дебелый стол, покрытый новой клеенкой с веселеньким рисунком, и множество бутылок с вином – более тридцати видов и сортов! Тут же в графинах чистая водичка. Чтобы не перепутались «букеты» (ведь у каждого вина свой), надо каждую порцию при дегустации запивать. Мы, значит, дегустаторы. Перед нами листочки положили с названиями вин. Каждое надо оценить по признакам: вкус, аромат, цвет и т. д. и дать общую оценку в баллах. К «работе» приступили серьезно. Я аж умирала со смеху (про себя), смотря на товарища Трнку, экономиста министерского, с телом, налитым, словно сарделька, как он тщательно всё делает: отмерит себе в стаканчик химический вина точно до рисочки, потом сосредоточенно выпьет, запьет и с важностью запишет на листочке оценку. Однако довольно скоро серьезность пропала. Уже и названия путались, и заполнять листочки забывали. Наконец кто-то предложил чокаться… Хозяева листочки забрали. Оценка была замечательной: все вина хорошие, очень хорошие, отличные и даже выше всякой шкалы – сверхотличные… Потом всех нас, весьма повеселевших, повезли куда-то в ресторан, где накрыт был длинный стол с яствами. Самое замечательное для меня – это виноград и персики. На остальное (а было всего полно) я даже и не смотрела. Народу за столом человек тридцать. Помимо нас все совхозные специалисты, а также начальство городское и партийное. Тосты следовали за тостами, и я должна была всё переводить, что весьма сдерживало меня в поглощении чудесных фруктов. Пили за Никиту Хрущева – «Царя! Всея СССР, у которого порой в голове царя не было», пили за президента Чехословакии Антонина Новотного, «у которого порой тоже голова гуляла», за великий русский народ и за дружественный народ Чехословакии, за мир пили, и за дружбу на веки вечные, и еще раз за коммунизм пили (дожить бы нам!), и еще раз пили за дружбу. Она в боях зародилась и крепла. Кто-то из партийных начальников произнес целую речь, держа наполненную рюмку: «Сейчас, мол, когда мы здесь, в Чехословакии празднуют двадцатую годовщину восстания словацкого. Там ведь и русские участвовали. Так что дружба скреплена кровью братской. Чехословакия – надежный форпост Варшавского договора. СССР всё имеет, чтобы постоять за себя и за дорогих друзей. В Банской Быстрице на празднике зажгли в горах костер. Все, и наши тоже, сели вокруг костра. Партизаны вспоминали о минувшем, пели боевые песни. И спели одну из своих любимых – „По долинам и по взгорьям“. Споемте же и мы эту песню», – закончил свою речь партийный дядечка.

Запели, но ужасно нестройно. Чехословаки старались подтянуть, ловили ртами воздух, но всё безуспешно. Песню, наконец, запили с очередным тостом: «Еще разок за дружбу, ну, крепкую-крепкую, чтоб аж на все века». Наконец, когда уже совсем развезло, выпили за здоровье нас всех, потом еще за здоровье семей наших, и еще за личное счастье… Я и товарищ Мало шли к автобусу на своих ногах. Голова, однако, тоже весело кружилась. Всю остальную делегацию вели, поддерживая с обеих сторон, чтобы не упали. Трнка всё же свалился, хлопнулся прямо на пол, но уже в Краснодаре, в гостинице. Там отнеслись к этому с пониманием, даже ласково. Знали, что это чехословаки. Радио громко вещало о празднике в братской Чехословакии, о том, с какой любовью в этой стране ухаживают за могилами советских воинов… В номерах для чехословаков (и для меня тоже) стояли свежие розы! А назавтра нам улетать в Москву.

Вылет – в час дня. Но с утра еще был Кубанский научно-исследовательский институт по сельскому хозяйству. Там особо не мучили нас показами и рассказами, а провели мимо стендов с новыми сортами пшеницы и кукурузы прямо к накрытому столу. После вчерашнего, однако, не хотелось ни есть, ни даже говорить. Всё же после принятых рюмки-второй «Столичной» пошли и закусочки. И разговоры потекли. Снова тосты за дружбу, за мир и за победу коммунизма. Однако только было раскочегарились, надо ехать в аэропорт. И там уже, при регистрации, выяснилось, что у нас хоть и есть билеты в Москву, но места не забронированы. И ни одного вообще места нет, ни на сегодня, ни на завтра. Начало учебного года через день! Тут хозяев прошибло потом, это была их забота – заранее забронировать места. Сопровождающий наш, побледневший, кинулся звонить. Примчал заместитель директора, толстощекий, пузатый и с кипучей энергией. Разбухший портфель подмышкой, сразу же умчался туда, где кассы. Там, видимо, ничего не вышло, потому что дунул прямо к выходу на аэродром. Минут через двадцать возвращается. Рожа красная, от пота блестит, раздает нам посадочные. «Скорей-скорей, будете первыми. А кто последним будет – сам виноват!»

Последних уже в иллюминатор самолета видела: это была молоденькая красивая женщина с ребеночком на руках и еще молодая парочка. Молодые в конце концов поцеловались и, обнявшись, отступили, а женщина с ребёнком вытирала слезы. Чехи охали, так им было женщину жалко, однако сидели на своих местах, как пришитые.

Погода аж до Москвы ясная, а в Москве жарища, градусов тридцать. Еду сразу же в Дубровицы, а чехи в гостиницу «Ленинградскую», самую, наверное, шикарную в Москве. Завтра к одиннадцати часам их привезут в дирекцию ВИЖа. Мне подойти туда же. Чехи слегка сникли, узнав, что вместо вольного денечка в столице снова предстоит «работа». Об этом сказали в загранотделе министерства, куда я из аэропорта позвонила. Так, мол, их советник хотел, товарищ Йирка.

В уже знакомый мне директорский кабинет ВИЖа заявились одновременно: чехословаки и я. Нас ожидали. На длинном столе вазы с цветами и фруктами, бутылки с минералкой и крюшоном, чистые до блеска тонкостенные бокалы. За столом кроме директора, сидевшего «во главе», были сотрудники с папками бумаг, с рулонами таблиц, с чистыми блокнотами и ручками. Нам всем тоже дали по ручке и блокнотику.

Чехословаки, увидав блокнотики и алчущих «плодотворной» встречи с иностранцами сотрудников, сникли. «Что невеселы?» – спросил бравый директор, бывший фронтовик. Я ответила за всех, что, мол, устали, потому что без выходных две недели работали. Директор принял это во внимание, и деловых разговоров почти не было. Папки толстые с бумагами так и не раскрылись и таблички остались в рулонах. Зато сам Всяких увлечённо рассказывал, как воевал. Тоже и Чехословакию освобождал. В Праге был потом два раза. Много друзей в Чехословакии у него.

А потом, уже более узким кругом, переместились в другое помещение, поменьше, чем кабинет, и с накрытым столом. По сравнению с Украиной, Ростовом и Краснодаром оказалось весьма скромненько. Но было замечательное «Советское шампанское», которое быстро веселило. Разом все говорили, стараясь друг дружку перекричать. Силилась все переводить. И с чешского на русский, и наоборот. Директор Всяких покинул свое головное место в торце стола, согнал сидевшего со мною рядом какого-то сотрудника своего и очень галантно за мною ухаживал. А когда прощались, то поцеловал руку и сказал комплимент: «Как хорошо вы научились говорить по-русски!» И еще сказал, чтобы я к нему, если что, обращалась, что он сделает всё-всё… Однако узнав, что я никакая не иностранка, а вся своя, вдобавок аспирантка его же института, он удивленно запырхал и, будто его обидели, отскочил от меня. Однако в конце, видя, как ухаживают за мной все мои чехословаки, пришвартовался снова и уже не отходил.

А утром чуть свет поехала я в Калугу за Леной. Загорелая, веселая, сразу же вспрыгнула на меня, обхватив руками и ногами: «Я – клещ! Я – клещ!» Тетя Тася подарила ей новенький портфелик. «Всю жизнь проработала педагогом, но такого ребенка не видела еще. Выпущенный Джинн из бутылки, вождь краснокожих, даже не знаю, как назвать. Неудержимая энергия! Без тормозов. Ни с кем еще так не уставала, хотя чувствуется, очень хороший человечек растет».

Бабочку еще позавчера увезли в Свердловск, потому что Славику нужен пригляд, а они, мама с Батей, вечно в отъезде. Тетя Тася, чувствуется, рада несказанно, что забираю свою дочу. А я втайне надеялась, что предложат еще остаться, пока с общежитием устроимся, пока Иво приедет из Хабаров.

Мы с Леной без своего угла. Живем то у Рядчиковых, то у дяди Бори, брата моей Мамы. Лена в восторге и от дяди Бори с тетей Лидой, и от квартиры их огромной. Целых три комнаты! Ванная, кухня. А больше всего ей туалет понравился: не надо на улицу выходить! У дяди Бори есть сын Юра. Учится в университете, а жена его там же, в аспирантуре. Я их еще не видела.

А в министерстве с меня отчет о поездке хотят. Товарищ Йирка сказал, что чехи от поездки в восторге. Он не знает, почему. Про море и Геленджик мы все договорились ничего не говорить Советнику посольства. Но в министерстве я призналась. А там сказали, что такое вообще-то не дозволяется, потому что иностранцы должны быть все время под контролем, а Геленджик, и тем более винный погребок, не были предусмотрены в их деловой поездке. Но, даст Бог, всё обойдется. Только в отчете об этом писать не надо…

Поселяемся в аспирантское общежитие

Наконец-то приехал Иво, привез трудовые книжки и справку из Новосибирского института об отчислении меня из аспирантуры в связи с переводом в ВИЖ. Даже не поцеловались, помчались с этими бумагами в дирекцию, в отдел аспирантуры. Вышел приказ, в котором указали и срок аспирантуры: Иве – три года; мне – два года и два месяца. В тот же день и в общежитие поселились. Вперлись туда мимо удивленной вахтерши с огромными чемоданами, с кучей разных коробок и с… ребенком. Дали нам комнатку, самую крайнюю к балкону, на третьем, последнем, этаже. Комнатка узкая и вытянутая чулком. Единственное окно – почти во всю ширь противоположной от двери стены. В комнате две кровати и два письменных столика. Комендантша Аня выдала матрацы, постели. Посокрушалась, как же мы с ребенком, взрослым уже, будем здесь все умещаться. Не лучше ли где-нибудь квартиру подыскать, так, мол, все делают, к кому приезжают жены с детьми. Но мы бодро сказали, что поместились прекрасно, и что я не просто жена, а тоже аспирантка.

Только мы расположились, Лена уже куда-то умчалась. Оказывается, на втором этаже телевизор есть, и она туда. Пока хлопотали, незаметно было, что Иво какой-то не такой. Смурной. В чем дело? Сказал, что, наверное, заболел. И очень плохое настроение у него. Рядчиковы

в гости пригласили – мы не пошли. Лег лицом к стенке. И скоро уснул. И тут я уяснила себе: мы так и не поцеловались! Сама же себя и успокоила: устал с дороги…

А наутро повела Лену в школу Дубровицкую, в третий класс. Школа – новенькое окнистое здание, прямо напротив аспирантского общежития. Просторные классы, спортивный зал, столовая, туалеты на всех трех этажах… Лена такую видела впервые (а я разве что в мечтах). В дирекции записали и сказали, чтобы сразу же на урок вела, звонок только что был. Вышла учительница, Полина Яковлевна, пожилая, но с молодыми умными глазами. Представила ей Лену. Та сразу же так ни с чего похвалила: «Хорошая девочка». А я пожалела учительницу, не хотелось, чтобы уж совсем было «кот в мешке», набралась храбрости, призналась, какой у меня тяжелый ребенок, пообещала приходить в школу, помогать справляться… «Я вот ей дам! Голову оторву!» – весело погрозила учительница Лене, а мне сказала не волноваться и еще раз громко повторила: «Девочка – хорошая!»

Лена Птак в Дубровицкой школе, 1965 г.

Темы наших диссертаций

Наконец-то подобрали темы. Просто по кормлению свиней лизином работ уже много, и не только в нашем институте. Виктору хотелось, чтобы наши работы были оригинальными. Иве он посоветовал заняться доступностью, т. е. усвояемостью лизина разных кормов. Мето-

дика определения этой самой «доступности» была только у американцев. Очень трудоемкая, требующая огромной тщательности и вообще терпения. У Ивы спросили, возьмется ли он за эту очень специфическую тему. Он согласился. А у меня и спрашивать не стали, сказали, что буду заниматься потребностью свиней в другой, следующей за лизином, лимитирующей, т. е. часто недостающей для свиней аминокислоте – метионине. К тому же требовалось определить, как влияет на эту потребность витамин B_{12}.

Известный советский витаминолог В. Н. Букин, который заведует лабораторией витаминов в институте биохимии Академии наук, доказал, что витамин B_{12} участвует в синтезе этого самого метионина. Значит, обеспечь поросенка растущего витамином B_{12} и смело давай рацион, дефицитный по этой аминокислоте? Но это еще доказать надо. «На свиньях таких опытов нет, ни у нас, ни даже в Америке», – говорит Виктор.

Решили (Рядчиков и профессор Томмэ), что мы с Ивой будем готовить методики по этим темам. Поэтому скорее надо знакомиться с литературой, а мне еще и с Букиным попытаться бы встретиться. Но сначала – продумать схему опыта и почитать литературу нужную и работы Букина.

В обед забежала в школу: уж лучше самой, чем по вызову, как это было в Хабарах. Полина Яковлевна вышла ко мне в коридор и незло напустилась: «И чего вы всё ходите?! Чего всё наговариваете на дочку свою? Прекрасная девочка. Прилежная, умная, послушная». У меня от удивления, наверное, глаза вытаращились и рот открылся: «Прилежная? Послушная?» «Она у меня лучше всех на уроках сидит. И троек у нее уже нет. Всё больше пятерки!» – улыбается учительница, в глазах веселинки пляшут, а я чуть не плачу от радости.

Почти каждый день езжу в библиотеку ВАСХНИЛовскую. Это почти в центре Москвы. Иво тоже, но он еще и в Тимирязевскую, что много дальше. Там, говорит, по его теме литературы больше.

Вся почти литература на английском языке, а мы его не знаем абсолютно. Рядчиков сказал, что в американских журналах до того четко пишут, что и не зная поймешь. И посоветовал начинать с таблиц. И он был прав: тексты в американском журнале Animal Science мне гораздо более понятны, чем в родном «Животноводстве». Там всего несколько слов, а остальное цифры. Мы с Ивой записались ходить в группу английского языка для аспирантов. Преподавательница Софья Арташезовна, или просто Софа, когда-то в Англии жила, армяночка с очень живой, прямо театральной мимикой. Кто-нибудь в напряге на деревенско-английском читает газетный текст, а она показывает на лице своем впечатление от нашего произношения. Получается ужасно смешно и очень весело, хотя лицо ее будто бы муки душевные отображает. Группа аспирантов (нас человек двадцать) то и дело взрывается хохотом, однако же – странное дело – так всё легко воспринимается!

Иногда, когда засиживаюсь в библиотеке, ночую у дяди Бори. Сплю в самой большой, огромной комнате на зеленом диване. Дядя Боря с приятно округлым брюшком и мудрым взглядом карих глаз на добром бородатом лице и симпатичная, с интеллигентным лицом жена его Лидия Федоровна очень ко мне добры, сказали, что могу бывать у них сколько хочу и когда хочу. У них столько прекрасных книг! Такой вид из окон с десятого этажа: зеленые перелески, низкие домики и много подъемных кранов.

Но больше всего мне нравятся у них туалет, ванная и холодильник. От этих трех вещей всегда испытываю наслаждение, особенно от холодильника. Там всегда есть докторская колбаса! И Дядя Боря с Лидией Федоровной говорят мне, чтобы я не стеснялась и эту бы колбасу ела сколько хочу. Знали бы они, сколько я могла ее поглотить! Всю бы, без остатка! Поэтому держу себя в узде относительно колбасы и стараюсь больше пить чаю просто с хлебом…

Готовлюсь к эксперименту и знакомлюсь с ведущим витаминологом страны Букиным

В экспериментальном хозяйстве ВИЖа «Клёново-Чегодаево» пытаюсь договориться насчет опыта: нужно будет около сотни поросят-отъемышей и, главное, место, куда свиней подопытных расположить. С местами, предупредили меня, осенью плохо, потому что свинарники, в которых зимуют, переполнены, там поросят по группам не поставишь, а деревянные – летние времянки, в них зимой замерзнут. Все равно пошла к директору Барбашову. Бывший морячок, но уже в годах, с брюшком, с нагловато-умным взглядом небольших темных глаз на круглом котином лице. Говорят, очень способный организатор, окончил на скорую руку сельскохозяйственный институт (по сильно сокращенной, партийной программе) и уже известность приобрел на весь Союз: выращивает дешевую свинину в недорогих летних постройках-мониторах. Сам Хрущев то ли приезжал, то ли к себе вызывал…

В Клёново из Дубровиц служебный автобус ходит. Первым рейсом, в шесть сорок пять утра, на нём ездят Лена Рядчикова, сотрудники ВИЖа и аспиранты, которые опыты ведут в этом хозяйстве. А в двенадцать дня, вторым рейсом, возвращаются сильно пропахшие свинарником или скотными «опытники». А есть еще и третий рейс, в четыре часа дня.

Я поехала первым рейсом и в числе двух уважаемых сотрудников испрашивала разрешение Барбашова начать опыт на поросятах. Барбашов отказал всем. Сотрудники спокойненько подосвиданькались с директором до весны, а я осталась еще сидеть в кабинете. Сижу молча, пока не сказал:

– А ты чего высиживаешь, не поняла что ли меня?

– А я не могу ждать до лета: осталось мало времени. Поэтому приеду еще просить.

– Приезжай, проси, – повел он широкими ожиревшими плечами, – только ведь места нет. Из мониторов деревянных к декабрю всех угонят в зимние свинарники, где нет условий для ваших опытов. А в мониторах, как большой мороз грянет, так и замерзнет всё.

– А как же у нас на целине в арочниках не мерзло? – спросила я, стараясь держаться как можно наглее.

– А ты что, на целине что ль была?

– Ага! Зоотехником. Потом директором. (Не стала уточнять, каким, сколькими людьми командовала). – Эти бы мониторы соломенными тюками обложить, если солома есть, – говорю.

– Найдем солому. Обложим. Попробуем, – вдруг согласился Барбашов и милостиво разрешил сходить на мониторы, посмотреть поросят, мол, еще там какие-то есть.

Поросята мне понравились, здоровенькие, спинки лоснятся. И матки тоже спокойные, в доброй кондиции и со здоровыми сосцами, на которых бело-розовыми колбасками повисли их дети-хрюшата. По десять-двенадцать поросяток под каждой маткой. А мониторы – щелястые, с раздолбанными сплошь полами, приземистые деревянные развалюхи. Я приуныла: удастся ли всё сделать как надо?

Барбашов, однако, успокоил: «Сделаем!»

Томмэ методику опыта одобрил и просил показать ее ведущему витаминологу страны, члену-корреспонденту академии наук Букину Василию Николаевичу. Сказал, что хорошо бы проконсультироваться у маститого витаминолога и, может быть, попросить для опыта витамин B_{12}.

Букин – моложавый старик лет шестидесяти. Лицо простого крестьянского мужика, но с внимательно-умным взглядом живых серых глаз под густыми бровями и доброй улыбкой. Кроме него в кабинете две пожилые, необыкновенно милые женщины. Одна – с деревенско-русским и в то же время очень интеллигентным лицом – Евдокия Петровна Скоробогатова, другая, тоже седая, но с черными грузинскими глазами – Лидия Яковлевна Арешкина.

И девушка, черноголовая и черноглазая, с лицом мадонны – лаборант Наташа Клюева. Они как раз перекусывали и чай пили. Василий Николаевич доставал из ящика стола бутерброды с окороком и всё предлагал то одной, то другой, не хотят ли. Они в ответ свое вынимали: печенье, пирожки. Мне тоже предложили. От запаха окорока я чуть было слюной не подавилась и скорее поспешила взять у Наташи печеньица. А меж тем Букин смотрел схему опыта и похвалил. У меня в опыте будет в рационах поросят три уровня метионина: дефицитный, т. е. процентов на двадцать ниже нормы, достаточный – норма и избыточный. Это группы – первая, вторая и третья. Чтобы составить рацион, достаточный по лизину и в то же время дефицитный по метионину, пришлось ввести аж тридцать процентов гороха. Рацион совершенно не содержит кормов животного происхождения, поэтому лишен и витамина B_{12}. Чтобы выявить, как этот витамин повлияет на потребность поросят в метионине, надо было ввести еще три группы животных с теми же тремя уровнями метионина (группы четвертая, пятая и шестая), но уже и с добавкой витамина B_{12}.

Василий Николаевич дает витамин: «Дозы побольше надо, микрограммов по сто на килограмм корма». (У меня было запланировано по двадцать пять). И сказал, что надо обязательно сделать биохимию, посмотреть, как повлияет витамин B_{12} на метионинсинтезирующую способность печени. Тут же стал объяснять мне, что это такое, рисовать реакции. Химик я никакой, но Букин так интересно рассказывал, рисовал при этом. Я обо всем на свете забыла, так меня это захватило. Для себя уяснила, что надо где-то в половине опыта, т. е. в период самого интенсивного роста, контрольный убой запланировать, быстро изъять печенки и скорей-скорей, чтобы ферменты активность еще не утратили, привезти их к Букину в лабораторию на анализ. И еще я уяснила, что, слушая, незаметно для себя подъела всю горушку бутербродов, пирожков и колбаски… Очнулась, когда Букин, прервав рассказ о том, как витамин B_{12} влияет на активность определенных ферментов, стал быстро шарить по выдвижным ящикам своего стола. Не найдя ничего, сделал знак Наташе. Она еще отыскала колбаски… Наконец я окончательно осознала, что ем и что наелась. Все, а уж полно сотрудников было в кабинете-лаборатории, весело мне улыбались. Букин с восторгом хвалил и будущую работу, и меня (что так здорово ем). Сказал, чтобы, как пойдет опыт, приезжала бы сюда к ним. На прощание дал целый полиэтиленовый пакет высокоактивного концентрата B_{12}.

Опыт, занятия английским, прогулки по парку и удар в сердце

Ободренная Букиным, снова поехала в Клёново. Сразу же с утра к Барбашову зашла. Кроме него в кабинете управляющий свинофермой сидел, невысокого роста, щупленький, глазастый, чем-то похожий на озорного мальчишку, хотя уже немолодой, наверное, лет за тридцать.

– Дашь ей место под опыт на шестом мониторе, – сказал управляющему Барбашов, как только меня увидел.

– Так ведь Махаев, Крохина Вера ставить опыт хотели, вы им обещали.

– Мало что кому обещал. В свинарнике я им обещал, – вскипел Барбашов. – Я им вообще отказал. Весной проведут. А у нее срок. Через два года диссертацию защищать. Монитор соломой утеплить, чтоб вода не застыла. Понял? А ты, – обратился он ко мне, – чтоб на банкет не забыла позвать!

На другой день уже отбираю поросят для опыта, одинаковых по возрасту и весу. На Клёновской ферме это возможно, потому что здесь опоросы туровые: группы в тридцать – тридцать пять голов свиноматок поросятся туром, то есть практически одновременно. Каждому поросенку, отобранному для опыта, ставлю на ушах номер – специальными щипцами делаю выщипы на ушах: единицы сверху правого уха, десятки в том же месте на левом. А низ уха, соответственно, тройки, тридцатки. Больше всего верещал восемьдесят восьмой, ему

аж восемь выщипов досталось вытерпеть, по четыре на каждом ухе, два сверху, два снизу. Мне помогает Надя, сильная, молодая женщина, с красивым, совсем не деревенским лицом. Она лаборант Рядчикова, работала в этом же мониторе на опыте, который только что закончился. Поросята мои еще не отняты, и свиноматки волнуются, когда мы отлавливаем их детей. У Нади получается куда ловчее словить, чем у меня. Пойманного сажаем в бочку, поставленную на почтовые весы. Взвешиваем, и я щиплю номер (Надя боится крови). Потом все данные – номер, пол, вес – записываю в тетрадь. Ор стоит оглушительный. Свинарки меж собой меня клянут: от беспокойства такого поросята вес потеряют, а скоро отъем, подсчет привесов, премии. Однако распоряжение директора нарушить не смеют.

В общежитие вернулась жутко вонючая и счастливая: начала предварительный период опыта. Это время – две-три недели – когда всем группам поросят скармливают один и тот же рацион, без всяких добавок. В конце предварительного периода надо будет снова всех взвесить, выровнять группы по весу, полу и происхождению…

По средам в Клёново не еду, т. к. у нас английский. Иво тоже не в Москве, английский ему нужен еще больше, чем мне: ужасно много литературы читать ему на английском. Софья Арташезовна, или Софа, как её зовут аспиранты, не перестает потешаться над нашим произношением и в то же время очень радуется и хвалит тех, у кого хоть что-то выходит. Сегодня мы все радуемся: Софа объявила нам на английском языке, что в космос полетел нынче утром первый в мире космический экипаж: Владимир Михайлович Комаров, Константин Петрович Феоктистов, Борис Борисович Егоров. Они уже в космосе, беседовали по радио с Хрущевым и Микояном.

Из нас почти никто газет не читал, радио не слушал. Когда Софа стала нас по отдельности вызывать и спрашивать: «Что я сказала?», каждый говорил своё и всё не то: «Хрущев и Микоян встречаются с космонавтами», «Космонавты едут в Кремль», кто-то даже понял так, что все они едут к нам в ВИЖ в каком-то экипаже, наверное, на «Волге» или на газике.

Софа делала уморительные рожи, и мы все ужасно смеялись. Потом сказанное ею ранее она написала на доске по-английски, и мы, наконец, поняли и захлопали в ладоши. Она тоже. Мы убедились, как важно знать английский разговорный. Для этого лучше всего в Англию ехать. Когда-нибудь это станет возможным. Станет ли?! Когда? Все же замечательно, что мы снова в космосе, и уже коллективно.

А погода чудесная. Октябрь, а тепло, и воздух, пахнущий опавшими листьями… Гуляли по парку. Липы огромные, одну из них, в парке, что возле Голицынского дворца, еще (по легенде) Петр Первый сажал. В парке – дорожки, мощеные кирпичом, и две горушки по обе стороны центральной дорожки. Это специально было сделано для господских детей, чтобы на санках кататься. Говорят, землю в парк везли телегами аж из Орловщины. Оттуда же и к церкви приволокли чернозему. Рядом с церковью, красивой, как в сказке, и совершенно необычной, построенной в самом конце семнадцатого века, тоже насыпана горушка, но уже порядочная, высотою чуть ли не выше самого купола церковного. Короной царскою сделан купол. Положено быть кресту на нём. Однако же стоит без креста, с отбитыми носами и крылышками у скульптур апостолов и ангелов, с зарешеченными окнами, словно тюрьма какая-то. Церковь из белого камня вся. На нее смотреть – не насмотреться. А вовнутрь лучше и не глядеть, там всякий хлам: доски, мешки с цементом, какие-то проржавевшие лопаты с граблями. Словом, склад. Дети туда сквозь какой-то лаз проникают, аукаются, ловя эхо, и делают кучки на полу, среди хлама складского. Заглядывать внутрь, нюхать вонь – весьма неприятно. Однако если смотреть со стороны, особенно с той горушки, что конусом возле церкви насыпана (землю, говорят, крепостные на руках выносили), то сердце восторгом заходится: такая красота, что и не выскажешь. Мы всей семьей, как в былые времена, дружно гуляем, любуемся церко-

вью-красавицей, которая в небе голубом, словно белый корабль, вся кружевная, плывет куда-то. «Вот так бы в небо и лететь!» – мечтается. Как же всё хорошо у нас…

А вечером соседка по общежитию, комната напротив, аспирантка Лена Лесникова приносит письмо. «Еще в пятницу пришло, заказное, а вас не было. Мне отдали». Лена такого же, как я, возраста, но худощавая, с ухоженными блонд-волосами, спадающими волной по узким плечам, с девчоночьим взглядом светло-серых глаз. Муж ее тоже аспирант, но по овцеводству специализируется, и поэтому почти все время в командировке, в Южном Казахстане…

А письмо из Хабаров. Пишет Лариса, лаборантка моя из племстанции. Я было обрадовалась, а потом… и продохнуть не могла. Сдавило грудь, как тогда в Хабарах, когда узнала, что Иво мой со Змановской закручивает. Но тут уж посерьезнее: сейчас в Москве Змановская, в Тимирязевку ее послали на курсы повышения для экономистов. Своей подружке, Рае, она хвалилась, что Иво обещал жениться, что пока не может развестись, потому что, мол, на птичьих правах в Москве, но потом жена (я то есть!) сама развод сделает, и тогда они со Змановской будут вместе. А эта Рая под большим секретом кому-то из конторских рассказала…

Иво со мною рядом сидел и допытывался, что читаю, почему так побледнела. Я выскочила на кухню, сожгла письмо, как просили меня, и хотела было терпения набраться, молчать с Иво, а наутро поехать в дирекцию Тимирязевскую и попросить, чтобы выгнали поскорее Змановскую эту, она, паразитка, семью разбивает. Так поступить Лариса предлагала.

И опыт, и замечательный Букин, и «лекарство для моего сердца»

Крепилась всю ночь. Не плакала, не ругалась. Иво меня тормошил и нежно, как прежде, гладил по голове. Должно быть, он уже догадался, что я всё знаю, но не стал выспрашивать, только вздыхал тяжело и загадочно. От его нежности и вздохов было мне еще горше. А утром – ни в какую ни в Тимирязевку, а, прочитав про себя «Отче Наш», поехала в Клёново. Поросята росли ровно и споро. Дня через три можно основной опыт начинать. Готовила для этого навески с витамином и с метионином, для каждой опытной группы свои. Заказала на мельнице смолоть три тонны ячменя и тонну гороха, чтобы основную кормовую смесь приготовить для свиней. Весь день словно в тумане была… Однако легче стало. И подумалось, может, всё это неправда? Надо у Ивы, у самого спросить. А он сегодня приехал поздно. Уж не только Лена – всё общежитие спало. Я тоже была в полудрёме, и почему-то не так уж и тяжко мне было. Спать ужасно хотелось. Я спросила прямо: «От нее приехал?» – «Да». И замолчали, потому что если говорить, то Ленусь может проснуться, она чутко спит. Я тихо плакала, а Иво на сей раз даже не стал успокаивать. Молчал, отвернувшись к стенке. Кажется, тоже не спал. Я решала про себя, что мне делать, чтобы и он страдал, чтобы его совесть мучила. Пойти к реке утопиться? Но уже конец октября – вода холоднющая… Резануть себя скальпелем? Представила, как потечет моя кровь, как он в ужасе будет сам себя осуждать и попробует спасать меня. А я скажу, что мне смерть милее… И вдруг сама себе ужаснулась: а как же доченька моя? Будет с мачехой?! Да ни за что на свете! Словом, решила я себя не убивать, но слезы еще обильнее потекли… Пока не уснула…

Проснулась от того, что где-то орало радио и кричали «Ура!» Москва встречала космонавтов. В их честь демонстрация на Красной площади. Только нет среди руководителей партии и правительства Хрущева. Он будто бы еще неделю тому назад сам попросился, чтобы его по состоянию здоровья отпустили на пенсию. Все (Софья Арташесовна, аспиранты), тогда сильно удивились: такой активный и на пенсию! Да ведь он даже на отдыхе в Крыму, говорят, не мог усидеть, по фермам совхозным мотался, бройлерную фабрику посетил… На его место Пленум единогласно избрал Брежнева, а председателем Совета министров – Косыгина Алек-

сея Николаевича поставили. Два портрета вождей в «Правде», Брежнева и Косыгина. О Хрущеве уже и не поминают, будто и не было такого энергичного и порой смешного «Царя без царя в голове».

Иво уже смотался к этой заразе, наверное. Лена – в школе. Она – молодец, настоящая хозяйка в доме. Коечку свою прибрала и на столе чайник с горячей водой и кусочек омлета на сковородке… Я тоже в Москву поехала. Хотелось кому-то высказать свое горе, тому, кто посочувствует искренне. Или даже никому ничего не рассказывать, а просто побыть рядом с человеком, добрым, сильным и умным. Такой – Букин Василий Николаевич.

«Хорошо, что приехала!» Не спрашивая, хочу ли, попросил Наташу чайник поставить, вытащил на стол свои бутерброды с окороком. Говорили только о работе, о том, какой чудный этот витамин B_{12}. Скольким людям вернул жизнь. Есть такая болезнь – пернициозная анемия: человек страдает от недостатка гемоглобина, в синтезе которого участвует витамин B_{12}. Их могут спасти от анемии только ударные дозы B_{12}. Раньше им скармливали богатую витамином сырую говяжью печень. Однако нужно было съедать ее килограммами, а у них, у пернициозников, аппетита нет, отказывались есть. «Раз, – вспоминал Букин, – когда мы вот в этой нашей лаборатории нашли способ синтезировать витамин B_{12}, то первые кристаллы я дал молодому врачу из больницы, где пернициозники лежали. Один из больных уж и не вставал, отказывался от всякой еды, дожидался смерти. Тогда этому больному сделали инъекцию витамина B_{12}. Когда часа через четыре зашли в палату к нему, то застали больного стоящим перед тумбочкой своей. Он уже все ящики перетряс, все завалящиеся кусочки съел, даже и крошки смёл».

От Букина позвонила я товарищу Йирке. Он, кажется, обрадовался. Сказал, что у него для меня что-то есть интересное, чтобы обязательно приезжала. Договорились, что приеду завтра, а сегодня я решила побыть еще в библиотеке, тут же, в институте биохимии, а вечером пойти ночевать к дяде Боре. «Пусть поскачет без меня», – подумалось относительно Ивы. Однако вечером, когда пили чай и ели хлеб с маслом и с чудесной докторской колбасой, я вспомнила, что ведь у меня в Дубровицах не только Иво, но и самое дорогое мне существо, моя доченька. И я пожалела, что Лидия Федоровна уже и постель мне постелила на диване. Почти всю ночь я ворочалась и слезами истекала, жалея себя и своего ребенка, и вообще свою семью…

Утром еле дождалась девяти часов, чтобы позвонить. «Да, да, приезжайте, жду!» – услышала жизнерадостный голос товарища Йирки.

Крепко пожал мне руку, усадил в удобное кресло за журнальный столик. Весь радостью сиял, добротой, какой-то умиротворенностью: «Жена приехала, – сообщил, – с младшими детьми, Ваней и Оленькой… Да, да, русские имена у детей. Это жена, Люба. Она любит русских, Россию. Ее любимый поэт – Есенин. На память знает многое. «Шаганэ ты, моя Шаганэ!..» – И таким счастьем его лицо светилось, что даже и мне легче стало на душе. А потом он дал мне весьма объемистую книгу: «Витамины ве виживе звиржат», что значит «Витамины в питании животных». Книгу товарищу Йирке подарил сам автор, Зденек Мюллер, который на днях был в Москве. Сам он биохимик, витаминолог и аминокислотчик. Между прочим, хорошо знает Букина. У Мюллера много патентов, очень активный. В лаборатории своей в Горних Почерницах (это на окраине Праги) он успешно разрабатывает биологически активные препараты и премиксы, т. е. смеси, в состав которых входят витамины, аминокислоты, соли микроэлементов, антибиотики… Но самое главное, товарищу Йирке он привез пакет лизина. «Вот он, для вас! – Йирка положил рядом с книгой увесистый, килограмма на четыре, полиэтиленовый пакет с белым порошком. – Чистый, почти как японский. В Почерницах и ферма есть. Опыты проводят. После аспирантуры и вы туда поедете. Я уже говорил, вас туда возьмут. Жить в Праге будете…»

Последние слова меня вернули к реальности. Сдавило горло. «В Прагу я не поеду!» – «Ка—ак?! Вы же говорили. Мы вас уже своей считаем…» – забеспокоился Йирка, вспрыгнул от стола и большой, удивительно легко, словно танцуя, молча заходил по кабинету. Потом вдруг увидел мои слезы. «В чем дело? Муж?» – «Да…» Я все рассказала.

Товарищ Йирка жаждал действовать. «У меня знакомый в ректорате. Стоит позвонить только. Её в другое место переведут. Не в Москве», – и уже летит к телефону. «Нет!» – почти кричу я. «Тогда, может быть, его? Вызовем сюда. Он партийный? Он ведь будет нашу стипендию получать». – «Нет! Вам я рассказала, как другу, не как официальному лицу чешского посольства. И очень прошу ничего не делать и никому не говорить». – «А Любе можно? Жене. Она очень умная…» Только я произнесла «Да», товарищ Йирка мигом к телефону: «Люба!» И без всяких предисловий: «Когда сможешь принять жену аспиранта нашего? Тоже аспирант. Да… да…» – И сияющий ко мне: «Люба вас в гости зовет. В это воскресенье приезжайте, в семь вечера». И дал мне домашний телефон. Потом еще пытался успокоить: «Влюбиться можно. Вам, Эля, даже необходимо влюбиться. Это для вас – лекарство сейчас. Но семья – святое! Семья должна всегда оставаться семьёй…»

На свиноферме и дома

Прошли две недели, черные, как беззвездная ночь, и сияющие сквозь черноту лучами человеческой дружбы. А главное, благополучно закончился предварительный период опыта. Вместе с Надей и одной из свинарок взвешиваем поросят. Ловим, сажаем в бочку, поставленную на почтовых весах. Подросли они. Таскать их да в бочку пихать – маятно. Верещат, будто их режут, из бочки выпрыгнуть норовят. Весы ходуном ходят. Свинарка веник к мордочке сунет – и на секунду замрет поросенок, и тогда взвешиваю. Когда откинули самых больших и самых маленьких, получилось шестьдесят голов: ровненькие, здоровые, средний вес – двадцать килограммов. В каждой группе по десять голов. Заняли пока что всего шесть станков, у каждой группы свой. Пока не тесно. А монитор уже соломой утеплили. Воздух легкий и тепло. Нужную кормосмесь – основной рацион – мы с Надей еще вчера приготовили. Смесь простая: ячмень, горох да необходимое количество минералки и витаминов (кроме B_{12}). В рационе отсутствуют корма животного происхождения, но белка достаточно, норма. А из всех элементов питания не хватает витамина B_{12} и частично метионина.

Когда защищала в отделе методику, сотрудники научные, особенно Махаев, были против такого рациона, говорили, что поросята есть не будут, когда столько гороха. Мы уже проверили: едят. Хорошо, что мы в мониторе. Свежо здесь, и у поросят аппетит. А Махаев, чувствуется, не любит нас, меня особенно. Мы – Рядчикова кадры, а с ним у Махаева нелады. Рядчиков, ученик Попова, хорошо знает литературу зарубежную, стоит «на гребне» по аминокислотной проблеме, к тому же симпатичный, «демократичный», так о нем Томмэ говорит, импонирует всем: и аспирантам, и младшим сотрудникам. Он и сам пока младший, Томмэ пробивает единичку старшего для него.

Махаев Евгений Алексеевич по возрасту нам с Рядчиковым почти ровесник, но уже начальник. Всё в отделе материальное в его руках. Чтобы получить что-то у хозлаборанта, сначала надо к Махаеву идти. А он еще и покочевряжиться любит и поорать. На меня раскричался, когда я у него пошла ведра просить для опыта. (Ведра, оказывается, хозлаборантка бы выдала и без него. Это не реактивы). «Вы с Рядчиковым, наверное, завхозом считаете меня! Я вам покажу. Я посмотрю, как вы там, в Клёнове, опыт химичите… Зимой там нельзя вести, а вы…» Я старалась ему объяснить, что ведь монитор утеплили, так что поросята не простудятся, однако это его злило еще больше. У Махаева бледно-серые, чуть навыкате глаза, светлые редкие волосы, короткая, идущая прямо от подбородка шея. Лицо, когда он спокоен, симпа-

тично и до смешного напоминает поросеночка. Хуже, когда он орет: ужасно неприятно выглядит, и глотка луженая.

Вечером зашла к Томмэ. Все ушли, он один в кабинете. Готовит книгу – таблицы питательности кормов. Огромная будет книга. Сказала, что уже начала учетный период опыта. Посоветовал обязательно вести дневник эксперимента.

Пришла домой после того, как ещё в лаборатории поработала: брала навески и сжигала корма на азот. Лена спит уже. За окном снежинки летят, завьюживает. А у меня опыт идет. И завтра-послезавтра пойдет. Я ведь всё приготовила, оставила Наде порошки с метионином и концентратом витамина B_{12} для каждой из опытных групп. А как их с кормами смешивать, она уже знает: мы вместе с ней и смеси делали, и кормили… Завтра поеду в библиотеку ВАСХНИЛ, а потом к Дя Боре, а в воскресенье к товарищу Йирке в гости. Буду читать, говорить с хорошими людьми, а поросята всё это время будут расти, расти… И уже совсем не чувствую той боли, что раньше за сердце ухватывала и не давала спать.

Иво пришел поздно. Молча лег, повернулся к стенке. Сразу же стало жарко, застучало в виски. Однако себя пересилила. Молчала. И старалась вспомнить, как угощали меня в лаборатории Букина и как я все незаметно для себя подъела, а Букин и сотрудники его весело мне улыбались… А потом этого чеха вспомнила, товарища Йирку. Хороший он человек… Представила улыбку его, внимательную мягкость во взгляде… Это меня убаюкало: сладко уснула.

«Мы ваши самые-самые друзья»

Лидия Федоровна удивилась, что ничего не ем. А я очень волнуюсь. Желтками до блеска намыла волосы, потом еще на лицо питательную маску сделала. В зеркале даже не узнала – интересная! Поулыбалась сама себе.

Дом, где живет с семьей товарищ Йирка, рядом с посольством. Тоже из мрамора и гранита. Когда пришла, он уже стоял на ступеньках у входа в подъезд, в домашних тапочках, радушный. Повез на лифте на третий этаж. Люба, жена его, показалась сказочной, чем-то на Шехерезаду похожей. Черные волосы, чернущие стрелами брови, словно у персидских красавиц глаза, правильное, с легким подбородком лицо и удивительно добрый, просветленно-умный взгляд. Она подала мне руку с узенькой аристократической ладонью. Сразу вспомнились романы, где дамам целуют ручки. Такие только целовать! А ручкам, наверное, достается, ведь трое деток у них. Старший – Ян, высокий, шатен голубоглазый, ходит уже в седьмой класс, в обычную московскую школу. Младший – Иван, взглядом и мастью очень похож на Любу, и самая младшая, только еще в школу пошла, светловолосая «папина дочка» Оленька. Дети все со мной поручкались, ушли в детскую, а мы втроем уселись за стол в гостиной, где вдоль стен стояли шкафы и полки с книгами, чешскими и русскими. Даже русских больше. Весь Чехов, Достоевский, Гончаров, Есенин, Маяковский… И конечно же, произведения других наших классиков. Над одним из шкафов – портрет Хрущева.

«Не успели снять?» – подумалось. Товарищ Йирка будто мысли мои прочёл: «Портреты менять не собираемся. Хрущева уважаем как человека. Много хороших людей спас. Культ разоблачил. Его снимали – тоже в культе обвинили. Но ведь ему пришлось так много всё самому делать. Особой поддержки не было». Товарищ Йирка знает об этом от какого-то Шевченко – помощника Хрущева. Люба рассказала, что в Чехии искренне любили Хрущева, она как раз там была, когда Никиту Сергеевича забрасывали цветами и чехи, и словаки. Это же совсем недавно было! Отставку его восприняли там, как пощечину. Особенно огорчило, что всё молчком произошло. Никто так и не понял причины. Ясно было лишь, что не сам он захотел отдыхать уйти.

Потом говорили о делах семейных. Люба рассказала о своих детях, расспросила о Лене, пригласила привозить ее в гости. После ужина – чудесные чешские сосиски с горчицей и пиво

плзеньское – Люба читала на память своего любимого поэта Есенина, а Карел (так просил называть себя товарищ Йирка) – Маяковского. Уже перед моим уходом, а был уж одиннадцатый час, они весьма деликатно заговорили о моих отношениях с Иво. Люба по-дружески взяла меня за обе руки и, доверительно заглядывая в глаза мне, сказала, что знает всё, что одобряет моё решение никому ничего не говорить. Можно только самым-самым друзьям. «Только нам! – весело подхватил Карел, – мы ваши самые-самые друзья». Я чуть не расплакалась, так хорошо мне стало от этих слов. «Лучше всего изобразить, что влюблена. Мужчин это сразу же пронимает», – пустив на мужа своего лукаво-веселый взгляд, сказала Люба. «В меня влюблена, в меня!» – шутливо докончил мысль ее Карел. Оба смеялись. Оба милые, умные, чудесные. А я и так уже была влюблена. В них обоих! Даже и в их детей. Во мне всё перевернулось. Горячие волны большой радостной любви захватывали меня. С Любой мы расцеловались, будто давным давно были подругами, с Карелом крепко поручкались.

Люба Йиркова, 1965 г. Архив Ольги Ломовой (Йирковой), Прага.

Домой прикатила в первом часу. Сразу же разделась и в постель. Иво лежал, отвернувшись к стене. Я тоже к нему спиной. Он закряхтел, повернулся ко мне, спросил, где пропа-

даю, ведь ребенок у меня. «Ну и что?» – говорю, вернее, шепчу. Беззаботную из себя строю. «А то, что переживал…» – и попытался было возобновить отношения наши супружеские. Я сказала, что уже поздно, и пошла спать на другую, узкую койку, где Лена была. Там обняла свою доченьку и сладко уснула.

А опыт идет

Наконец везу в Клёново «Поручение», т. е. подписанную институтским главбухом Лапидусом денежную смету. Всего мне на опыт выделили четыреста рублей. Ужасно мало. Барбашов сказал, что за поросят, которых мы по две головы из группы убьем в четырехмесячном возрасте, надо платить совхозу. Да еще и лаборанта надо нанимать, потому что Виктор уже свой опыт закончил, и лаборантка его, Надя, в отгулы ушла и в отпуск. Бригадир Полина Прохоровна, величаво-красивая, лет тридцати женщина, жена заведующего фермой Алексея Егоровича, сказала, что есть у нее на примете хорошая женщина, Маруся Фёдорова. Она из лимитчиков, живет в бараке рядом со складом, что было когда-то церковью…

Сегодня же зашла я в этот барак. Их аж четверо (она с мужем и двое ребят) в одной комнатёнке. Негде пропихнуться. Когда Маруся включила свет, я, хоть и привычная видеть клопов, ужаснулась. Когда-то выбеленные стены все сплошняком в пятнышках – застывших (следы раздавленных) и движущихся (живых, налитых кровью). У Маруси красивое белоснежное тело всё в красных расчесах.

«Чем только не обрабатывали: и керосином, и кипятком, и дустом… Ничто их не берет. Во всем бараке кишат», – жаловалась Маруся. Она обрадовалась, что будет работать. В зиму работы и своим-то мало, а они приезжие, из Тульской области. Там тяжелее.

Зарплата у нее будет пятьдесят рублей в месяц. В институте у лаборантов по сорок пять рублей, и там они целый день заняты, а на опыте каких-то часов пять всего, не считая дороги. Почистить и накормить поросят утром (часа три) и вечером раздать корма. В Клёнове считают счастливчиком того, кто получил место лаборанта. Маруся, довольная, энергичная, быстро всё усвоила, как и чем кормить, какой группе какую добавку.

В Клёново езжу почти каждый день. Утром без пятнадцати семь. Темно на улице, морозно, а в автобусе ВИЖевском благодать. Пока едем, можно подремать. Нас всего шесть аспирантов осталось в зиму на опытах. Потом от автобуса по своим поросятам разбегаемся. Мне на монитор дальше всех. А из монитора идем с Марусей на склад затаривать корма. Одна мешок держит, другая лопатой насыпает. Для каждой группы свой мешок. Обозначаем краской, чтобы не напутать. Кормосмеси тоже делаем вдвоем. Муку ячменную и гороховую для смесей привозят нам с мельницы на лошади, минеральную добавку, соль и дрожжи сами притаскиваем со склада. А потом всё это ссыпаем на кучу и затем два-три раза всё перелопачиваем. Сегодня замесили целых две тонны. Дней на десять хватит.

Возвращаясь из Клёново, сразу же всё вонючее на балкончик, а сама на первый этаж общежития, под душ. А после – ужасно размаривает, и я спать кидаюсь. К трем-четырем часам прихожу в лабораторию. Там у меня под вытяжкой в колбах Кьельдаля растворенные в соляной кислоте кипятятся корма. До тех пор кипят, пока черное (растворенный обугленный корм) не превратится в прозрачное. Тогда делаю собственно анализ, определяю количество азота и по нему рассчитываю содержание в образце белка. А надо еще и все другие элементы питания определять. Особенно, говорят, муторно – клетчатку. Мне всё это еще предстоит освоить.

Иво снова ко мне как чужой. Но я, измотанная в этом Клёново, сплю нормально. А раз в неделю еще и в Москву еду, в библиотеку ВАСХНИЛ.

Когда в Москве – звоню Карелу. И почти всегда он зовет приходить: у него для меня что-то есть. И каждый раз душа возносится блаженством, когда подхожу к их посольству. Там уже

меня знают. Сегодня еще одну книжку мне дал – результаты опытов с аминокислотами чешских исследователей. Беру книгу. До чего же не хочется уходить. Сидим за столом друг напротив друга, глаза в глаза. Смеемся. Так весело мне. Даже не знаю отчего. Я прямо купаюсь в его взгляде. Вся омытая им. И когда расстались – он перед глазами. Неужели я взаправду?! Влюбилась! Стараюсь больше думать о его жене, прекрасной Любе. Мысли о ней любовь мою только усиливают, просветляют. И совсем уж дурацкая (ненормальная?) мечта появляется: вот бы с обоими сразу пожениться! И чтобы моя Ленуся росла бы с их Оленькой.

И пошли неделя за неделей: Клёново, лаборатория, английский… А утром по средам еще и политинформация, и попробуй опоздай на нее: Махаев ведет… Иво на днях спросил как бы между прочим, однако настороженно, согласна ли я развестись. Я все силы свои собрала, чтобы ответить спокойно, что согласна, но что подождать надо. Совсем немного.

И вдруг я почувствовала, что никуда он не уйдет, что это агония в их со Змановской отношениях. «Не могу ждать!» – занервничал было. «Тогда заявление пиши!» – говорю… Замолчал. И кажется, успокоился, даже повеселел.

А время идет, поросята на опыте хорошо растут, а уже и разница видна между группами: самые большие привесы были в группе, которым добавляли к рациону и метионин, и витамин B_{12}. Одно беспокоило: результаты моего опыта расходятся с данными Букина: витамин B_{12} может заменить недостающий в рационе метионин, и если метионина достаточно или избыток, то эффект от добавки B_{12} должен быть минимальным. У меня же получалось, что максимальный эффект от витамина был при избытке метионина…

Букина эти мои результаты немного смутили: в его лаборатории столько было опытов проведено, и по такой же примерно схеме… Однако он обрадовался: «Главное не в моих постулатах, а в том, что витамин B_{12} работает не только при недостатке в рационе метионина, но даже и при избытке его. Ваши результаты, Эля, настолько новы и замечательны, что мы их должны проверить в модельных опытах на лабораторных крысах».

Люблю?!

Стараюсь хоть раз в неделю быть в Москве, в Васхниловской библиотеке. Читаю и конспектирую американский журнал Animal Science. Там очень много для меня полезного. Сначала я только таблицы воспринимала, а сейчас уже почти всё, и без словаря. И всегда, когда в Москве, звоню Любе Йирковой: она всегда зовет к ним приехать.

И вот я снова у этих очень милых чехов в гостях. Пришла, когда Карел еще на работе был. Люба младших укладывала спать. Еще семи не было, а дети уже бай-бай. Ваня, с очень умненьким взглядом темнющих глаз, слушался, не споря, а Оленька противилась. Люба ее уговаривала, а она всё тянула: соку дай, книжку почитай…

«Должен вот-вот татинэк прийти, Оленька его ждет, она „его“ дочка», – объяснила Люба поведение девочки, очень красивой и очень на неё, Любу, похожей, с одной лишь разницей: Оленька – блондинка с голубыми глазами и тугою светлой косой.

Когда пришел Карел и уложили детей, стали говорить о последних событиях. Никита Сергеевич всё еще красовался у них на самом видном месте. То, что у них собственное мнение, что не держат нос по ветру, мне нравилось. У Любы много друзей среди наших литераторов. Главный редактор моей любимой газеты – Заколупин – тоже их друг.

Пьем чай. Карел ухаживает за нами обеими. А Люба мне улыбается: «В следующий раз привозите с собою мужа вашего. Карел, а ты при нём будешь за Элой ухаживать!» – и смеется.

Карел согласно кивает: «Можете Иве говорить, что мы с вами целовались!» – и оба весело мне улыбаются. Совсем не догадываются они, что творится у меня в душе: вместо прежних боли, огорчений, злости – только любовь. Как хочется мне целовать их обоих, таких необыкновенных, сделать для них что-то очень-очень хорошее. Давно уже не чувствую печали, а только

радость, которая переполняет. Летать хочется, кружиться. Если б могла, я бы такую музыку написала сейчас и посвятила бы им. Или картину: солнце из-под тучи, поле, уходящее в небо, радуга, капли дождя, сверкающие, словно бриллианты…

По земле без конца и без края

Любовь проносится зеленым ураганом…

Это самое начало моих стихов, которые посвящаю Любе и Карелу. Любу я люблю даже еще больше, чем Карела…

Возвращаюсь домой поздно вечером. Иво дома. Ждет меня с приготовленными котлетками из трески с творогом. Дёшево и очень вкусно. И тихонько, чтобы дочу не разбудить, выговаривает мне: где так долго задерживаюсь? А я в ответ молча вспоминаю своих замечательных друзей и, кажется, улыбаюсь. И это, видимо, его будоражит: пытается отношения возобновить. И я бы рада, но не так, не по-скотски. Молча иду на коечку своей дочуры и сладко засыпаю.

Отчетная конференция в отделе кормления и Новый год 1965

В кабинете Томмэ собрались все научные сотрудники отдела. Томмэ перед нами за двухтумбовым столом, а мы все перед ним на стульчиках, которые посносили из всех комнат. Народу полно собралось.

Докладывад профессор Модянов Алексей Владимирович, немолодой уже, прошедший войну (как мне сказали, без чинов и орденов, а только с медалью «За отвагу»). Он возглавляет лабораторию (внутри отдела), в которой работают с мочевиной, с ферментами и другими биологически активными добавками, ставя опыты, в основном на овцах и телятах. Отчет Модянова дополнил Саша Холманов. Томмэ похвалил его таблицы и графики. Мне понравились четкость, изящество изложения, однако не хватало, казалось, чего-то самого главного, того, что было у Рядчикова и у самого Модянова, того, что звало к размышлению. Слишком однозначно. «Только так и должно быть», – «говорили» его рисунки. Сам Холманов – стройный белокурый красавец с большими светло-серыми глазами, с отсутствием того самого, что высвечивает в лице его доброго старого шефа. В меру пижонистый, очень аккуратный. На него заглядываются. Особенно Ольге Глядяевой нравится он. Яркая, глаза большие, зовущие из-под длинных ресниц…

В меру пижонистый белокурый красавец Саша Холманов.

Потом выступал Венедиктов Алексей Моисеевич, специалист по фосфатам. Этот, казалось, вовсе без мысли и чувств, весь как налитая сарделька. От полноты щек даже глазки сузились. Докладывал ужасно скучно. Зато Анатолий Девяткин (ему уже за сорок, а он, словно мальчишка озорной, рожи строит, язык показывает) подперчивал свой доклад шуточками-прибауточками. Слушать было нескучно, хотя работа самая обычная – откорм бычков на свекловичном жоме. Потом выступали свиноводы: старший Махаев, одетый для такого события в отглаженный темный костюм, строгий, скромный, даже чем-то весьма симпатичный. Младшие научные сотрудницы, две Веры, словно мышка, тихая, зябко кутающаяся в шаль серую Печкурова и высокая, с крупным красивым лицом, с косицами вокруг головы Крохина. Виктор Рядчиков из всех выделялся эрудицией, энергией, душевной общительностью. Доложил о результатах опыта, а потом всё убеждал конференцию (которая в лице старушки Шаныгиной, специалиста по бумажной хроматографии, отчаянно сопротивлялась) приобрести япон-

ский аминокислотный анализатор. Убедил. Я последней выступила. Привесам поросят моих, не веря, ухмылялись. «Я вот проверю ваш опыт, я вам покажу!» – грозился Махаев Рядчикову после конференции. Его Махаев считал своим соперником, ну а я – из кадров Рядчикова…

Назавтра конференция продолжится. Будут витаминщики отчитываться, во главе с пожилой и несимпатичной Нестеровой. Даже когда она улыбается, видно, что недобрая. Видимо, жизнь у нее не задалась, она, говорят, одинока. Жалкая и злая.

У нее три человека работают младшими, в том числе Надежда Крускина, та, что в Тимирязевке меня воспитывала, и еще аспиранты. Надю Крускину уже седьмой год не пускает к защите. А еще есть в отделе старик, лет под шестьдесят, Демченко Петр Васильевич. Шустрый, поджарый, не боясь «воюет» с Томмэ, называя его табличным профессором и консерватором, который вцепился «в эту свою овсяную единицу». А он, Демченко, новую разработал, энергетическую. Однако всюду ему, Демченко, преграды строят. Докторскую вот уж третий год ВАК не утверждает.

Новый Год встретили всей семьей. Чуточку натянуто было меж нами с Ивой. Лене елочку маленькую принесли, нарядили. Подружки пришли к доче, Марина Дымковец и Наташа Терехова. Обе дробненькие и тихие, как мышки. А сегодня еще утром снова уехал. Я было загрустила, а потом вспомнила, что не поздравила еще Йирковых с Новым годом. Понеслась в Подольск звонить. Карел понял, кажется, что невесело мне. «Приезжайте к нам! Люба приглашает». Сразу же стало хорошо. Однако поехать отказалась. Вернулась домой, а там уже Иво. Смотрит на меня: я веселая. Уж не думаю об этой его заразе и думать больше не стану. Только Люба! Только Карел! Мои милые, родные друзья! Дыхание перехватывает – как люблю я их, как радостно мне. А Иво удивленный: «Где была?» Ага, думаю, заело. «В Подольск ездила, звонить. Карел и Люба нас поздравляют, приглашают в гости». – «А—а—а, – и засуетился с ужином. – Что хочешь, котлеты или рыбу? А может быть, „птачки“ (чудное блюдо чешское – фаршированное мясо) сделать, сегодня же праздник?» Ишь ты, думаю, о празднике вспомнил, и милостиво разрешила делать «птачки»…

А на другой день снова Клёново и на третий – тоже. Встаю по будильнику рано утром. На улице темень и мороз. А в автобусе тепло и радио включено. Всегда в это время песни. Из общежития ездим: я, Тарасов Коля – свиновод-разведенец и Тоня Югина, аспирантка Нестеровой. Иногда едут с нами Коля Стрекозов, тоже аспирант из нашего коридора, и Гена Шмаков – аспирант Девяткина. Коля Тарасов – высокий красавец и балагур, что ни слово, то шутка, а второй Коля – молчаливый, скромный, и чувствуется, очень хороший человек. Возят нас на стареньком двадцатиместном автобусике ВИЖевские шоферы Толя или Женя. Оба старше нас, прошли войну. Женя, говорят, был контужен, поэтому его лучше не раздражать. Он любит, когда все приходят вовремя, любит, если перед автобусом ноги тщательно вытирают, и ужасно нервничает, когда возражают ему. Тогда, кажется, автобус аж трясется. А Толя – душа-человек. В отличие от Жени, совершенно спокойно поджидает бегущего с фермы опаздывающего, с «попутчиков» берет лишь то, что дают, а коль нет денег, то и задаром отвезет. Однако есть у него слабость – сам признается: «Не могу пустым приходить в свой гараж-сарай, что-нибудь, хоть палку, обязательно принесу, а нет – больным себя чувствую».

Все мы поздравили друг друга с Новым годом. А на ферме я Марусю поздравила.

Вместе с нею кормлю своих поросят. Растут как на дрожжах.

Обменный (физиологический) опыт на свиньях и политзанятия

Начинаю «обменный». Из Клёнова привезла восемнадцать поросят в ВИЖ, на физиологический двор. Это бывшая голицынская конюшня, где, словно детские кроватки в яслях, стоят клетки для животных, сделанные так, чтобы моча вся стекала в подставленные бутыли. Ну а кал

собирают дежурные в эксикаторы – стеклянные посудины с притертыми крышками. Дежурные на опыте круглосуточно работают, по два человека в три смены. Зарплата им – по три рубля за смену. Идут охотно, в основном лаборанты своего же отдела, потому что зарплата у них у всех маленькая: сорок – шестьдесят рублей в месяц.

Дежурные ворчат: обычно возят по девять – двенадцать голов. А у меня восемнадцать. Поросята с непривычки скачут в клетках, пытаются вырваться. Одному это удалось. Словили его, но, гад, успел эксикатор один опрокинуть, и разбилась крышка. За это ожидается большой нагоняй от хозлаборанта: вся эта посуда из Германии привезена – трофеи. Здесь таких не купишь. Пока что закрыла эксикатор обыкновенным стеклом.

Встаю теперь еще раньше. В шесть утра уже я на обменном опыте: взвешиваю от каждого поросенка собранные мочу и кал, беру средние пробы. Все это взвешиваю, отмериваю, записываю в журнал. Стараюсь все быстро делать, а все равно управляюсь лишь к десяти утра. И надо идти делать анализы, идти на английский, на политзанятия. Их сам Махаев ведет. А я однажды уснула на политзанятии. Пробудил меня ор Махаева: «Американцы бомбят дружественный Вьетнам, а она спит. Раньше сразу бы выгнали за аполитичность…» Я было начала оправдываться, но это лишь его распалило. Все молчали. Девяткин сидел напротив меня и то ухмылялся, то строил рожи умненького мальчика. Потом, уже в своем кабинете, стал изображать Махаева. Похоже! Смеялись от души. Кто-то в двери торкнулся, и Девяткин принял самый серьезный вид. Всё это в доли секунды. Настоящий артист!

Впрочем, есть в этом плане и одареннее Девяткина. Недавно видела я, какие уморительные рожи Эрнст Лев Константинович строит. У нас в аспирантском его просто Левой зовут, он свой здесь. Пожалуй, из всех мне знакомых ВИЖевцев этот Лев – самый-самый умный и обаятельный…

А дома отношения наши с Ивой всё еще натянуты, хотя, кажется, он уже и не думает о разводе. Зато я каждый день и каждый час думаю о Кареле. Прямо наваждение какое-то. А вернее, песня души, которая помогает мне всё преодолеть.

Биохимические исследования подтверждают результаты опыта

Атакую Барбаша, чтобы разрешил убой, по две головы с группы. Он требует, чтобы ВИЖ оплатил потери. Это на четыре тысячи с хвостиком. А мне только тысячу выделят, и то с огромным трудом пробиваю. Махаев против убоя: зачем нам эта биохимия, надо Букину – пусть и платит. Томмэ всегда в плане денег слушает Махаева, а тут решил по-своему: подписал бумажку на две тысячи. Лапидус – главбух институтский – с ядовитой улыбочкой сообщил, что для отдела кормления все лимиты давно исчерпаны. Выручила зам главбуха Люба Вениаминова, жена Саши, с которым Иво когда-то жил в одной комнате в Тимирязевке. «Своим друзьям всегда помогаю. Махаеву не дам, что он мне, а тебе дам. Тысячу. Больше нету».

Я и этому рада. Теперь уломать бы Андрея Алексеевича.

«Ох, и нудная же ты женщина», – говорит он в сердцах при управляющем фермы, Алексее Егоровиче. А тот мне подмигивает, дескать, не отступай. Наконец согласился на двенадцать голов. А потом, когда Егорыч на ферму поспешил, Барбашов, глядя на меня своими круглыми котиными глазами, произнес: «Я б тебе и всех восемнадцать разрешил, и все б вообще тебе дал, и на своей бы машине возил, если б ты… ну, сама понимаешь… А у тебя ж, говорят, муж есть». Благодарю его «за комплимент», а главное, за разрешение на контрольный убой, который решено было провести прямо в хозяйстве…

Сложила все пробы только что вынутой, теплой еще печенки в огромный термос с жидким азотом, которым снабдили меня в лаборатории Букина, и в Москву понеслась. А в Клё-

ново, где продолжали разделывать туши, остался Иво. Он мне с организацией убоя очень помог. Передала ему спирт, который дал мне сам Букин, чтобы расплатиться с убойщиками.

В лаборатории Букина ждали с уже приготовленными реактивами. Лидия Яковлевна и Евдокия Петровна сразу же взяли привезённые печенки в оборот. Бархатно заработали моторы: гомогенизатор, центрифуга… Всё японское. Мне полагалось на первый раз только смотреть и записывать. Руки обоих женщин, натруженные, с четко обозначенными венами, летали, манипулируя пробирками, колбами, стаканчиками, которые они заполняли, приливая пипетками реактивы из разных колб, ставили в центрифугу, снова переливали и, наконец, ставили в термостат. Там, в термостате, и должна была проявиться активность ферментов, ответственных за синтез в печени метионина. Как повлияет на эту активность наша добавка поросятам кормового B_{12}? А вдруг нет? Надо ждать. Пили чай, пока пробирки в термостате.

Арешкина Лидия Яковлевна и Скоробогатова Евдокия Петровна прошли всю войну, в медсанбатах работали. Меж собой они Лида – Дуся. Обе статные, видные. Арешкина, обрусевшая грузинка с большими, проникновенно-умными южными очами под черными дугами бровей и сейчас красива. Евдокия Петровна – тоже, но светловолосая, с выгоревшими бровями, с маленькими, как у белой медведицы, глазками, излучающими несказанный душевный уют. В лабораторию пришли сразу после войны. Работать привыкли не по восемь часов, а сколько надо, чтобы что-то получилось. Лаборатория их стала славной на весь Союз, и даже в мире знают о них. Постоянно приезжают стажеры. Из Японии, Англии, Германии. В лаборатории впервые получили «дешевый» витамин B_{12}. Потом, уже совместно с заводскими лабораториями, усовершенствовали метод. И сейчас, то есть в шестидесятые годы двадцатого века, наша страна поставляет витамин B_{12} даже в Швейцарию (очищенный до кристаллов). А кормовой – на все комбикормовые заводы идет (только мало их у нас!). Сейчас вместе с Латвийским биологическим институтом отрабатывают метод получения лизина. Из Латвии к ним в лабораторию постоянно приезжают, в том числе Вальдман Андрей Робертович, он там, в их республике, академик уже, хотя не так давно защитил диссертацию (Букин руководил). Он многих вывел в доктора, а Вальдмана вообще спас, из самого ГУЛАГа вытащил.

К Евдокии Петровне, пока мы чай пили, постоянно сотрудники подходили, по каким-то спискам платили трояки, рубли, куда-то записывались и просто за советом шли. Один – невысокого роста, с круглым лицом, со щеками, словно яблоки наливные, несколько раз подкатывал, что-то всё согласовывал, договаривался. «Любимчик Василь Николаича, Володя Быховский. Энергичный. Молодой, а уже докторская готова. Тоже по витамину B_{12} работает», – сказано было с теплотой, как о сыне своем. Но своего-то у Евдокии Петровны и не было. Семья для нее – лаборатория. Все родные. Даже я, «не своя», почувствовала её материнскую душу. Мне было здесь очень уютно. Не заметила, что вечер давно. Результаты получили уже к ночи, в десятом часу. Пришел Букин с полным портфелем свежих бутербродов. Сказал, что специально принес для меня. Снова чай…

Сам он стал увлеченно знакомиться с результатами только что проведенных анализов. «Замечательно! Великолепно! Вы, Эля, отлично вели опыт!» – восклицал Василий Николаевич и подкладывал мне на блюдечко бутерброды с окороком. Я вместе с женщинами пила чай и радостно заедала принесенной Букиным вкуснотой похвалы в свой адрес.

В группах с добавкой витамина B_{12} активность ферментов, которые участвуют в синтезе метионина печени, была в два и более раза выше, чем без витамина. Витамин B_{12} значительно повышал способность печени синтезировать метионин, даже когда этой аминокислоты было вполне достаточно в рационе. «Это что-то новое! Жареным пахнет», – довольный, улыбающийся, сказал Букин. Мы все чуть ли не хрюкали от радости. Решили, что по этой же схеме я еще и на крысах проведу опыт. Это здесь же, в виварии Института биохимии. Только в одиннадцатом часу ночи вспомнили, что ведь надо по домам. Женщины – обе – предложили мне

переночевать, они живут отсюда недалеко, на Вернадского. Но я позвонила дяде Боре, он еще ближе. Сказал, чтобы, конечно же, приезжала.

Утром, еще находясь у дяди Бори, товарищу Йирке похвасталась результатами. Карел искренне обрадовался, пригласил приезжать. Узнав, что некогда, сказал, что на днях сам приедет, посмотрит мой опыт в Клёново-Чегодаево. В совхозе с Барбашовым у него, мол, какие-то дела.

Радуюсь: Карел Йирка приедет в Клёново!

Утром небо звездами сияет, мороз. Еду в Клёново, чтобы марафет навести в станках (Йирка сегодня в Клёново приедет!). Поросята чистые, аж лоснятся. Теперь они сидят по пять голов в станке. Спят в одном углу. Там всегда сухо, чисто. А гадят возле дверцы: оттуда свинарке легко выгребать из станков. Свинарка их и приучила так себя вести. Удивительно понятливые и чистоплотные эти свиньи. Жалко, что всем им один конец. Жестоко со стороны человека. Один был поросенок – серый, с чуть прогнутой спиной, так всегда смотрел на меня, что делаю, будто понимал что-то. Не верещал, как другие. А теперь он всё мне помнится (он в контрольный убой вошел). Из-за него не могу есть мясо свиное, которое осталось от проб. Вдруг это кусочки того серенького…

Пробыла на свинарнике почти до обеда. Убрали, опилками всё посыпали, а гостей нет. Чуть на автобус ВИЖевский не опоздала.

А после обеда, когда пришла в институт, передали мне, чтобы зашла к профессору Грудеву. Он известный свиновод, зав. отделом. Интересно, зачем я ему потребовалась?

Небольшого росточка, весь овальный, как Томмэ, только гладко выбрит и глаза без томмовской мягкой озорнинки, ясные глаза, голубые, как небо северное, и прицеписто-строго смотрят на меня. «С какой целью приезжал к вам, да еще на свинарник, чехословацкий посол?» – «Чего-о?» – «А вы даже не знаете? А он знает вас. Хотел видеть. Мы, конечно, задержали разговорами…» Ах, так вот, оказывается, в чем дело! «Это ж никакой не посол! Это Карел Йирка». – «А откуда вы его узнали, где познакомились?» – «Так я же в Чехословакии три года работала. Зоотехником. А он работал директором совхоза». Это была правда. Карел, действительно, директорствовал, только совсем в другом крае. Профессора Грудева такой мой ответ «успокоил». Подал мне руку, даже чаю предложил. «В следующий раз предупреждайте, – сказал он, как можно приветливее улыбаясь мне, – и… никому об этом разговоре, слышите? Ни-ко-му!»

И наука, и любовь, и Космос, и счастье жить

Никогда не думала, что так захватывающе интересно делать анализы, которые прежде (в Тимирязевке) казались скучнейшими. Занимаюсь ими сейчас почти каждый день, после того как съезжу на опыт в Клёново. А раз в неделю езжу в библиотеку ВАСХНИЛ. Еще только подъезжаю к Москве, а уж всё, кажется, сияет, и сердце от радости вылететь готово. Сдерживаю себя, чтобы не пуститься вприпрыжку, раскинув руки крыльями. Во сне часто теперь вижу себя несущейся по воздуху. Так хочется позвонить Карелу. Ему, потом Любе, потом снова ему… Наверное, он угадывает мое состояние. «Позвоните, когда закончите в библиотеке. У меня сюрприз для вас, книжка». Этих книжек у меня уже… Хорошо, что не все сразу, а то бы не было повода ездить. Ловлю себя на том, что стал для меня Карел самым дорогим в жизни. Он и его семья. Люба для меня – божество…

А дома встречает Иво приготовленными котлетами, сделанными из трески, смешанной с творогом. Это раза в четыре дешевле, чем мясо, и полезнее. А нам свой бюджет надо рассчи-

тывать до копеечки: живем всё еще на одну мою стипендию. А уже весна. И утром 8 Марта Иво принес целый букет вербной лозы с пушистенькими «барашками».

«Поздравил – теперь в Москву езжай, к этой своей. Вскорости и развод можно будет оформить. Карел сказал, что стипендию тебе сделают на днях», – говорю спокойно, потому что чувствую: мой он теперь, весь, как прежде.

Стал прощения просить, клясться в любви и верности. Теперь аж до гроба. Да он, мол, и не переставал меня любить. Если б не это письмо «поганое» из Хабаров, я б и не узнала ничего, спокойно жила. А то, что было, это ненастоящее, игра. Надо же как-то себя утверждать… Тронуло только одно: «Семья для меня – святое», – сказал. Как не простить…

А наши снова в космосе. Алексей Леонов и Павел Беляев. На втором витке Леонов вышел из корабля «Восток-2» в космическое пространство. Летал в пяти метрах от корабля, привязанный за трос. И это впервые в мире! Снова мы первые! И через несколько дней – праздник в Москве: встречают космонавтов. Они приземлились еще пять дней тому назад в районе Перми. Теперь оба космонавта рассказывают, каким видится всё из космоса. Земля не кажется шаром вроде Луны. Наверное, потому что слишком близко. На ней всё замечательно видно: Черное и Азовское моря, Средиземное тоже. Реки видны, леса. И никаких границ. И вся она, Земля-красавица, словно бы нежится в голубом тумане. А всё вокруг черное-черное. Звезды яркие, но не струятся, не мерцают. Они цвета червонного золота, как бы небрежной рукой по черному бархату раскиданы. И Солнце, огромное, без ореола, как бы впаянное в черный бархат.

Словом, красота космическая. Вселенная с её мириадами звезд, Солнцем, разрывающим тьму. Смотрели в иллюминатор и вдруг увидели предмет, купающийся в солнечных лучах. Это был искусственный спутник Земли (в километре от корабля). В будущем такие встречи возможны. Даже будут и переходы из корабля в корабль.

«Встает вопрос о строительстве межпланетных космических станций. А это прямая дорога к полетам на другие планеты», – говорят первые космонавты, полковники Гагарин и Титов.

А у нас дома к этой радости космической прибавилась еще чисто житейская: Иво получил стипендию. Дали и за два прошедших месяца этого года. Накупили колбасы любительской и докторской, пельменей, пирожных и устроили пир. Лена прыгала и «по-индейски» верещала от радости. Мы, вся семья, были счастливы.

Наша семья в Дубровицах, 1966 г.

Теперь уже сам Лысенко – «элемент»

Нас, всех аспирантов ВИЖа, собрали в зале Ученого Совета для «важных сообщений». Полон зал. Молодые, энергичные. Приехали из всех ВИЖевских филиалов. И среди них знакомое с юности лицо – Шурочка Фесюн, жена Гриши Фесюна. Она москвичка, а Гриша в общежитии с нами через стенку жил. Захватил чуточку войны. Пришел хромой, кудрявый и веселый. С Шурочкой они еще тогда хорошо дружили, песни пели. Теперь Гриша зав. отделом химизации в Министерстве родном, а Шура аспирантуру заканчивает. Уже и диссертацию доложила, защиту назначили, но что сейчас делать-то: опыт у нее в Горках Ленинских прошел, у Лысенко. И всё написанное – с Лысенковских, т. е. наших, советских позиций… А оно всё у нас, как та избушка, что на курьих ножках, задом наперед перевернулось.

Теперь уже сам Лысенко – «элемент». Впрочем, Шурочка жалеет его, он ведь, по ее словам, свято верил в то, чему людей учил. Доверял. А ему потрафляли, писали в отчетах так, чтобы Денисычу угодить.

Общение наше прервал директор Всяких. Обращаясь ко всем нам, сказал, что совсем недавно прошел Пленум ЦК, который о «Неотложных мерах». В стране сильно замедлились темпы роста. Во многих хозяйствах животноводство убыточно. Государство доплачивает на животноводство. В магазинах мясо по два рубля за килограмм (только попробуй купи, очередины!), а себестоимость его (в живом весе) около пяти рублей и больше за кило. Это потому, что у нас государство социалистическое, можно так цены держать. Выход из этого – повышать производительность труда и прежде всего науку сельскохозяйственную поднять, которая сейчас тоже, оказывается, «лежит», от всего мира отстала. А все из-за этого Лысенко.

Аспиранты-разведенцы взвыли: им диссертации переписывать… Мендель, которого всегда полагалось обозвать таким-сяким, оказался на самом деле великим ученым. Об этом весь мир давным-давно знал, кроме нас. Теперь и мы.

«В августе будем со всем миром отмечать столетие со дня открытия законов великого Менделя, – торжественно произнес директор Всяких и добавил: гениального сына Чехословакии!»

После директора заместитель его Солдатов говорил, тоже профессор, длинный, жилистый, с лицом, похожим на сжатый кулак. Впрочем, он симпатичный человек, это чувствуется. Будет нам лекции читать по статистике, учить, как математически обрабатывать результаты собственных исследований, чтобы знать, достоверны они или случайны.

А потом комсомольские и партийные вожаки долго и нудно говорили о необходимости повышения идейного уровня всех нас.

Под конец аспирантам дали слово. Главные претензии к вахтершам: аспиранты не монахи, почему не пропускают женщин в общежитие, даже родных жен-сестер?! Беднягам приходится в окна лазить…

«Мои вам цветы!»

Вчера еще было ветрено и с тяжелого неба сыпало дождем, а сегодня с утра солнце, природа ликует, и я еду в Москву к дорогим Любе и Карелу. Завтра Первое Мая и народищу везде будет, а сегодня улицы пустынны и всё, будто умытое, сияет. Листья на обихоженных уличных деревцах еще зажаты в нежные кулачки уже лопнувших почек, и солнце просвечивает деревца эти до самой земли. И вся Москва в это утро, будто невеста перед венчанием, красуется под чистейшим голубым небом. Тоже и я ликую: несу дорогим моим чехам подарок праздничный – красивый и увесистый, завернутый в белую холщевую салфетку кусок мяса одного из моих подопытных поросят.

Опыт еще позавчера закончила. Всех взвесила. На весы шли сами, послушные, спокойные. А потом – мясокомбинат Подольский.

Если б не Иво, я бы, наверное, не сделала ничего. При виде, как бьют животных, льется кровь, шкуры сдирают, выворачивают и кидают внутренности, ничего толком сообразить не могла. Двое аспирантов взвешивали печенки, селезенки, внутренний жир, отрезали пробы мяса для анализа и не только… Иво всем руководил, диктовал… Я только записывала. В колбасном цехе, где умелые обвальщики, орудуя своими ножиками, быстро и ловко срезают шпик, отделяют мясо от костей, тоже всё – шпик, мясо, кости – взвешиваем и пробы берем… Под конец прошу обвальщика отрезать мне самый хороший кусочек «для профессора». Ломоть килограмма на два, подарочный! К празднику, думаю, Йирковых обрадую…

Звоню. Ждут меня. Примчалась на Фучикову улицу, взлетела на третий этаж. Сияю. Подаю Карелу: «Конец опыта! С праздником!» Однако не понял меня Карел. Замахал руками: «Ни-ни! Мы ничего не берем». – «Это… Это мои вам цветы!» – говорила я, кажется, не очень внятно, сквозь ком горечи в горле. Не убедила его. Всё померкло разом. И наверное, я бы расплакалась. Но тут меня Люба обняла. Поцеловала. Взяла бережно кусок мяса и обещала приготовить всей семье на праздник что-нибудь вкусное. «Только я не буду есть!» – взбрыкнул товарищ Йирка. «Ты много знаешь русских и о русских, а так и не постиг главного», – сказала Люба. Потом напоила меня соком апельсиновым с морковью и пригласила пойти с ними вниз, в подвальное помещение, где они будут гладить машиной постиранное белье. «Стирал я, и глажу я, а жена командует!» – ворковал Карел. Я наконец успокоилась, тепло с Любой попрощалась. Я люблю ее. А Карела… Какая-то будто искорка угасла в отношениях меж нами.

Фосген для опыта

Иве нельзя в Клёнове опыт проводить, потому что он иностранец. И вообще ему почти никуда нельзя: везде у нас «зоны» и «ящики». Поэтому работа аспирантская будет идти в лаборатории. Он определит in vitro усвояемость, лизина в кормах, а потом полученные результаты проверит в опытах на лабораторных крысах в виварии Института питания. Рядчиков уже с этим институтом договорился. И вообще все готово у Ивы к началу исследований, но… нет основного реактива, хлорпикрина (он же карбонил хлорид или дихлорангидрид угольной кислоты). Ни Иво, ни даже Рядчиков не смогли его найти в Москве. Сказали, однако, что есть он, и в больших количествах, на одном из номерных заводов химкобината города Дзержинска Горьковской области. Однако туда – только по спецпропускам. Да и кто ж туда поедет?

Я поехала. С собой было письмо за подписью директора ВИЖа и командировочное удостоверение.

На заводе смотрели на меня как на кого-то из зоопарка. «Кто ж так просто, без согласований, приезжает сюда, да еще за таким реактивом?! Тут разрешение от самого высшего начальства нужно! Тот реактив, что нужен вам, взорваться может, это фосген, его в специальных контейнерах везут!» – объяснял мне поджарый, с озабоченно-добрым взглядом маленьких серых глаз на бледноватом лице зам. главного инженера. – «Согласование? Это же целая куча бумаг! Кабинеты! Подписи! А у него – срок аспирантский. И как закончится срок, надо будет к себе, в Чехию, возвращаться…» – «Чех, говоришь? А ты ему кто, что так печешься? Тоже чешка?» – «Я – русская, жена его».

В ответ на мои слова сероглазый мужчина молча нажал настольную кнопку и появившемуся бородатому мужику стал объяснять «чрезвычайную ситуацию»: «Этой вот чешке и мужу её срочно нужен наш продукт, всего одна бутылка, не больше пол-литра. Чтоб запаяна была в железо. Понятно? Им для опыта. Они в институте животноводства учатся». И мне: «Чехов мы любим, завсегда поможем. Брат мой старший Прагу вашу освобождал. Помнит, как чехи их встречали: обнимали, целовали, а машину маршала нашего так прямо на руках несли…»

После чая с лимоном, принесенного прямо в кабинет, напутствовал: «Чтоб никому не говорила, что везешь. На поезд нельзя с этим. Мы у себя пишем, что машиной повезешь, такси, понятно?! Если что с поездом случится, крушение, не дай Бог, сразу же выкидывай эту бутылку в окно. Иначе всё-всё разнесет. Ночь не спи».

Так и ехала я всю ночь сидя, обнявшись со взрывоопасной бутылкой…

Виктор обрадовался. Он знал, что указанный в официальном письме реактив хлорпикрин есть фосген. Он вовсе не надеялся, что привезу, да еще столько, думал, что в лучшем случае удастся договориться. Ведь у меня даже денежного поручения не было. Бутылку дефицитного реактива, необходимого моему Иво, мне, «чешке», в знак дружбы за так дали…

Сразу, как вернулась в Дубровицы, понеслась на школьное родительское собрание, последнее в этом учебном году. Полина Яковлевна очень Лену хвалила: умная, старательная, исполнительная. По всем предметам, кроме русского письма, «отлично».

Как же повезло с учительницей! Лена и подружки ее ходят за нею, как цыплята за квочкой. Полина Яковлевна водит своих ребяток и в лес, и на речку, и даже к себе домой, чаем поит… Как жалко, что уже на следующий год будет у них по каждому предмету свой учитель.

Опыт на растущих крысах

Сегодня закончили опыт на крысах, который проводили в институте биохимии им. Баха в виварии у Букина. Вела опыт я вместе с заведующей виварием Ниной Николаевной, окончившей перед войной биофак Университета. Она хорошо знала известного биолога Завадовского

и генетика Серебровского. Сама когда-то работала с дрозофилой и уже чуть ли не защитилась, да получила «в нос» и с тех пор никуда не высовывается, рада месту и надежной «спине» Букина. Мне сказала, что вообще могу на нее во всём положиться и на опыт не приезжать, даже сначала дулась на меня, думала, что не доверяю ей. Потом со мною свыклась, хотя все взвешивания крысят (еженедельно каждую) она делает собственноручно, записывая себе в журнал. Я только смотрю. Лаборантки (им и вовсе работы мало) изо всех сил стараются угодить, аж противно. Сказала им, что кормежка за мной, а вот их забота, чтобы всегда чистыми были поддоны, куда кал крысиный падает. Дело в том, что крысятки лапками своими, они у них тонкие и цепкие, могут сквозь решетку пролезть в поддон и подобрать кал-орешек, а в кале ведь полно витамина B_{12}, даже и у тех, которые не получают его. Бактерии кишечника тот витамин синтезируют.

Должно быть, лаборантки старались, потому что результаты опыта были даже лучше, чем я ожидала. Опыт шёл по той же схеме, что и свиной, с той лишь разницей, что резче были как дефицит в метионине, так и его избыток. Получилось, как и в опыте на поросятах, витамин B_{12} работал не только при недостатке метионина в рационе, но и при его значительном избытке…

Радостная, я сразу же после окончательного взвешивания крысят сходила в магазин, что на Университетском проспекте (недалеко от Дя Бори), колбасы накупила. Здесь у них почти нет очередей. Всего минут 15—20 постояла. А там, где мы всегда покупаем, в центре – по два и более часа томимся в очередях. В Москве еще потому такие очередины, что много приезжих и все покупают продукты в огромных количествах, потому что там, подальше от Москвы, ничего нет (мясного). Даже Батя, он к нам приезжал недавно (попутно), попер в Свердловск на скором поезде пять батонов любительской колбасы и огромный кус говядины замороженной. На лапу дал продавцу, чтобы такой отрубил.

У Дя Бори я теперь не только всё их ем, но и сама угощаю, что делаю с большой радостью. Только ничего не хотят они брать. Говорят, чтобы всё везла в Дубровицы.

Лена аж визжала от радости. Рада и мне, и колбасе. Она дома ведет хозяйство, т. е. ходит за молоком, варит каши и прибирает в комнатке. Ее знают все в общежитии и она всех. А Иво пропадает в институте, отрабатывает методику какого-то Карпентера определения доступности лизина, благо теперь есть необходимый химреактив для этого.

Биохимические исследования, которые сотрудницы Букина проводили без меня, подтвердили прежние результаты. Они мне это сообщили по телефону и поздравили. Радостная, позвонила Любе Йирковой. Карел взял трубку: «Почему не звонила? Уже беспокоились. Чтоб приезжала обязательно! Сегодня же! Люба ждет».

А Люба собралась поехать с детьми в Сочи. Последнее лето здесь они, в Союзе. Уж пять годиков прошло, как в Москве. Привыкли. Полюбили Москву. Каждое лето на каникулы в Чехию уезжали, а теперь здесь решили побыть. Карел их отвезет, побудет немного с ними. А они на всё лето останутся на Кавказе…

Пили чай, говорили. Люба стихи читала. Ей нравятся и современные – Вознесенский, Евтушенко. Но Есенин, конечно же, самый ее любимый… Я к своему стыду наизусть только Пушкина помнила. Последний год вообще ничего не читала. Всё, чем раньше зачитывалась, про любовь, казалось неинтересным. Когда уходила, Карел спросил (мне показалось настороженно), как отношения с Ивой. Услышав, что нормально, чуточку стушевался, а потом передал привет, сказал, что к сентябрю они уже уедут, чтобы обязательно зашла проститься.

Карел Йирка (второй слева) с делегацией из сельхозминистерства СССР в Татрах, 1964 г. Архив Ольги Ломовой (Йирковой), Прага.

Чопорный Либерец и родные Вратиславице

Решили всей семьей съездить в Чехословакию.

Четыре года прошло, а в Либерце с виду ничегошеньки не изменилось. Те же старые, из прошлых веков, каменные дома, те же трамвайчики с грохотом, несущиеся по узким, с вековой брусчаткой, ныряющим вниз-вверх Либерецким улицам. Тот же над городом Ештед с его рестораном на самой вершине. И та же упорядоченность во всем, и элегантность в одежде: всё в приглушенных светлых тонах. Белые колготки на детях. Впрочем, знакомые ребятишки все выросли. Эвичка, дочь украинки Нади, уже девушка. С Ленусей нашей ей уже неинтересно. А сама Надя, говорят, деру дала от своего мужа старого, с молодым живет. Вырос и Карличек, сосед. Застеснялся, увидав Лену, а потом играли вместе. Вечером пришла Здена со своими мужем и сыном Богоушами. Попили кофе. Тихо. Сюда, на Павловицку улицу, никаких даже звуков не доходит. Здесь в девять вечера уже все спать идут, а детей в семь укладывают, и никак не позже. Стыдно признаться, но уже скучно мне, тянет ехать куда-то…

С Леной вместе поехала в свое бывшее дружство Вратиславице. Каким всё крохотным показалось! Новый коровник, свиноферма напротив него, хлев старый, что прямо напротив конторы, да и сама контора в старом доме – всё как и было. Но вот из начальства прежнего – никого. Ладя Вондроуш, председатель бывший, главным агрономом стал в Храставской МТС, пан Голый в какое-то хозяйство переехал, что у самой Праги, бухгалтер, агроном главный, помощник мой Зденек Рихтер – все по каким-то либерецким канцеляриям рассосались. Зато остались доярочки. Зденка Коутска новую челюсть приобрела и теперь вовсю улыбалась. Они с Новаковой, телятницей, повели нас до господы, потом к себе домой, угощали. Хорошо, что Лена была со мной, а то б и домой не отпустили.

На следующее утро за мною заехали пан Ровный, кормовоз, со Зденой. Во Вратиславицком дружстве праздник, конец сенокоса. Собрались в господе. Меня все трясли, обнимали,

целовали. Потом приглашали каждый к себе домой в гости. Сидим у Новотных, а Здена Коутска уже меня в сенцах ждет к себе отвести. А у Здены дожидалась пани Губена, доярка тоже, а там – пани Соботова, Новакова, Климешова… Привезли меня на Павловицку вечером, когда уже спать шли, в далеко не трезвом виде. На душе радостно было, хоть и голова кружилась. Хотелось выйти на улицу и орать: «Чехи, я вас люблю!» Маминка (мама Ивина), видя меня такой, ласково мне улыбалась. Она замечательный человек, и я её тоже люблю. И вообще я люблю всех людей на всей Земле.

А на другой день, четырнадцатого августа, отмечали десять лет нашей доченьки, все втроем пошли в зоопарк. Животные здесь не в клетках, как в Москве, а в огромных вольерах, где могут даже и прятаться от людей. Дольше всего общались с обезьянами. Потом, дома уже, Лена прыгала обезьянкой, подаваясь рукою вперед-вбок.

Встречи с бывшими коллегами зоотехниками и с товарищем Гикшем

О нашем приезде узнали все наши бывшие коллеги зоотехники. Решили собраться и время назначили. А за день до этого Руда Кутина приезжал. Услышал от Вондроуша, что мы здесь, и зашёл домой. Он уже работает экономистом в одном из хозяйств Западной Чехии. Немного разочарован своей профессией. Мечтает податься в науку. Вспоминал, как работалось нам вместе. «Я был тогда счастлив», – сказал. А теперь? Я даже не спросила, женился ли он…

Собрались всей нашей зоотехнической братией – Анча, Зденек Гниздил, Йитка Сильна, Ярослава Седлачкова, мы с Ивой… Даже Крамарь Йозеф пришел. Он сидел с нами до одиннадцати вечера, пока не погнали из ресторана, где мы ужинали, пили пиво и вспоминали, как нам работалось и жилось. Оказывается, совсем даже неплохо нам было, хоть и зарплаты вдвое меньше теперешнего. Сейчас все, кроме Анчи, зоотехниками работают в дружствах. Материально хорошо, но уж такая наша зоотехников работа: без проблем, без нервов – ни дня. Однако все еще молодые, веселые. После ресторана Крамарь и Седлачкова попрощались, как порядочные спать поехали, а мы все никак не хотели расходиться, нашли винарню, где за столиками в полутьме пили сухое вино и не переставая болтали обо всем. В два часа ночи закрылась и винарна, а уж надо было до утра дотянуть. И мы нашли еще одно заведение, которое всю ночь, – винный погребок.

Там было нам и вовсе хорошо. Играли на скрипке и на какой-то дудке, танцевали. За столиками по затененным уголкам сидели парочки. Мы два столика сдвинули и сели своей компанией. Заказали вина и каких-то сухариков тоненьких на закуску. В голове приятная пустота и всё, даже то, как Вселенная разлетается, понятно и просто. Говорим, говорим и без конца смеемся. Уже не только работу прежнюю вспоминаем, но и годы детства, каждый – своего. Анча, не переставая широко улыбаться, выказывая ровные красивые зубы, рассказывала русские народные сказки, где все слова были нецензурные. Это надо ж, помнит! Она их еще в сорок пятом слыхала, от русских военных, которые у них квартировали. Неужели всё так и сохранилось в памяти? Потом призналась, что мама ее, учительница, сказочки те от русских переписала (со слов) и читала, когда гости собирались. Анча их наизусть выучила.

Расходились рано утром, когда тяжелый предосенний туман оседал сыростью на отполированной временем брусчатке гулкой улицы. Годика через два-три обязательно встретимся! Обязательно!!!

Уже перед отъездом встретились со своим бывшим шефом Зденеком Гикшем у него на работе. Из Дубницы, где работал председателем дружства, он ушёл и теперь преподает студентам Либерецкого института марксистскую философию (или что-то в этом роде), но освобожденную, как он говорит, от рутины.

– Светлые головы (а они есть в КПЧ!) сейчас много работают над тем, чтобы наш социализм, заскорузлый от консерватизма и бюрократии, сдерживающий развитие, модерным сделать, т. е. соответствующим требованиям времени.

– А как? – задаем наивный вопрос. Гикш, воодушевленный нашим интересом, стал объяснять.

– Во-первых, разрешить критиковать. Мы сейчас только говорим о критике – самокритике, да и критикуем – в своих компаниях, по кухням, да в пивных, где пан шеф «глухой». А надо в открытую, в печати. Цензуру надо отменить или уж как-то ограничить, чтобы хоть в дискуссию не лезла она. Дискуссии помогут партии очиститься, как дождиком весенним смоется грязь, чтобы зелень потом росла, так и здесь. Партии и вообще для развития нужны всамделешные выборы. Чтобы несколько кандидатов было на одно место. Между прочим, в КПСС есть очень умные люди, нас поддерживают. Не в открытую, конечно, потому что и там рутина…

Я была в восторге от встречи. Гикш и раньше нравился мне, а сейчас, помолодевший, с воодушевленным взглядом больших умных глаз, он мне казался живым предвестником благих перемен в Чехословакии.

– Возвращайтесь поскорее, будем работать вместе, – сказал на прощание.

– Постараемся! – бодро отвечали мы, уверенные, что совсем скоро увидимся снова.

Пишу первую научную статью; прощаюсь с Любой

Мелкий дождичек и холодрыга. Мы у себя в общежитии. Чехословакия только в памяти: светлая, сверкающая… А здесь грязюка повсюду (раньше, до Чехословакии, как-то не замечала ее), очереди, как удавы, особенно за колбасой и мясом. По два килограмма в руки, поэтому люди за дефицитом (копчености) целыми клубками стоят, покупают впрок.

Статью для журнала я написала, показала Томмэ, а он изругал: так научные статьи не пишут. Не статья, мол, а водевиль. «Посмотрите, как другие пишут!» Посмотрела в «Животноводстве»: так «научно», что и не понять. «А ты не по „Животноводству“, а по Animal Science равняйся», – подсказал Рядчиков.

Я его совету последовала. Отыскала в американском Animal Science схожую по материалу (поросята) и тематике (аминокислоты) статью и всю ее до слова перевела, благо небольшая. Всё там изложено очень ясно и понятно. Потом написала «свою»: текст, точнее перевод его – почти без изменения из американской статьи, а цифры и цитируемые авторы – свои. «Обсуждение результатов» тоже свое, но в том порядке и стиле, как у американцев. Томмэ хвалил до небес! Сказал, что эту с «Обсуждением» он в «Доклады ВАСХНИЛ» поместит, под двумя подписями, его, члена-корреспондента и моей, а в «Животноводство» пройдет и без «Обсуждения». Статью в «Животноводство» я отвезла лично, отдала прямо в руки заведующей отделом, крупной приятной женщине с романтическим именем Ариадна.

После всех дел позвонила Йирковым. Так, на всякий случай, вдруг еще не уехали. Трубку Люба взяла. Я аж чуть не взлетела от радости. Они здесь! Зовут приходить проститься. Уезжают на днях…

В квартире, как у всех перед отъездом, ералаш. Дети веселые, шумные. А Люба загорелая и грустная. Сказала, что немножко нездоровится ей.

«Ну, пожалуйста, Люба, скажите, что я могу сделать для Вас? Мне очень хочется хоть чем-то порадовать, подарить что-нибудь», – пристаю к ней. «Если можно, учебник грузинского, больше ничего», – с печалинкой в голосе говорит Люба. Пьем чай. И почти все время молчим: не клеится разговор. На прощание она улыбается, хочет веселой казаться. Но я-то вижу: чуть не плачет. Карел тоже в напряжении. «Это потому, что еще точно не знают, где будут жить…» – подумалось мне. Прощаясь, говорим друг другу до скорой встречи в Праге. Разве

могла я предположить, что этой встречи с Любой не будет никогда?! Вместе с Карелом она вышла проводить меня до их лифта. Улыбалась, просила писать…

Карел Йирка со своей семьёй на пляже в Сочи, 1965 г. Архив Ольги Ломовой (Йирковой), Прага.

Конференция молодых ученых

«Готовится конференция молодых ученых в ВАСХНИЛе. Срочно отбираются лучшие работы. От своего отдела я предложил вас! – встретил меня Томмэ. – Успеете подготовить?» – «Не знаю». – «Надо успеть. Сначала прослушает вас профессор Зубрилин. Ему поручили окончательный отбор кандидатур от ВИЖа на конференцию».

Зубрилин, похожий чем-то на зубра старик, с мощной шеей, высоким лбом, массивным носом и внимательно-усмешливым взглядом больших, глубоко посаженных глаз из-под густющих бровей. Ему надо было доложить в течение пяти минут, а не успеешь, пеняй на себя, дальше ВИЖа не сунешься. Желающих полно, и не только аспиранты. Вернее, даже аспирантов было всего несколько: Стрекозов Коля, Мадисон Володя, Карликов Дима. Больше из аспирантов никого не видела. Зато сотрудников! Обаятельный Эрнст, красавец Коряжнов, скромняга Шихов, небольшого роста, мечтающий о министерской карьере Коноплев… Это из тех, что прошли (уложились в пять минут).

«Хоть и перестарок, но молодой, дорога перед тобою большая», – сказал Зубрилин Эрнсту и смачно с ним поручкался. «Пойдешь далеко, если никто не остановит!» – сказал мне и тоже руку потряс.

В узких коридорах старинного здания ВАСХНИЛ толпятся «молодые ученые». Заседают экспертные комиссии по отбору докладов на Президиум ВАСХНИЛ. У кабинета ответственного секретаря президента академика Овсянникова, кормленца, собралось молодежи человек

восемь. Из ВИЖа это Махаев, Минько Люба и я. Из института физиологии и биохимии, где директором профессор Шманенков, аминокислотчик Григорьев. Градусов, тоже аминокислотчик, но бумажный, потому что работает секретарем в ВАСХНИЛ и ни поросенка, ни куренка (материал, которому скармливают аминокислоты) сроду в руках не держал. И еще двое парней-аспирантов было из Тимирязевки.

Я здорово готовилась. Доклад знала наизусть. К тому же постаралась одеться, чтобы старикам нравилось: юбка черная длиннее колен и закрытая, белая из шелка блузочка. Деды-корифеи улыбались мне. Доклад оценили как лучший, рекомендовали заслушать на Президиуме ВАСХНИЛ и автору, мне то есть, выдать премию. От радости чуть не прыгаю. Подлетаю к своим коллегам… И тут вдруг меня поразила странно неприятная окаменелость их лиц. Даже Рядчиков не очень, казалось, был доволен таким решением, хотя меня поздравил.

– И Томмэ, и Солун, и Денисов, и Дыман – все эти корифеи науки давно устарели, не им судить о работах молодых, – сказал в раздумье Виктор. – Ну что ж, выбирать-то им было не из чего. Я поняла, что Рядчиков имел в виду себя. Тут же с ним согласилась:

– Да, если бы ты выступал, то мне бы не светило.

Он утвердительно кивнул и уже с обычной приветливостью старшего друга протянул свою перепачканную нингидрином* ладонь: «Приходите с Ивой в гости! И обязательно с Ленкой. Чтобы Витьке не было скучно».

* Нингидрин – химический реактив, используемый для определения аминокислот.

О неизвестной ранее функции витамина B_{12}

Хотя работ, посвященных витамину B_{12}, немало, в основном у американцев, механизм действия его в животном организме до конца не выявлен. Американцы (Вейсбах и другие) так же, как и наши (Букин и другие), предполагают, что это – участие в реакции синтеза незаменимой аминокислоты метионина. Однако наши работы (мои и сотрудниц В. Н. Букина) показали, что витамин B_{12} участвует не только в синтезе метионина, но и в реакции его катаболизма, т. е. распада. Крысы, которым давали рацион с большим избытком метионина, росли еще медленнее, чем с недостатком его в рационе, а витамин B_{12} это угнетение роста полностью снимал.

Это было новым в науке биохимии и вскоре в академическом журнале «Прикладная биохимия и микробиология» появилась статья за подписью Букина, его сотрудниц и моей.

Интересно, а как будет себя вести B_{12} на фоне рациона, избыточного по какой-либо другой аминокислоте или нескольким? И я уже мечтаю опыт провести. Однако Томмэ осаживает меня: интересного еще много будет, на всю жизнь хватит и дочке останется (он уже знаком с Леной), а надо скорее писать и защищаться.

Вот и езжу в библиотеку, в Москву, серую, суетную, с ее клубками очередей, которые и мне приходится выстаивать. Сейчас уже и на Ленинском проспекте очереди. Повсюду…

А уже весна близится. Днем нет морозов. Иво принес веточек ивы с реки и приготовил вкусный обед. А во второй половине дня – почта, и среди писем долгожданное от Йирковых. Поздравляют меня и Лену с женским днем. «Люба работает, дети учатся. Оля ходит на рисование и на английский. Яну трудновато привыкается к новой обстановке, Иван радует успехами в школе…»

А я ужасно рада, что у них всё-всё хорошо.

Милое сердцу непривычное слово «папа»

Кончаю писать литобзор диссертации. Сижу до закипания мозгов, до ломоты в заднице. Надо б размяться, сходить погулять, но Шура, аспирантка из Молдавии, которая поселилась в нашем же коридоре напротив, отказывается идти наотрез, а больше девчат в коридоре нет. Иво тоже нет, он в Москве, опыт на крысах проводит. Там же, в мясо-молочном институте, и живет. Выхожу на малюсенький балкончик, что в самом конце коридора нашего. Вовсю слыхать, как лягушки квакают и соловьи орут. Туда бы, к Пахре! Однако одной в такую пору страшновато, а с однокурсником-аспирантом, который предлагал прогуляться вместе к реке, не посмела. Может быть, потому, что он мне очень нравился. Но и спать в такую ночь не могла, продолжала писать.

А утром отец приехал! Нежданно. Сижу со своей писаниной, вдруг заходит, лысый, приземистый, родной. Иво еще в Москве на опыте своем, Ленусь гулять умчалась… У меня от радости дух захватывает.

– В Кировске только Вера Григорьевна (жена) осталась, да Вика с зятем, а я во Псков переехал. К вам поближе. Вот сел да прикатил, рядом ведь, – объяснил он свое внезапное появление. – И если что с ночлегом не получится, то вечером и обратно поверну.

– Да хоть сколько живи у нас, – говорю, – все тебе рады будут!

Как учуяли: сначала доча примчалась. Радостно удивленная, познакомилась, наконец, с родным дедом. Потом, тоже нежданно, Иво. Отец как раз гостинцы свои разложил: копченый балык из семги, палтус копченый и другой рыбы. А Иво колбасы привез из Москвы. Лена быстренько за хлебом слетала. Сели пировать. Иво с отцом сразу о рыбалке заговорили. Отец ловил в северных реках и на Чудском озере. От Пскова недалече. «Приезжайте!» – приглашает нас. Однако мы в июле ждем гостей: должна Ивина мама приехать со своим мужем, которого мы не знаем еще.

– Вот все ко мне и подваливайте, – радушно предлагает отец.

– Мы согласны. Подвалим!

Отец Григорий Иванович Смирнов в Дубровицах, 1966 г.

Снова я могу произносить непривычное мне и такое милое слово «папа». «Папа!» – говорю. «Чего?» – откликается он. «Да так. Ничего», – отвечаю. Он сидит напротив меня за столом, на котором разложены исписанные цифрами листы: результаты опытов, математическая обработка результатов. Папа на листки не смотрит, только на меня. Терпеливо ждет, когда кончу считать. Кормит обедом. Он вкусно, по-мужски, готовит. И после обеда вытаскивает меня на прогулку. Ленусь тоже с нами. К реке идем узенькой тропочкой через поле.

– В кильватер идем, – говорит он. Сразу вспоминается, что отец – моряк. Однако про жизнь свою прежнюю на море неохотно рассказывает. Зато с каким смаком, по-моряцки клянет он «Людоеда» усатого, который, «слава Богу, подох», и всех «упырей», что еще «живут – тешатся в Кремле».

– Бомбы атомной мало на них. Водородной бы шугануть!

– Да ведь невинных заденешь!

– То-то и оно, – соглашается. – Бомба – дура, еще дурней пули. А то бы… Жалко мне его, натерпелся в жизни. И смешно. Он не обижается, что смеюсь, только говорит: «Когда-нибудь сама всё узнаешь. Поймёшь…»

Свекровь Ружена, муж ее Франтишек и отцово семейство в Пскове

Встречаем дорогих гостей: маму Ивину и нового (недавно поженились) мужа ее Франтишека…

Приехали своим ходом, на старой доброй «Шкоде». Добирались через Карпаты, дивились красоте, однако остановиться там побоялись. Гнали скорее сюда. Мама-Бабичка довольная, счастливая, как никогда. Франтишека своего, здоровенного дядьку с пузом пивным, обихаживает, словно ребенка. А он развалился, наелся-напился (пива), словно котяра, и аж мурлычет.

Решили они, что три-четыре дня посмотрят Москву, в Мавзолей сходят, а потом во Псков поедем. Отец написал, что договорился с приятелем своим, который на маяке работает на Чудском озере. Рыбалка там, какой не видали…

Уже на следующий день планы поменялись. Устал Франтишек от Москвы, без хорошего пива измучился. Решил, что шут с ним, с Мавзолеем, и со всеми выставками и музеями. Поедем скорей на рыбалку…

Дала отцу телеграмму, что выезжаем. И выехали. Мы с Ивой и Леной поездом, а Маминка с Франтиком на «Шкоде».

Псков поразил своей русскостью: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Однако же и то бросается в глаза, что этот дух русской старины душили как могли. В храме семнадцатого века – выставки-продажи: одежда, белье, правда, еще и книги, но отнюдь не церковные. А в малых церквах, а это шестнадцатый, пятнадцатый и даже тринадцатый века, – сплошь склады… И все комолые стоят, без крестов. Массивные купеческие особняки тоже все обшарпанные. И всюду верёвки с бельём, которое где только не сушится: в палисадах заброшенных, во дворах, а в новых домах – на всех балконах.

Отцов дом в Историческом переулке – приземистый, деревянный – еле отыскали. За зеленью палисадника почти не виден. Навстречу выбежали девушки, одна светло-русая, деревенской стати, другая чернявая, с мягкими, но правильными чертами овального лица, совсем еще молоденькая. Разные, и что-то общее. Обе отцовы дочки, схожие с ним. Мои сестры. Подошли, улыбаются.

– Эля? Иво? А мы нынче и не ждали. Думали завтра…

– Сестры?

– Сестры. Я – Люда, – протянула руку старшая, с глазами небесного цвета и в усмешке чуть покривила полные, как у отца, губы, – а это Валя, – наша самая младшая.

– А ты кто? – радостно-бойко спросила меня черноволосая Валя и сразу же повисла целоваться.

– Еще одна?! – со смешком вопрошала меня Люда.

– Еще одна, – ответила ей, – и между прочим, старшая.

– Есть и постарше. И братцы есть, и сестра. Казька постарался. Много нас наделал, – с ядом в голосе сказала Люда.

– Казька пошел на базар за мясом, – не переставая меня теребить, сообщила младшенькая.

Казькой они отца зовут. Это прозвище с детских Валиных лет к отцу прилипло. Так его все и называют в этом доме, за глаза и в глаза. Немного за отца обидно. Сходу, еще даже не войдя в дом, Валя объяснила, почему с отцом особо не церемонятся: он Люде образования не дал, у неё только техникум, и вообще ужимал её… «Ничего себе рассуждают, – думаю, – а мне-то чего отец дал?» – однако молчу на этот счет. Рада за себя: мне на самом деле дано было очень много – вся Бабушкина огромная любовь! Вся её выдержка, стойкость, преданность семье, её благородство стали мне самой твердой опорой в жизни.

А между тем в дверях дома появилась Мадонна в ночной сорочке. Красивая, будто с иконы сошла, с невинным взглядом карих глаз и с белокурым в распашонках младенцем…

– Зачем вышла?! Снова уши Эдьке простудишь! – напустились на нее сестрицы, – идите скорей на свое место!

Их место – широченная койка с горой перин, одеял, подушек и кучей простыней, пеленок и распашонок. Впрочем, пеленки и распашонки вперемешку с женским бельем и одеждой валяются еще и в разных углах большой и невероятно захламленной комнаты, в которой четыре окна, и все занавешены так, «чтобы свет не раздражал младенца и мухи бы не летали». Вика (мадонна), тоже моя сестренка, обрадовалась нам, с ногами уселась в постель, сунула грудь запищавшему было крошечному человечку, который, как сказали сестры, зверем орал всю ночь и который без конца марает пеленки. В двух других комнатках раскардаш не меньший и гул потревоженных мух. Из шока нас вывел отец. Он принес полную сумку продуктов.

– Идите в мою комнатку, там хорошо, – предложил нам с Ивой и отвел в просторный дощатый чулан с двумя малюсенькими окошками. В чулане пахло чабрецом сквозь какую-то химию (отец недавно мух травил и клопов). Манил поваляться застланный лоскутным одеялом широченный топчан. – Если понравится, здесь и будьте! – сказал.

Через минут пять нас «проведать» пришла Валя и радостно сообщила, что у них аврал и всех свистать на палубу: генеральная уборка! Но что нас это не касается. Мы, однако, тоже включились.

Когда приехали Бабичка Ружена с Франтишеком, всё было вполне прилично. На столе – огромный астраханский арбуз, на сковородке шипело мясо. В кастрюле – молодая картошка, запаренная с укропом. Мы все насладились едой, только Франтишек не был вполне доволен: попросил пива, а его здесь нет. А квас ему явно не по вкусу.

В рыбачьем поселке Самолва

Мы – отец, Иво, Лена и я – отправляемся на Чудское озеро катером Псков – Тарту. Билет берём до рыбачьего поселка Самолва. А Бабичка с пузатым Франтиком поедут на «Шкоде» берегом. Дорогу им отец показал на местной карте.

Псковский кремль, вид от реки Великой.

Пароход идет сначала по реке Великой. От середины реки Псков с его церквами и чудной красоты Псковским Соборным храмом глядится великолепно. А потом река Великая расширилась, став уже озером Псковским. Идем поближе к эстонскому берегу, крутому и лесистому. А противоположный почти не виден. На остановках вбегают на палубу разгоряченные люди с мешками и сумками, устремляясь к небольшому корабельному буфету, сплошь забитому хлебом. Торопливо кидают в свою тару ароматные буханки и проталкиваются к выходу.

Наконец эстонский берег тоже отступает, и вокруг только вода. Темно-синяя вдали и сероватая под нами. Редкие безлюдные островки с вышками маяков. Один из таких островков уже перед Самолвой, совсем крошечный, отлогий и тоже с маяком. «Это и есть Вороний камень (так остров называется), где мы все будем жить в домике маячника», – сообщает отец. Напротив Вороньего камня – тоже островок, но еще меньше и вовсе необитаем.

«А видите, – говорит отец, – какая чернота меж этими островками. И белые гребешки волн. Здесь глубина-а! И течение. В этом месте и происходила на Чудском озере битва – побоище, где князь псковский Александр Невский победил. Лед у Вороньего камня, течением проточенный, легко проломился под тяжелыми немецкими рыцарями».

Пароходик меж тем вошел в широкую горловину залива, который переходит в устье небольшой, но полноводной речки Самолвы, где и находится рыбачий поселок. Рыбачьи пароходики, лодки, баржи со снастями и бочками. Запах рыбы – свежей, копченой, тухлой мешается с запахом дегтя и тины. Наконец пришвартовались к вытянутому поперек фарватера открытому причалу, где уже толпится народ с мешками и сумками. Нас чуть не сшибли. Прямо супротив отчаянно мчатся в буфет за хлебом…

До самого поселка идем лодкой по узкой, но полноводной речке. Подплываем чуть ли не к самому дому, выходящему почернелыми деревянными воротами на улицу. Дом, как и всё вокруг, бревенчатый, отделанный изнутри выкрашенными в светло-желтый цвет досками. Полы в комнатах и на крылечке выскоблены – вымыты аж добела, сплошь устланы ковриками и дорожками из лоскутов и мешковины. И такие же выбеленные, под рядном, лавки вдоль стен и стол в углу, где под самым потолком божница, украшенная белым с кружевами полотенцем. Будто хозяйка в доме, печь с лежанкой, занавешенной (видимо на летнее время) выбеленной

и цветасто расшитой мешковиной. А в сенцах керосином пахнет и керогаз, и кастрюльки. Тут, видать, и готовят. Спросить не у кого. Дом открыт, а нет никого. Скоро придут, раз открыто. Но соседи, парень молодой и бабушка, хлопотавшая во дворе, говорят, что Михаил, папин друг – рыбак, может и завтра возвернуться, что у них избы завсегда вот эдак, замков не вешают. И еще старушка с ужасно изморщиненными руками и живым, наверное, молодая еще, лицом убеждает, чтобы мы, коль в гости приехали, то и брали б всё, что найдем и ели бы…

Когда Миша (отцов ровесник) пришел, выяснилось, что дебелая старушка соседская – мама его и что ей уже больше ста лет, а точнее, сто второй пошел. Жизнь была трудной, в работе сызмальства. Поднимала младших сестренок и братьев. А сама вышла замуж в тридцать восемь лет. Восьмерых детей родила, пятерых вырастила. Миша, угластый и строго-спокойный старик – один из младших. Баба Дуся, так зовут старую, но совсем не ветхую маму деда Миши, принесла молочка. Прослышала, что издалека мы, и пришла глянуть. Она за всю жизнь так и не была нигде, кроме озера Чудского да родной Самолвы. Это удивляло больше всего:

– Сто лет – и в этакой дыре! – невольно вырвалось у меня.

– Для кого дыра, а для нее Божий свет! А ты погляди, как здесь красиво. Я и сам чуть сюда не пришвартовался, раздолье тут, река, озеро, луга, леса ягодные. И люди не пуганные: здесь ведь кругом скиты и болота непроходимые, шпане да законникам делать нечего…

Наутро мы с Ивой идем в местный магазин – сельпо. Он один на всей изъезженной в пыль площади – центре поселка. Зато два отдела в нем: промтоварный, под заржавленным замком, и продовольственный, в котором есть соленая, вяленая, копченая рыба, водка, конфеты, пряники и пшено. И целая очередь людей, в основном подростки. Люди разговаривают как промеж себя, так и с продавщицей на чисто матерном языке. Меня поразило, что и дети тоже, и продавщица… Мы среди них как немые стоим: как же с продавщицей-то объясняться? А она, как только наша очередь подошла, улыбнулась нам и с веселой лукавинкой на обычном русском спросила, чего желаем купить…

К обеду приехали наши. Намучились на машине. Франтишек таких дорог не видывал. Решил, что уж во Псков и Москву обратно не поедут, а как покороче, прямиком, через Польшу в Чехию. А пока поставили машину к деду Мише во двор, плащ-палаткой да снастями хозяйскими прикрыли и подались на маяк, на Вороний камень. Миша, он и есть маячник, нас переправил туда на своей моторной лодке.

На островке по-хозяйски открыл нам чисто заметенную деревяннуя избу, показал, где лежат матрасы с подушками (одеяла, простыни свои), потом проводил нас по узенькой тропочке в густо заросший лопухами дощатый сортир с парусной крышей, показал место возле крыльца, где в камушках можно ставить таганок, и где в глубине острова выстроена глиняная коптильня для рыбы. На маяке есть две рыбачьих лодки с веслами, крепко цепями привязанные к бетонным столбикам крохотного причала. Наконец, оставив нам с четверть огромной наволочки пшена, два ведерка свежих огурцов и маяк, дед Миша, радостный, отчалил.

Мы остались на маяке полными хозяевами.

Остров Вороний камень на Чудском озере вблизи пристани рыбачьего посёлка Самолва.

Жизнь на маяке

Вот уже неделю живём средь этой необычной красоты. Вода – серебристо-перламутровая, словно чешуя огромной рыбы с утра, зеленовато-синяя с белыми гребешками волн в дневные часы и успокоенная до зеркальной глади золотисто-розовая по вечерам. В такие часы особенно ловится рыба.

Мы уже не едим обычную уху, а только двойную, даже тройную. Мелочь бросаем обратно, чтобы подросла. Хватит с нас и крупной. Иво с Франтишеком хлопочут у коптильни, мы с Леной и Маминкой готовим ужин. Уха уже не лезет. Хочется чего-то кисленького, сладенького… Только не рыбы. Каждый день я купаюсь. Вода прохладная, очень взбадривает.

И всё же скучновато. Вечером хотелось бы повеселиться, потанцевать, а мы даже разговаривать не можем как люди, только шепотком, чтобы Франтишека не разбудить, который заваливается всегда спозаранку и храпит, а по утрам почти всегда жалуется, что мало спал.

А уже первое августа – мой День рождения.

Иво поздравляет меня букетом чудесных островных цветов, розовых с голубым. Потом я на правах именинницы беру лодку, ту, что полегче, и гребу через журчащую (сильное течение) воду к маленькому необитаемому острову, что напротив маяка. У самого острова тихая бухточка, где вода зачарованно отражает небо и отлогие, поросшие высокой травой с цветами и редким низкорослым ивняком берега.

На одном из кустов, который оголенным суком торчит из воды, видится дивная птица. Боясь испугать, держусь от нее подальше. Она будто застыла, так и сидит, выпростав одно крыло, вот-вот улетит. Я тихонечко, чтобы не плеснануть веслом, приближаюсь к ней. Она всё сидит. Наконец я поняла, что эта птица – дерево, чудо, обточенное водой, подаренное мне природой (ко дню рождения).

А вечером снова вздохи животастого Франтишека, Ивиного отчима: комары не дают уснуть… К тому же он сильно затосковал без пива.

Так что нашему блаженному пребыванию на маяке скоро, наверное, придет конец.

Прохладным утром 11 августа мы все покинули маяк. Дед Миша доставил нас прямо к причалу, где уже толпились жители Самолвы, ожидая катер, идущий из Тарту в Псков. На этот раз вместе с Франтиком поедет Иво, а Бабичка с нами на катере.

Дорогой штормило до тошноты и ломоты костей. Шел косой дождик. Палубу то и дело окатывало волной. И снова на всех причалах атаковали наш кораблик люди с большими сумками. На этот раз в буфете везли колбасу и конфеты. Ужасная спешка: успеть бы взять и сойти. Одна женщина, эстонка, не успела. Умоляла капитана не отчаливать, у нее грудной ребенок остался там, она же на несколько минут отскочила… Стоявшие на нижней палубе мужики угрюмо молчали, а полоска воды, отделявшая катер от лесистого берега, увеличивалась. Мне ужасно жаль было женщину, даже голова разболелась. Отец пошел к морячкам поговорить. Но так и вернулся ни с чем. Низ-зя. Женщина до самого следующего причала тихонько подвывала. Впрочем, как сказали отцу, по суше ей всего четыре километра добираться, и автобус ходит…

Наконец остановка, а меня вдруг стало знобить, даже трясти. И всё виделась эта плачущая женщина. Отец укутал меня одеялом, прижал к себе. Муть дождя, качка… Домой приехали на такси. Ноги не сдвинуть, так отяжелели. Отец уложил в постель, принёс чаю, лимончик, сказал, что сильный жар.

На третий день температура спала, но из носа хлестала кровь. Никак не хотела уняться. Перепуганные лица отца и его жены Веры Григорьевны, любопытствующая хорошенькая мордашка сестренки Вали и озабоченный Иво. Маму свою с Франтиком он уже проводил. Сказали, что я бредила, что вызывали ко мне врача и хотели было везти меня в больницу… Однако температура спала, и оставили дома.

Ревматическая атака и диссертация

Уже недели две мы в Дубровицах. Лена в школу пошла. А я – дома: наша Дубровицкая врач, осанистая, интересная лицом Валентина Ивановна, определила у меня ревматическую атаку. Предписала уколы пенициллина, аспирин и строгий постельный режим. По вечерам ознобы и температура небольшая, которую в амбулатории назвали субфебрильной. В сердце шумы, РОЭ повышенная…

Диссертацию дописываю лежа в постели и раз в десять дней хожу к врачу.

В амбулатории всегда народищу. Валентина Ивановна принимает подолгу, особенно своих знакомых. А у нее их – все Дубровицы и деревни окрестные. У меня все без улучшения. «Вот так же и Тамара (называет фамилию), – говорит Валентина Ивановна, обращаясь к сестре, – ходила, ходила… Тоже с ревмокардитом. Больше года. Температура всё субфебрильная была. Так и умерла…» У меня сердце аж в пятки ушло при этих словах.

«Я не умру! Я не умру!» – вырвалось у меня. «Конечно, нет, конечно, нет», – испуганно заворковали сразу обе. Однако на душе тяжело: «Для чего вся эта диссертация?»

Решила ходить через силу, чтоб уж или пан, или пропал. И одолела. Сначала температура нормальной стала, потом РОЭ. Выписалась.

И вот иду в институт. На лестнице меня все обгоняют и все очень довольны, что обгоняют. Томмэ сияет. Он рядом со мною, вернее, мимо меня, словно молодой кузнечик. «Берите пример с меня!» – радостно говорит мне.

Я несу ему свою диссертацию. Со списком литературы, с приложениями почти двести страниц. Торжественно вручаю рукопись. Спрашиваю, когда зайти. «Через недельку», – отвечает золотой мой шеф. За эту скорость его особенно любят аспиранты: другие месяцами держат.

Томмэ диссертацию хвалил, исправив только введение: добавил о ведущей роли нашей Коммунистической партии. А Шура Подвигайло, секретарша его, мне сообщила (на ушко), что шеф меня хочет оставить в отделе, но что Махаев против. «Однако если чего хочет Михаил Федорович, то и будет».

У Букина с диссертацией

Позвонила Букину, и он пригласил приходить с диссертацией прямо к нему домой по адресу: Ленинский проспект, 13. И вот я гостем у Василия Николаевича и жены его Ксении Леонидовны. Меня поразила их прихожая: шире и, кажется, длиннее, чем наша вся комнатка в общежитии. А в комнатке нашей ведь не только мы втроем, но и гости приезжие помещаются. Из прихожей двери в столовую, где, будто в ожидании гостей, расставлен в длину (человек на двенадцать) массивный стол и с десяток высокоспинных тяжелых стульев. Несмотря на большие размеры стола комната казалась просторной, даже пустующей, хотя по углам стояли какие-то этажерки и шкафчики с посудой. Посреди пустого пространства комнаты на паркетном полу валяется трехколесный велосипед. «Это внука», – говорит Ксения Леонидовна, весьма интеллигентного вида седенькая старушка, наверное, когда-то красивая, с чуть навыкате белесыми глазами на блеклом без бровей лице.

В прежние годы занималась наукой – биохимик и первая помощница Букина. Поэтому смотрю и на нее как на божество. И она мне вдруг улыбнулась, враз помолодев лет на двадцать, и отвела в кабинет Букина (дверь прямо из столовой), где жили Василий Николаевич – на узкой, но массивной тахте и большущая собака овчарка – на тахте, вполовину короче хозяйской. Собака чуток, будто раздумывая о чем-то, поурчала, потом тявкнула, зевнула и доверчиво положила мне свою голову на колени, после чего я почувствовала себя здесь невероятно уютно.

Букин, не вылезая из халата, сел за широченный письменный стол, где моя диссертация среди объемистых рукописей могла бы и затеряться, мне указал на стул рядышком. Сначала полез в самый конец, прочел выводы. Хмыкнул, ничего не сказав, и стал смотреть основную часть, таблицы и схемы. Опыты мои он знал (цитировал даже в своих докладах), так что прошелся быстро. Потом принялся за введение и литобзор. Тут и началось. Даже не думала, что старик может орать, да как! Замечания пошли с самой первой страницы, где Томмэ вообще ничего не тронул, сказав, что о роли партии после его замечания и внесённых им дополнений написано «в удачных выражениях».

«На черта здесь вообще о партии писать? У вас диссертация о витамине B_{12}. Это витамин, понимаете, ему партия наша до… А у вас: наша партия постановила… Вы-то хоть партийная сама?» – среди ора спросил Букин. «Не-ет», – проблеяла я, ужимаясь к спинке стула. Взгляд Василь Николаича потеплел. «Ладно, – сказал он, – раз уж это принято в вашем институте, оставим КПСС, но только в одной фразе, вот так», – и он быстро, перечеркав полстраницы, оставил всего несколько слов, моих же, которые сами собой выстроились в единственное предложение, в котором слово КПСС не было дифирамбом, а «работало». Это было только началом. Букин взрывался ором каждый раз, как натыкался на заимствованное у иностранцев слово или на громоздкий, заковыристый (казавшийся мне «научным») оборот. «Наделайте из этой кучи слов несколько ясных, коротких предложений, чтобы человек не блуждал в поисках истины. Читатель должен понимать, что читает, не спотыкаться об отдельные слова. Поэтому их должно быть как можно меньше. Как у Пушкина. Читаете и видите всё. С его стихов хоть рисуй. А слова, будто и не его, а ваши, вы сами его словами думать начинаете… А? Правильно?» – Василь Николаевич довольно хмыкнул, подкачал в ноздри себе из маленького баллончика лекарства какого-то (он весь, говорили мне, на лекарствах и держится) и быстро распатронил мою «словоблудную», в полстраницы фразу, оставив лишь начало ее и хвостик.

«А это что за имбаланс такой?» – взревел с новой силой он, читая о влиянии разного соотношения незаменимых аминокислот в диете на животный организм.– «Это когда избыток одной или двух аминокислот по отношению… – начинаю объяснение. – Это работы Харпера». – «Харпер – американец, а мы – русские. И у нас есть слово для этого: дисбаланс. И поверьте мне, у нас, в русском языке, достаточно слов, чтобы все вещи и явления называть по-русски», – и он тут же с радостью перечеркнул все мои «имбалансы», очищая заодно фразы от «мусорных» слов. Между тем из столовой (за ней должно быть кухня) потянуло чем-то вкусным. Собака скульнула сквозь сладкий зевок, приподняв морду от моих колен, и понимающе глянула мне в глаза. «Обед чует!» – заулыбался враз повеселевший Букин.

Сидели за большим семейно-гостевым столом. Ели вкуснейший суп с фрикадельками и кулебякой, а затем паровые котлетки с пюре картофельным. Букин, благодушный, улыбчивый, не поверить, что минуту назад зверем орал, смотря мою диссертацию, сейчас рассказывал о своих похождениях на американском корабле, где он, будучи на службе, исполняя долг перед Родиной, работал простым матросом. На корабле было оборудование по переработке рыбьего жира в чистый концентрат витамина А. Задание было простым – разгадать принцип технологии. Промышленники свой патент охраняли. На корабль подозрительных не допускали. Пьяненький забулдыга-морячишко, хватавшийся в порту за любую работу, был вне всяких подозрений. На корабле том ишачил сначала младшим матросом, потом за умелость рук и веселость нрава был повышен до старшего…

Василий Николаевич Букин,
выдающийся советский учёный-витаминолог, 1940 г.

Потом вот эта квартира… Спасенный из заключения Вальдман, сейчас академик Латвийской АН. Сколько их, «врагов народа», вытащенных им с помощью «руки» (Микояна) из лагерей, ночевало в этой квартире. Андрея Робертовича Вальдмана не побоялся к себе в аспирантуру принять…

Ксении Леонидовне очень понравилось, что я не отказалась от добавочки пюре и котлеток. Уж очень не хотелось, чтобы такой приятный обед кончался. Она, между прочим, тихонечко мне сказала, чтобы на ор Букина не реагировала, он так на всех орет, кого любит. Бывает и похуже, если возражать начнут.

После обеда Василь Николаевич почти уж и не орал, а, закончив читать, стал хвалить и работу, и как написано.

Перед уходом еще и чаем напоили. Как раз пришел сын, Юра Букин, чуть моложе меня. Только защитился, женат. Тоже биохимик. Высокий, с благородно-красивым лицом, похожим на мать: «Отец, дай деньжонок!» Василь Николаевич поерзал, пожался. «Взрослый, и всё просит», – пробурчал тихонько. Ксения Леонидовна вышла на кухню.

«И чего жмешься, ведь не в первый раз тебе давать… Говорю, нужны», – доказывал Юра. Конечно же, получил. Меня это поразило: как здорово, что у человека есть родители, которые вот так запросто выручат, подкинут деньжат.

Уже в прихожей Букин, пожимая руку мне, сказал: «Диссертацию печатайте на чистовик, а Томмэ своему передайте, что мне понравилась, и я буду оппонентом».

С утра понеслась в отдел. Поднялась на четвертый этаж довольно быстро. Сразу же отдала секретарше печатать исчерканную диссертацию начисто. Шефу сказала, как передал Букин, что всё отлично и будет оппонентом. Томмэ, радостный, чуть не подпрыгнул: «Представляете, сам Букин, это ж величина! С ним члены правительства консультируются. И готов приехать сюда?! Оппонировать аспирантке моей?! Ему же всё время некогда! На нём фактически вся наша витаминная промышленность держится. Его знает мир!» Словом, Томмэ восхищен был так, что с минуту носился колобком по своему кабинету. А потом вызвал через секретаршу Махаева (зама своего) и почему-то Крохину Веру Александровну.

«Объявляю официально: на вакантное место младшего сотрудника я беру Филипович», – произнес торжественно. Махаев, остановившийся у дверей, пожал плечами, мол, он-то здесь причём. Крохина, пожевав губами, что-то мукнула. Томмэ тут же поблагодарил ее за поддержку, а когда вышли, сказал, что они своего какого-то парня пропихивали на это место: «Не могу понять, чем вы досадили Махаеву? Он говорил, что вы ужасная. А весь ужас оказался в том, что как-то кинули пальто на химический стол. А надо же на вешалку! И больше никаких доводов!»

Я пообещала шефу никогда в жизни ничего не швырять на рабочий химический стол. «Я так и сказал ему: пальто Филипович будет висеть, где и ваше, на вешалке в нашем отделе».

Уже не свободный аспирант, а зависимый младший научный сотрудник

И вот я уже не аспирант (до конца срока оставалось еще два месяца), а младший научный сотрудник отдела кормления. Больше всех доволен Рядчиков. Через неделю он хочет начать большой опыт на белых крысах по «имбалансу» (Виктор не захотел переделывать это слово на русский лад). Фактически опыт он поручил вести мне, т. к. меня Томмэ дает ему. Сам шеф меня поздравил с началом работы и посоветовал скорее писать реферат. Хорошо надо написать. Потом доклад… Начать это немедленно и сделать поскорее, а то задергают.

И верно, Виктор в восторге, что я у него: со мною он горы своротит! Большой опыт на крысах запланировал. А пока он убеждает жаднющего ВИЖевского бухгалтера и готовит нужные гарантийные письма, я пишу автореферат. Шеф подгоняет: «Не расхолаживайся!» А Виктор – своё: надо готовить опыт на крысах с имбалансом и аж на шестнадцати группах. Моя забота поскорее крысят достать и привезти. Рядчиков посылает в питомник на Столбовую. Однако там крыс, тех, что нужны нам, не выращивают, зато заведующая виварием оказалась знакомой из Тимирязевки, на курс старше меня. Угощала своей картошкой и чудесными огурчиками малосольными. Рассказывала про достопримечательности Столбовой: психушку, что находится неподалеку от их вивария, знают и за границей. «Чужие голоса» передают, что свозят сюда неугодных интеллигентов, мол, крыша у них поехала. А сейчас «отдыхает» здесь сын Есенина, математик…

Сын Есенина? В психушке?!

Так ужасно, что даже не верится.

А за крысами надо ехать в Химки. Однако вечером почувствовала боль в горле и температуру намерила.

«Раз больная – к врачу иди. Ты уже не аспирантка», – сказал Рядчиков. Расстроен тем, что срывается опыт. Он собирался до конца года и закончить его. А я получила бюллетень и, стало быть, возможность спокойно закончить автореферат.

Через неделю все же еду в Химки отбирать крыс для опыта. На душе радостно, потому что реферат свой, законченный, вчера отдала Томмэ.

И снова приятный сюрприз: крысята (их нам с Рядчиковым надо штук триста) будут готовы к отъему только через неделю-две. Значит, пока могу шуровать свои аспирантские дела.

С рефератом, уже готовым, столько еще мотаний и самое главное – цензура. Там держат неделю-две. Иногда сразу же делают. Вот бы!

В отделе только появляюсь. А за моим столиком сидит югослав Милош Косанович. Он в городе Нови-Сад в институте животноводства руководит лабораторией, а здесь по обмену опытом в командировке. Дядька уже пожилой, лет за сорок, высокий, стройный, с добрым и умным взглядом карих глаз под густыми бровями. Как только я захожу в свой кабинет, где за новыми двухтумбовыми столами восседают Девяткин и Венедиктов и где также и мой столик поставлен, он, серб Косанович, вскакивает, уступая мне мое место. А я всё стараюсь его уверить, что вообще не сижу, а только забегаю на минутку, чтобы взять кое-что из бумаг. На самом деле полно еще у меня работы за столом: доклад, таблицы… Однако оставить без рабочего стола гостя серба не в моих правилах. Поэтому перебиваюсь, переходя с одного места на другое, и чаще всего располагаюсь со своими бумагами у витаминщиков. Там почти всегда свободны два стола, и сотрудник лаборатории Надя Крускина меня пускает.

Наши с Рядчиковым опыты на растущих крысах

Нужных для опыта крысят я отобрала в Химкинском питомнике, и на следующее утро мы с Виктором уже едем в виварий Мясомолочного института в Москве начинать его опыт по «имбалансу».

В виварии уже подготовлено все для начала опыта. На шестнадцати группах пойдет. Ждем машину с крысятами. А пока Виктор анекдоты рассказывает: «К врачу пришла старуха лет пятидесяти. Жалуется: ой, там болит, тут болит. – Раздевайтесь, – говорит врач, – и ложитесь, – показывает за ширму, где кушетка стоит. Старушенция разделась и голёшенька томным голосом доктора подзывает: ну иди же, ба-аловень!» Виктор мастер анекдоты рассказывать. Хохочем оба…

Крысят привезли намного больше, чем заказывали, и нам предлагают отсчитать, сколько мы возьмем.

«Берем всех! Пусть лучше лишние останутся», – решает Рядчиков.

После того как сформировали группы, получилось много – более ста – лишних крысят. Я тихо радуюсь: этого количества мне бы хватило для опыта! «Надо их эфиром усыпить», – говорит Рядчиков. «Жалко», – говорю я. «Жалко, – соглашается он. – Тут бы еще и для Ивы хватило на опыт». «Ага», – говорю я. Однако знаю, что у Ивы прежде еще должен пройти опыт in vitro, то есть в пробирках, и мысленно уже рисую схему опыта. Своего! Два уровня белка, три уровня метионина. С витамином B_{12} и без. Всего двенадцать групп. Двенадцать клеток. По восемь животных…

Виктор сперва был резко против, боялся, что это на меня слишком большая нагрузка, а он должен с аминокислотным анализатором работать в Дубровицах. Однако потом согласился: тоже и ему интересно, как повлияет витамин B_{12} на фоне диет с разным уровнем белка и метионина.

Виктор Рядчиков, очень талантливый молодой учёный, 1967 г.

Опыты на крысах, Рядчикова и мой, вели мы на полусинтетических рационах, где источником протеина был чистый желатин и смесь синтетических аминокислот, которая для разных групп была разной.

Когда не хватало какой-то одной незаменимой аминокислоты, рост крысят резко замедлялся. Особенно заметно это было на фоне рационов с низким содержанием протеина. Интересно, что на рационах с высоким уровнем белка этот дефицит переносится животными гораздо легче. Хуже всех были крысята, получавшие рацион без белка вовсе. В первые дни они еще ели (смесь-то вкусная, и маслицем, и сахарком сдобрена). Уже в конце второго дня на корм не кидались, а всё вынюхивали, чистили лапки свои. А уже с третьего дня сидели перед полными кормушками сгорбившись, похожие на малюсеньких ёжиков… К пище не притрагивались. А потом стали один за другим помирать. И все бы погибли, если бы не дала я им нормального корма. Рядчиков не ругал. Ему тоже было крысят жалко. Всех записали погибшими. А спасенные, мы их взвешивали чуть ли не каждый день, давали самые высокие привесы. Один крысеночек (из безбелковых) необыкновенно любознательным показался мне: наблюдал, что делаю. Глазки, словно бусинки, мне прямо в глаза. Неужели что-то понимает?! Когда убираю их клетку, он вспрыгивает мне на руку, подбирается к плечу и тычется своим влажным носиком. Совсем ручной.

Закончили опыт. Рядчиков успел и отчитаться в самом конце года. Крохина была оппонентом. Плохого ничего не сказала. Хорошего тоже нет: затрачено столько денег и времени, а что прибавилось животноводческой науке? Практике? Махаев яда своего не жалел. А Девяткин ухмылялся и всех развлекал, задавая «серьезные» вопросы типа: «Скажите, пожалуйста, а какой был в опытной группе убойный выход?» (Термин сугубо животноводческий, показывает количество полученной продовольственной продукции). Ясно, что даже Томмэ хохочет. Он вообще любит посмеяться. И я еле сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Только Виктор, обескураженный, нервничал…

Дома Лена встречает приготовленными котлетами с картошкой. На ее плече крыска, тот самый ручной умный крысенок. Даже ночью с ним не расстается. Спит у Лены под одеялом.

Свой опыт я поеду заканчивать сразу после Нового года, потому что «Букинисты» хотят получить материал, т. е. свежую, с активными еще ферментами печенку и не желают возиться с нею перед самым Новым годом: анализ вместе с подготовкой к нему двое суток длится.

Новый 1965 год встретили у Рядчиковых. Было весело. Пили шампанское, а потом водку и портвейн. Салат с любительской колбасой под майонезом, картошка с мясом, солянка, чай с конфетами… Словом, полное изобилие. Танцевали под радиолу. Пластинок наприносили с хорошими вальсами, фокстротами, польками. Были все свои, тимирязевцы: Фомичевы, Легошины, Пасечники. И еще Холмановы. Жена у Саши стройненькая, с хорошим, но слегка опечаленным лицом. Все остальные веселились, как в студенчестве, особенно когда Виктор потушил свет и только свечки на елке удивительно «поджигали» танцующих…

Букин даёт задание повторить мой опыт в точности

Закончила свой опыт на крысах. Результаты потрясающие. Когда белка в рационе содержалось двадцать процентов, т. е. норма, дефицит метионина (30% от нормы), как и его избыток не сказывался на росте крыс и практически не влиял на их здоровье, если крысам давали витамин B_{12}. Шерстка оставалась блестящей, крыски почти не теряли аппетит. Словом, витамин B_{12} «работал» отлично. Не то было при пониженном (в два раза по сравнению с нормой) уровне белка. Дефицит метионина или его избыток в низкобелковой диете приводили к резкому снижению роста и к нарушению здоровья крысят: шерстка была взъерошенной и без блеска, будто в серой пылюке вывозились. Самым удивительным было то, что витамин B_{12} на фоне такой низкобелковой диеты не работал совершенно. Более того, при недостатке или избытке метионина в низкобелковой диете добавленный витамин B_{12} еще усугублял и без того жалкое состояние подопытных. Вскрытие показало, что у всех у них были увеличены (раза в два) селезенки. Весь материал, т. е. печенки, селезенки, кровь отвезла «Букинистам». Лидия Яковлевна с Евдокией Петровной тут же приготовили из печенок гомогенаты и начали анализ: определяли способность печени метилировать, т. е. синтезировать метильные группы, которые кроме синтеза незаменимой аминокислоты метионина требуются организму для нейтрализации многочисленных токсинов (внешних и внутренних), атакующих печень. Букин был от результатов опыта чуточку обескуражен: как же такое могло статься – его детище, витамин B_{12}, оказывается, может и не работать (когда мало белка). «Немедленно проверить! Поставить такой же опыт!» – шумел на своих «животноводов», т. е. заведующую виварием и двух ее лаборантов. «Но у нас таких кормов нету. Ведь у Эльвиры полусинтетическая диета». – «Вот и сделайте, как у Эли. Только сами, без неё. Слышите? Сами!»

«Ага, это и меня проверяют!» – подумалось. Однако была рада. Результат обязательно повторится, если всё как надо сделают. Поэтому спокойна совершенно.

А Василь Николаевич наконец произнёс: «Если всё действительно так – это сенсация. Значит, механизм действия витамина B_{12} в чем-то другом, во всяком случае, не только в синтезе метионина». И уже с обычной радостной деловитостью стал выкладывать передо мной бутерброды с окороком. Пили чай. Букин вдруг спросил: «Как там у вас в Чехословакии?» А я не знаю как, потому что совсем некогда читать газеты. Хотя с этого года мы выписываем «Руде право».

– Там у вас, кажется, всем загранпаспорта выдают…

– Захотел и поехал?! – удивляются сотрудницы лаборатории.

– Василь Николаевич, ну когда же у нас-то заведут это?! – проныла черноглазая Наташа. – Ведь так охота куда-нибудь…

– Европа, – раздумывая о чем-то, произносит Букин. И тут же начинает об Азии.

– В Китае вон хунвейбины интеллигенцию замучили… Знаете? Палками избивают. Однако самое интересное это, конечно же, наша работа. Опыты Элины надо не откладывая поставить. Скорей за дело! – И потирает руки.

А Виктор посоветовал о результатах моего «крысиного» опыта вообще никому не рассказывать. Только осудят. Ведь мы – институт животноводства… Ему, Рядчикову, тоже придется на свиньях опыт ставить. Не сейчас, конечно, летом. А мне сейчас хочется! Томмэ поддержал меня: пишите методику – уточнить потребность поросят в метионине. Посоветовал работать вместе с Верочкой Крохиной. «У Рядчикова и так помощников хоть отбавляй: Геннадий Скоркин, Лебедев, Иво… Все аминокислотчики, все его…»

Глава 11. ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ ВЕСНА И НАДЕЖДЫ НА ОТТЕПЕЛЬ В СССР

Лекторы ЦК КПСС

Спрашиваю у Иво, читал ли он что-нибудь о загранпаспортах, которые в Чехословакии сейчас будто бы всем выдают. «Не читал, но знаю. Действительно так. В землячестве, при посольстве, говорили об этом».

А с конца января зачастили к нам в институт лекторы из ЦК. И всех нас, сотрудников, в обязательном порядке гоняют в зал Ученого Совета слушать лекции о международном положении: «На Западе у нас всё хорошо. Чехословакия, Венгрия, Польша, ГДР, Болгария, Румыния – все хозяйственные реформы проводят. Особенно чехи стараются, уже нескольких министров сменили. В авангарде борьбы за светлое будущее у них – коммунисты. Выборы там новые, демократия, критика свободная, сейчас уж хотят и цензуру отменить. Ну пусть выговорятся, пары спустят. И успокоятся. А куда им от нас деваться? Всё сырье – наше. Вот и нынче: поставили этим чехословакам почти полтора миллиона тонн зерна, двадцать тысяч тонн мяса… И так всегда. Даже когда самим не было – им давали… А от них – ширпотреб. Никому, кроме нас, он не нужен. У них на Западе этом своего ширпотреба девать некуда. Кстати, в этом году наша страна продает зерно и другим странам – ГДР, Польше, Кубе, Алжиру… А голодающим Индии бесплатно поставит…

Но плохо с китайцами. Хунвейбины – бандиты настоящие. Да и не только они. На днях китайские студенты похулиганили. Около семидесяти человек ехали к себе из Западной Европы через Москву. Решили посетить Мавзолей. Возложили венок, а потом вынули из карманов цитатники и давай декламировать своего Мао. Хором. Стоят и распевают. А наши люди, очередь, от холода жмутся, скоро ль перестанут они своего Мао. Стали толкаться. Взаимно. Они было с кулаками, но наши оттеснили. Культурненько. А вечером китайцы на Ярославский вокзал к своему поезду явились перемазанные йодом, в повязках марлевых, дескать, побили их. Кадило раздули на весь мир, мол, вот какие в СССР порядки, свободы слова не дали…

– А мы всем даем свободу. Вон, чехи захотели демократии – пожалуйста…

Закончил он свою лекцию тем, что призвал нас всех быть бдительными, ибо умирающий империализм всё еще не складывает оружия, хотя «марш к победе социализма и коммунизма так же нельзя остановить, как нельзя прекратить вращение Земли вокруг Солнца».

«Ну какие же дураки эти капиталисты, никак не могут понять, что погибают», – будто про себя балагурит Девяткин. И все вокруг тихо ржут. Я тоже теперь не верю, что «у них» всё плохо, что бедные там люди. В лабораторию Букина полно иностранцев приезжает, ученых. Никакие не капиталисты, живут своим трудом. Только получают раз в десять больше нашего. И всё же, там, у них, нет самого главного – светлого будущего. А на политчасе, который был на следующий же день утром, нам сказали, что в Китае нас, СССР, объявили врагом номер один! Хулиганов, которых у Мавзолея наши чуток поколотили, встречали у них как героев. И теперь возле нашего посольства в Пекине устраивают ведьмацкие шабаши.

Где-то теперь наши бывшие однокурсники: китаяночка Гуй Фан, китаец Ли Чу Хун… Говорят, кто у нас учился, того сейчас в Китае преследуют. Жалко ребят.

В Китае действительно жуть что творится. Цзаофани, сторонники Мао, свергли министра сельского хозяйства Ляо Лу-яня и еще двенадцать работников министерства. Исключены из ЦК КПК зампредседателя ЦК Лю Шаоци и генеральный секретарь Дэн Сяопин. Для участия в «культурной революции» Китай отзывает из разных стран две трети своих дипломатов. Армия Китая захватила власть в Тибете, где жили мирно, никому не причиняя зла, но были

верующими. У них религия своя, тибетская. Мао считает всех несогласных с идеями марксизма-ленинизма, врагами, которых надо уничтожать.

А сотрудникам нашего посольства в Пекине запрещено выезжать за пределы своей территории. Словом, безумствует Мао по полной, и вся огромная страна страдает. Но ведь настанет же этому конец: усмирит смерть и «вечного» Мао.

Опыт на поросятах с Верой Крохиной

Доложила методику своего опыта на поросятах: «Уточнение потребности в метионине». Всего пять групп, в том числе две совместные с Крохиной Верой Александровной. Высокая, осанистая, с крупным, по-русски красивым лицом, которое слегка портят две тоненькие косички, уложенные вокруг головы. По годам она лет на десять меня старше, была на фронте. По должности – старший научный сотрудник. По неписаным законам ВИЖа всю тяжелую работу младшие везут, а старшие командуют. И Томмэ, кажется, отдал меня ей в «попыхачи». Однако Верочка всю черную работу делает сама со своими лаборантами. И мне оставила свободу: могу, когда захочу, в Москву поехать. И я этим вовсю пользуюсь: отвезла гранки своего автореферата в цензуру. Только после того, как там проверят и напишут «в свет», можно будет печатать. Цензура – огромное здание в самом центре Москвы, длинные коридоры, множество дверей и очереди…

Заехала к Букину в лабораторию. Там для меня огромная радость: проверочный опыт на крысах подтвердил полностью мои результаты – витамин B_{12} работает и при избытке метионина, но когда в рационе достаточно белка, а когда его мало, половина нормы, витамин оказался бессильным. Это новое! И сотрудницы лаборатории Л. Я. Арешкина и Е. П. Скоробогатова ведут биохимические исследования, которые, возможно, позволят объяснить этот феномен.

А поросята в Клёново растут ужасно быстро и корму едят столько, что еле успеваем делать им кормосмеси. А мешки тяжеленные. Верочка сильнее меня и ловчее. Схватила мешок, полный ячмёнки, да как им крутанет, подняла и со мною вместе… Я совершенно без сил на мешке повисла… Ни разу не попрекнула она меня тем, что смеси в основном она и ее лаборантка лопатят. Я со своим ревматическим сердцем только и отдыхиваюсь.

В обед еле приползаю в общежитие. Радость моя, доченька, приносит молока, варит картошку… А я лежу колодой под одеялом и всё не могу никак согреться, хотя там, в Клёнове, совсем не мерзла, а до поту упаривалась…

А время идет, и уже скоро моя защита. И мы с Верочкой и ее лаборантами наделали смесей недели на две вперед, Верочка сказала, что я могу теперь до самой защиты (будет 12 апреля!) в Клёново не ездить, она моих поросят присмотрит. Я аж чуть не расплакалась от благодарной нежности к ней. Спасибо!

Вспоминаем Алтайскую целину, восхищаемся чехословаками

К нам в гости приехал Виктор Яковлевич Елисеев. Он уже не секретарствует в Хабарах, уехал к себе на родину в Ставрополье. Здесь, в Москве, он пробудет еще месяца два, на курсах при ЦК КПСС. С целины уехал, потому что «перспективы нет». После «черного» 1963 года поголовье крупного рогатого скота так и не восстановили, а это значит, зимой в хозяйствах люди без работы. Многие уехали кто куда. Кеммеры подались в Кузбас, да и все другие, с которыми работали мы, уехали. «Мог бы частный сектор спасти, но ведь у нас его ликвидировали. Теперь с опаской на чехословаков смотрят, на их не одномандатные выборы. А ну как и у нас такое же захотят? Тогда многие «тузы» «корыта свои потеряют…» – рассуждал Ели-

сеев. И потом еще многое порассказал, о чем не пишут. Нам он доверяет. Иво ему из «Руде право» читал отдельные фрагменты из постановления Мартовского пленума КПЧ, который вот только что прошел и который посвящен был сельскому хозяйству страны. Новый министр Йозеф Смрковский (который долгое время «сидел» как враг народа) заявил, что руководство сельским хозяйством должно перейти в районы и в сами хозяйства.

– Это у них новый этап демократизации, – подтверждает Виктор Яковлевич. Он, оказывается, уже слышал об этом на курсах. – Нам бы такое! Сколько бы дармоедов отпало! Министерства, областные управления, инспектора при обкомах… Неужели у тех, что прямо на земле работают, извилин меньше?! – И он очень надеется, что так и у нас будет. – Есть и в нашей партии живые умные люди! – произносит он. Но и тут же добавляет: Но еще больше дураков, твердолобых, «железных»…

Защита диссертации; в Чехословакии перемены

Уже висят объявления об Ученом Совете с моей защитой. «Неужели сам Букин приедет?! Не может быть, ведь это обычная кандидатская, а он величина. Его и на докторскую не затащить», – слышу я реплики стоящих у доски объявлений сотрудников нашего института.

Накануне мы с Иво интенсивно готовимся к этой защите. Я – тренируюсь с докладом и примеряю новое черное платье с кружевным воротничком; Иво с лаборантским активом в Москву за продуктами едет: институт выделил автобус. Денег сняли с книжки аж триста пятьдесят рублей, т. е. все какие были. Народу посчитали – около ста человек. Одного шампанского шестнадцать бутылок, а оно дороже четырех рублей. Водка столичная почти по трояку, ну и продукты: мясо, колбаса, конфеты, фрукты, огурчики зеленые (по 12 рублей). Икры хотели купить – не достали. Говорят, вообще в магазины не поступает. Зато удалось раздобыть селедочку. Привезли всё в институт, в лаборатории сложили.

А наутро я нарядилась в черное платье, купленное в Праге. Маша Хамицаева (новая аспирантка Томмэ) красиво меня причесала. «Главное, держи хвост пистолетом», – напутствовали в общежитии.

Народу полон зал. Пришли «на Букина». А его-то и нет. Совет начался. Мне защищаться идти… И вдруг оживление. «Букинисты» мои заходят. Впереди Василий Николаевич, за ним статные, элегантные Арешкина, Скоробогатова и черноглазая красавица Наташа Клюева. «Какие интеллигентные!» – восторженно перешептываются в зале…

Доложила. Вопросы задали такие, что думать не надо. Потом стали хвалить. Букин первым. За ним Самохин из лаборатории биохимии – второй оппонент. Все замечания, которые он написал в своем длинном и нудном отзыве, умолчал. Это было мне обидно, потому что на каждое приготовила я надлежащий ответ.

Кончилось всё единогласным голосованием. Цветы, объятия. Белые розы от «Букинистов» из рук Наташи. Букетище от отдела. В семь часов начнется банкет. Больше всех старается Фетисова Лидия Ивановна, пожилая, с приземистой квадратной фигурой, могучими плечами и бюстом, с крепкими, как у мужика, руками и мощным голосом. На гулянках ее никто не перепоет. В войну была санитаркой, потом в госпиталях работала и вот уж который год в лаборантках у Махаева.

Букина и всех москвичей мы ведем на обед к себе, вернее, на квартиру нашего друга Лиды Усольцевой. У нее Ивочка мой уже с утра вкусноту готовит. Он так умеет, как никто. На первое – суп с фрикадельками, вкуснейший, на второе – «птачки». Всё прямо тает во рту. Букин веселый: «Чтобы через три года на докторскую пригласила!»

В Москву их повез директорский шофер, которому Иво заплатил, чтобы всех развез по домам.

Банкет в столовой. Народищу! Наверное, больше ста человек. Начальство – первые три-четыре тоста, а мы – до упаду. И еще столько всего осталось. Дня на три хватит всему отделу пообедать.

На другой день мы в своем отделе все ещё празднуем: едим салат оливье, котлеты, запиваем портвейном, закусываем огурчиками и принесенной сотрудницами отдела замечательной квашеной капустой, приготовленной с антоновскими яблоками. Тоже и на следующий день… А еще через несколько дней включали громкоговоритель в обеденный перерыв и слушали сообщение об очередном полете в космос, на этот раз на «Союзе-1».

Космонавт Комаров Владимир Михайлович передавал приветствия на Землю и сообщал, что все с его здоровьем нормально. Тоже и на другие сутки.

ТАСС сообщил, что задание полностью выполнено и всё хорошо, а потом несколько часов молчали, точнее, врубили классическую музыку.

Наконец сообщили, что, получив команду совершить посадку, успешно прошел участок торможения в плотных слоях атмосферы, полностью погасил первую космическую скорость. Но уже на высоте семи километров от Земли не раскрылся основной купол парашюта (перекручены стропы). Скорость приземления оказалась смертельной. Хотя на теле, как говорят, никаких синяков и царапин. Видать, лопнуло что-то внутри. Что – не говорят. Похоронят у Кремлевской стены.

По радио цитируют слова американского космонавта Бернана: «За космос будем платить не только деньгами, но и жизнями».

Мы с Иво, да и не только мы, все вокруг, ужасно расстроены этим. Однако живем дальше. И я радуюсь красивой открытке от Любы и Карела. Поздравляют с защитой и с наступающими майскими праздниками, «которые у наших народов общие…»

В Чехословакии – перемены. Всем, кто пожелает, выдают загранпаспорта. «Люди едут смотреть на Запад, восторгаются магазинами, качеством товара и не хотят видеть другой стороны капитализма – безработицы, социальной неуверенности. Однако всё это пройдет. К СССР, к русским всегда будут относиться с братской любовью». Так пишет Карел.

«Руде право» стало интересно читать.

Я закружилась со всеми «защитными» и, главное, послезащитными делами (уйму разных бумажек пришлось оформлять) и не сразу заметила на своем столе изящную вазочку с ландышами. Это серб, очень симпатичный и скромный зав. лабораторией в Нови-Садовском институте приходил сказать, что уезжает. Ему очень понравилась защита, и он обязательно пригласит меня приехать к ним в Нови-Сад. Через пару лет я убедилась, что это не было просто любезностью.

Сосед разрядился

Вечерело. От Пахры в открытое окно веял бархатный, пахнущий черемухой ветерок. Соловьиные трели и ор лягушачий слышались. И вдруг: бац! дзынь! И вслед за тем истошный крик и мат. Орал громадина-мужик, директор опытной станции нашего института. Он здесь в командировке. «Волгу» свою поставил на ночь под самыми окнами общежития, чтоб надежней было. А в нее кто-то запульнул письменным прибором – тяжелым, из камня. Зачем? Откуда? Впрочем, могло быть лишь из двух окон, соседского, где живет длинноногий и длинноликий, с тяжелой квадратной челюстью волевого человека, немолодой уже аспирант Гена, и нашего. К нам прибежали в первую очередь. Иво сидел писал, я готовила ужин, Лены дома не было. «Кто, если не вы?!» – орали и директор, и шофер его, хотя сами видели, что не мы. Соседская-то дверь закрыта! Но Гена там. Еще минуту назад мы его слышали. Однако пожимаем плечами: не знаем. Мужики от нас вышли и с тем прибором в руках во всю глотку орут в коридоре. Со всего общежития сбежались. «Кто мою машину пробил? Чье это?» – потрясали

перед всеми тяжелым предметом. Аспиранты вроде как удивлялись, ничего не знали. И Геннадия, мол, с утра не видали.

Бедняга сосед открылся только ночью, когда те, приезжие, видимо, спать улеглись. Ребята-аспиранты ему пришли сказать, чтобы назавтра готовился оправдываться, потому что кто-то сдуру ляпнул: «Так ведь это мы Генке на день рождения дарили…» Так что завтра в дирекцию поволокут. «Скажи, что ты на подоконник поставил, а ветер сдунул… Само и свалилось…» На самом же деле сосед был в такой радости, что наконец-то закончил писать эту опостылевшую диссертацию, над которой высиживал день и ночь месяцев семь или восемь, что в бурном восторге сперва выкинул в окошко ручку, карандаши и стерки, а потом и весь тяжелый письменный прибор. Разрядился…

А вообще аспиранты наши каждый день, точнее ночь, разряжаются. До двенадцати ночи тишина, даже спать можно, а потом, устав от писаний, выходят в коридор, и начинается веселая возня. Людмила, крупная, полная аспирантка Соколовской, закончила писать диссертацию, и полуночную тишину нашего общежития прорезал вдруг её радостно-истошный вопль. Сначала ее победные вопли осчастливили второй этаж. Потом пришла в коридор на третий: «Га-га-га! Ха-ха-ха! И-и-и-и!»

Натягиваю подушку на голову: мне в полшестого утра вставать на работу…

Мы с Верочкой заканчиваем опыты

С утра едем с Верочкой Крохиной в Клёново. Кончаем опыт. Всех взвешиваем и грузим на скотовозку, а сами скорей на автобус. День солнечный, теплый, сверкающая зелень, медовый запах черемухи… После едкой вони свинарника, от которой у меня всегда першит в груди, этот запах божественным кажется. Сажусь в автобусе к окошечку и наслаждаюсь. Наверное, лицо мое в улыбке, потому что мужчина, очень с виду важный, с большим портфелем, вдруг мне улыбается. Однако, сев со мною рядом, вдруг зашебуршился, зашмыгал носом и спрашивает, морща нос: «Не знаете, чем здесь пахнет?» «Черемухой!» – отвечаю и наслаждаюсь чудным благоуханием из приоткрытого окна. «Черемухой?» – переспрашивает он, подозрительно пронюхивая воздух рядом со мной. Наконец вынул платочек и упрятал в него свой нос. Так и доехали до Подольска. Я запахом черемухи наслаждалась, а его, видимо, донимала вонь, исходящая от моего чистого с виду, впитавшего миазмы свинарника, плаща. Потом с Верочкой смеялись: «Понюхал бы он, когда мы в рабочее одеты!»

На мясокомбинате, как всегда, теряюсь. От крови, грохота, от летающих в подставленные тазы внутренностей – печенки, сердца, селезенки – мутится в голове. А надо всё успеть взвесить, взять пробы, написать номер животного…

Наконец-то всё позади. Пробы занесли прямо к Верочке домой в холодильник. У нее громадный ЗИЛ. Муж ее, Валентин Александрович, тщедушный на вид, но добрейший, сразу же кидает нашу одежду в ванну. Не успела я понять, в чем дело, он уж постиранные наши халаты на балкон вывешивает сушиться. А потом поит нас чудесным компотом из слив, который он сам готовит.

А на следующее утро мчимся скорее в колбасный цех, чтобы еще до начала рабочего времени сделать обвалку свиных туш. Для этого, как договорились, принесли пол-литра чистого спирта. Трое молодых мужиков с отточенными ножиками ловко отделяли шпик от мяса и мясо от костей. Потом на почтовых весах мы всё по отдельности взвешивали и подсчитывали выход мяса и сала, записывая данные в журнал. Когда пришли женщины-работницы и включили огромную мясорубку (наверху был от нее только бункер для закладки мяса и сала), послышался отчаянный писк. «Это крысы. Попали в шнэки», – спокойно объяснили нам. Мы не поверили: не может быть! Одна из работниц принесла нам на лопаточке доказательство – немного свежего фарша и в нём короткие серые шерстинки. Убедила. Но как же потом есть колбасу?! «А очень

просто, – говорят нам, – за день перемалываются сотни тонн свинины, говядины. Несколько смолотых крыс ничего не могут испортить. Ну а если с водочкой, то и всё в аппетит». Без водки здесь практически не садятся есть. С ужасом узнаю, что эти одутловатые лица с красными и сизыми прожилками на носу и щеках, эти бесформенно заплывшие тела, тяжело ступающие ноги принадлежат совсем еще не старым людям. Большинству тридцати нет… Ужасно их жалко. Понимают ли они, что губят себя?!

Вечером у Верочки наслаждаемся жареной вырезкой. А потом еще и своим семейством пируем, в общежитии. Лена довольна, пляшет.

– А перед этим невеселая была, – сообщает мне супруг.

Оказывается, в школе у нее нелады с классной, которая совсем другая, не такая, как их любимая Полина Яковлевна.

Толстые, круглые щеки, маленькие серые глазки, крохотные поджатые губки и ни одной складочки, или морщинки, отражающей чувства и мысли этой особы. С ее урока дружно сбежал весь класс, а она первым делом пошла к нам. Наверное, потому что аспирантское общежитие совсем рядышком. Лена с двумя подружками только что прибежали. «Почему вы сорвали урок? Объясните!» Подружки молчат, а Ленусь моя тут же и объяснила: «Потому что мы вас не любим». Лицо классной сверкнуло злостью. И теперь вся ее ответная нелюбовь – на Лену. Хотя сорвали урок братья Белевицкие, двойняшки. Они, как и папа их, похожий на легендарного поручика Ржевского, ужасно шаловливы. Отец их, усатый весельчак, сотрудник нашего ВИЖа, еще и тем замечателен, что нежно любит своих детей, как нажитых в семье, так и вне ее (таких, кажется, двое или трое в разных местах), а главное, всех материально обеспечивает, работая не только в институте, но и в нашем совхозе и еще где-то. И никто не обижен, женщины влюблены в него.

В субботу обмывали в «Праге» Рядчикову зарплату старшего сотрудника. По три сотни будет получать. Мы с Ивой рады за их семью. У меня пока всё еще 98 рэ, ставка младшего без степени. Иво от своего посольства получает почти сто сорок стипендии. Живем – не тужим. Готовим рыбку. Она вдвое-втрое дешевле мяса и, что самое главное, всегда есть в Дубровицах. А за мясом надо в Москву и в очередь.

Из «Праги» возвращались сильно повеселевшие. В электричке народу мало, и мы с Виктором от души орали песни. Фомичевы, как и мой Иво, солидно молчали, а Лена Рядчикова качала головой на наше пение и смеялась. Как здорово, что завтра не вставать, не ехать в Клёново к поросятам!

К соседу снова стучат в дверь

К соседу снова кулаком в дверь. На этот раз стучал небольшого роста скуластый мужик с горящими злостью глазками: «Открой, убью! Знаю, что там ты. Лучше открой!» (Кто ж отопрет, если так орут). Потом он резко переменил тон: «Юлечка! Голубочка! Не трону тебя. Всё для тебя!» За дверью по-прежнему тихо, только о батарею стукнули разок. И снова: «Открой сейчас же – убью-у!»

В это время Гена действовал (всё это после я узнала). Жену этого таксиста необходимо было как можно скорее из общежития выпроводить, чтобы мчалась домой. А мужа её – как можно дольше задержать здесь у двери. Мужики-аспиранты в этих делах солидарны. К таксисту стали подходить «сочувствующие»: «Нет, никакой женщины не видели!» – клялись. А этот Генка, да, он дома, но пьяный, спит, небось, разбудить трудно. И снова гулкие удары в дверь, ор и скулёж. А пока обманутый муж исходил злостью и отчаянием, мы в окошко могли наблюдать, как жену его, задастую блондинку, спустили на связанных простынях к окну, что этажом ниже… Минут через пять после этого (блондинка благополучно покинула общежитие) за две-

рью раздался могучий мерный храп. «Слышишь, – говорили аспиранты, обращаясь к несчастному, – дрыхнет он, пьяный». – «Счас я дам ему дрыхнуть, счас я дверь выломаю!» И снова: руками, ногами. Двери, однако, еще довоенные, уцелели. Минут через десять хотел было уж домой податься таксист. Может, и вправду жена дома его ждет (как аспиранты ему внушают). Но тут кто-то посоветовал отверточкой попробовать. У него, мол, есть подходящая. Пошел искать. А другой побежал за шильцем. А время идет. Уж, небось, дома его женушка. Бедняга охрип. Наконец принесли какую-то железинку, норовят ключ, который изнутри, вытолкать. «А может, с петель двери снять?» И снова истошный вопль: «Открывай – убью!» Ключ вдруг повернулся, вышел Гена, здоровенный, кудлатый, с «пьяными» глазами: «Чё разбудили, чё надо?» Таксист молча шмыг в комнату: в шкаф, под кровать, под стол, а больше и глядеть негде. Сел прямо на пол. Потерянный. Кто-то ему водочки с огурцом: «Выпей для душевного облегчения!» Не стал. Поспешил ехать. Жена строгая, ждет, мол, его дома, заругает…

После этого еще часа два по всему общежитию радостно галдели.

Письмо от Франтишека Гавлены

Пришло письмо от Гавлены Франтишека. Он давно закончил аспирантуру в Москве, в рыбном институте, и давно уехал в Чехию. Но письмо из Тольятти, а это здесь, на Волге. Оказывается, жена его тоже страдала ностальгией. Случайно узнали, что мы поехали в СССР. Стали тоже хлопотать. В Тольятти шесть лет уже. Работают оба по своей специальности на опытной гидробиологической станции. У них домик, усадьбочка. Франтишек выращивает чудесные лилии. Несколько десятков сортов. Отовсюду семена получает и сам отсылает. Собирается к нам в гости приехать, вернее, заехать, когда будет командировка в Москву. Мы с Иво рады несказанно. Как будто родной человек нашелся. Пишет, что в Чехословакии сельскому хозяйству сейчас уделяют очень много внимания. Внедряют прогрессивные технологии, используют самые выгодные сорта. Урожаи зерна сейчас не по двадцать центнеров, как было при мне, а уже за сорок.

Тоже и в письме от Карела хорошие вести из Чехословакии. В конце сентября там прошел пленум ЦК КПЧ. Где «…после глубокого анализа предложена была новая система выборов: не один, а несколько кандидатов». И полная свобода критики. Однако с позиций компартии, а не как в «литературных новинах». Там – с буржуазных позиций. А лектор из ЦК (он сейчас постоянно приезжает к нам в институт) костерит всех вообще журналистов Чехословакии: обуржуазились, клевету на нашу страну возводят… Интересно, дурак он, этот лектор, не понимает, или политика такая сейчас?

А ещё Карел пишет, что место для меня у Бауэра (в «Спофе») сохраняется. Ждут. Однако в стране столько перемен…

А у нас в СССР будто всё в полудреме. Всё тихо-спокойно и воруют все, кто может. А в нашем институте еще и лямуры крутят. Почти все сотрудники-мужики лямурничают. «Только наш Томмэ да твой Иво не лазят по бабам», – сообщают мне «по секрету».

Из газет узнала, что президент Новотный и самые главные из его правительства – Колдер, Штройгал, Крейчи и другие – тоже с ним приехали на празднование 50-летия Октября. Это хорошо, а то ходят слухи, что, мол, чехословаки носы на Запад повернули.

Новотный выступает и по радио, и по телевизору. В вечной дружбе клянется. Брежнев тоже. И целуются. Будто любовники…

«В доктора торопишься?! Не дадут защититься! Удушат»

Пишу методику будущего опыта. Проведу его по такой же схеме, как аспирантский. Только вместо метионина будет другая аминокислота, самая незаменимая для свиней – лизин. И тоже: недостаток лизина, избыток, норма… С витамином B_{12} и без него.

Лизина почти во всех кормах не достает, если они растительного происхождения, так что рацион составить нетрудно. Однако надо успеть достать лизин. У Махаева есть, да он разве даст? К Рядчикову я тоже не пойду. На меня он сердит, считает меня изменницей, потому что под его «крыло» идти не захотела.

Придется лизин самой добывать, через Букина.

Василий Николаевич помог. Заказал на деньги своей лаборатории института биохимии: Томмэ сказал, что на лизин денег не предусмотрено и что я, наверное, ни витаминами, ни аминокислотами не буду больше заниматься. Моя тема будет: уточнение потребности свиней в поваренной соли. Я, как говорится, опупела. Мне-е?! Кандидату биологических наук?! Опыт, где нет сложных и вообще никаких биохимических анализов… Студент и то заскучает с таким экспериментом. Надеюсь, что шеф «отойдет», что соль – это шутка. Кто ж подсказал ему так со мной пошутить? Вспомнились слова Рядчикова: «Самостоятельности хочешь? В доктора торопишься… Вкалываешь… Только ведь одну тебя здесь удушат. Не дадут защититься…» А потом с грустью добавил: «И мне тоже не позволят…» – «Но у тебя Скоркин, лаборанты, мой супруг…» Виктор тогда в ответ молча махнул рукой и отвернулся к своему японскому анализатору…

А Томмэ не шутил. Из министерства на его имя письмо пришло: спрашивают, сколько соли требуется животным, в частности свиньям, для их лучшей продуктивности и здоровья.

– Известно, сколько: полпроцента – процент от веса сухого корма.

– А вот на комбикормовых заводах соли не жалеют: по полтора – два процента включают. В хозяйствах жалуются. Просят, чтобы не больше нормы сыпали. А нормы-то у нас и нет. Кто как захотел, так и солит. Норму надо определить, – заключил Томмэ. – Надеюсь, вы справитесь…

Конечно же, я согласилась. Решила, однако, от плана своего – опыта с витамином B_{12} и лизином – не отступать. Буду вести параллельно. Говорить об этом не стала. Никому.

А пока ездим с Иво в московские типографии, ищем, где бы напечатали автореферат его диссертации. А в Москве – жуткая колготня: ноябрьские предпраздничные дни. Автореферат так и не сдали: всюду говорили, что ужасно завалены работой. А в одной из типографий старенькая сотрудница нам сказала, что сейчас все люди заняты, продукты достают. К празднику «выкидывают» колбасу и даже окорок. Тоже и мы за колбасой душились чуть ли ни три часа. Приехали измученные. Я будто десять тонн перелопатила…

Автореферат Иве все же напечатали, при этом как иностранцу, к тому же чеху, бесплатно, в ВИЖевской типографии, где только для начальства печатают… Защита в феврале и уже назначили оппонентов: два доктора биологических наук. И главное, с января он официально будет работать. В отличие от меня с его устройством никаких проблем. Все к нему очень хорошо относятся. Даже Махаев помогает: «Витьке Рядчикову, его анализам, я не верю, а Птаку верю», – громко рокочет он в коридоре. Это, конечно, полная чушь. Работу делает не Птак и не Рядчиков. Они только за прибором следят, наносят образцы, которые подготавливают вышколенные многолетней практикой лаборанты. У них всё уж «на автомате» получается. Основная же задача Рядчикова, а теперь и Птака – достать реактивы, запчасти, запасную смолу для аминокислотного анализатора. Если самому не пробивать это в Москве, то снабженец – налитый кровью и жиром мужик, предпочитающий играть в домино, вряд ли чего достанет. Даже почтовые весы для проведения опыта пришлось мне раздобывать самой.

«А как дела у вас в Чехословакии?»

Встречать Новый 1968 год всей семьёй отправились в гости к Дя Борям. Так мы про себя звали семью моего дяди Бори Филиповича, у которого жена и сын носят фамилию Котовы.

Перезнакомились, наконец, со всеми членами их семьи: настороженно благодушным и очень умным моим двоюродным братом, математиком Юрой, женой его, очень симпатичной и доброжелательной Танечкой, и дочкой их маленькой Анюточкой. Удивительно спокойная, с умными светло-серыми глазками и пухлыми губками, вполне довольная жизнью красивая девочка-ребёнок.

Дядя Боря с Лидией Федоровной живо интересовались тем, что сейчас делается в Чехословакии. Оказалось, мы, получающие «Руде право», знаем гораздо меньше их. Они Би-Би-Си слушают на английском языке. Там в основном про Чехословакию и говорят. Там вовсю идет дискуссия, т. е. критика теперешней бюрократической машины, которая называется социалистическим государством. В Чехословакии хотят, чтобы социализм был с «человеческим» лицом. Лидия Федоровна вспоминала сталинское время: «Приходили на работу и шепотом спрашивали друг у друга, кого сегодня нет. Ночами „черные воронки“ шныряли по Москве, людей выхватывали прямо из постелей, еще сонных, теплых, кидали на железные сиденья… Почти никто не возвращался оттуда…»

– Но теперь-то не забирают, теперь-то разве плохо?

– А кто говорит, что плохо?

– Теперь вон и пишут о тех временах.

– Но не публикуют. «Доктор Живаго» Пастернака, «Раковый корпус» Солженицына только в «Самиздате», на машинке…

– Вот бы почитать! У вас есть?!

– Что ты! Что ты! – перепуганно замахал руками Дя Боря, – Мы не читали, не видали даже…

Я поняла, что это совсем не так, может быть, у них даже есть. Но в них страх такой сильный, как животный инстинкт. Я для них пока (надеюсь, что пока) не совсем своя.

Потом о науке заговорили. Дя Боря в ней еще с тридцатых годов. Как ни странно, при этом Людоеде столько у нас появилось талантливых ученых! Даже в казематах не переставали творить. Наука для Дя Бориного поколения – это священный алтарь, перед которым склонялись, к которому шли, чтобы дать… Сейчас, по его мнению, в науку идут, чтобы взять: степень, теплое место, зарплату…

Раньше, когда они были молоды, ведущие ученые готовили преемников, таких же, как были сами или лучше себя, сейчас все наоборот: высокие должности получают далеко не самые талантливые. «У нас один завкафедрой так и говорит: «Приблизь я к себе способного, деловитого, молодого, он меня живо проглотит. Вот и держу дураков рядом с собою. Они безопаснее».

Юра – «молодое поколение учёных» – с отцом не спорил. Попросил меня собирать «Руде право». Он будет приезжать забирать. У них в Институте прикладной математики говорят, что в Чехословакии идет эксперимент. Если удастся, то и у нас потеплеет. Глядишь, и наш социализм «очеловечится»…

И как бы в подтверждение этому «Правда» от 6 января 1968 года с портретом нового чехословацкого генсека Александра Дубчека. Правдисты обсасывали его, Дубчека, фамилию: Дуб, а главное Чека. Задаст оппортунистам перцу. А я смотрела на его лицо: небольшой узкий подбородок и крупный нос делают его похожим на птицу. А в глазах, в улыбке – человеческая доброта и совершенно нет той уверенной твердости и никакого «железа» во взгляде… Даже муторно за него: сумеет ли одолеть наседавших на партию почуявших волю буржуев-оппортунистов, о которых лектор ЦК толковал нам.

Сам Дубчек молодой, недавно сорок шесть лет исполнилось. Родился в маленьком городке Топольчаны в семье рабочего-столяра. Когда Первый съезд компартии Чехословакии призвал помочь первому социалистическому государству, Дубчеки всей семьей поехали в СССР. Вместе с тремя сотнями таких же энтузиастов заложили славный колхоз «Интергельпо» (Интерпомощь). Отец работал, сыновья, Александр и Юлий, учились в школе, во Фрунзе. В тридцать восьмом вся семья вернулась в Чехословакию. Александр вступил в подпольную КПЧ. Был одним из командиров партизанского народного восстания в Словакии. Юлий Дубчек тогда погиб, 1 января 1945 года, Александр – два раза ранен. После войны работал слесарем и одновременно был членом районного совета компартии в городе Тренчин. Заочно учился на юридическом факультете университета в Братиславе, а в 1955—1958 годах – в Москве в Высшей политшколе при ЦК КПСС. Окончил с отличием. После быстро пошел в гору. Словом, «наш человек», и не зря у Брежнева, поздравляющего Дубчека, такое на лице ликование.

А в конце января Дубчека уже в Кремле принимали, как всегда хлебосольно и сердечно. Брежнев, конечно же, целовал его и смотрел на него с умилением.

Брежнев с Дубчеком целуются в Пражском аэропорту, 21 февраля 1968

Мои опыты на свиньях: официальный и втихаря

Выдираюсь из койки, такой теплой, что так бы снова и зарыться туда. На улице морозище, снег скрипит, звезды холодом светят. В автобусике тепло, уютно. Так бы и ехала. Но в Клёново у конторы станция «вылезай». И по скрипучему снегу двигаю на ферму. В синеватой мгле фигурки бригадирш, фельдшеров, лаборанток… А свинарочки все уже работают, и Алексей Егорович, завфермой, уже в своей конторке сидит. Чуть замешкаешься, и уйдет на свинарники, лови его там. «И чего не спится! – будто сердясь, говорит мне Егорыч. – Места нет, кормов нет и холодина. Подождала б до весны, как все добрые люди…»

Стою и молча слушаю, потому что уж знаю характер: сейчас начнёт костерить начальство, сперва ближнее, совхозное, потом районное и всё выше и выше. Аж до тех доходит, которые в Кремле. И всё на ядреном с «перемать» языке. Наконец успокаивается, и лицо озаряется приветливо-шаловливой, почти детской улыбкой.

Вот теперь можно и попросить… А он всё еще понарошку сердито и с матерком, но деловито, сразу же пускается всё обустраивать для опыта: место, поросят, корма… Но кормов нет. Надо, если хочу опыт вести, пробивать наряд в «хлебопродуктах». Ну что ж, дорогу туда уже знаю.

Наряд на комбикорм для опыта удалось получить без особого напряга. А в Клёново – отобрать и пронумеровать больше сотни поросят-отъемышей.

Алексей Егорыч побурчал: «Много!» Разрешил, однако, «из уважения», что наряд достала на комбикорм.

И вот уже докладываю методику. Опыт по соли. Первая группа – без соли вовсе. «Как можно совсем без соли!» – возмущается Махаев. «Отрицательный контроль!» – отвечаю. Я почему-то уверена, что животные на комбикорме без соли не погибнут. Обходятся же дикие. Всего в опыте четыре группы, двенадцать голов в каждой. «А для чего чуть ли не сотню наметила?» – спрашивает тот же Махаев. Через кого-то уже узнал… «На всякий случай!» – отвечаю, а про себя ликую: не «чуть ли», а целых сто двадцать голов! Не говорю, что уже и лизин для опыта достала, и деньги на лаборанта. (Букин подкинул договорную: надо испытать кормовой концентрат витамина B_{12}. Препарат получают из отходов брожения на ацетоновом заводе в Грозном). Денег на опыт – аж сто тысяч! А наш институт выделяет на проведение опыта не более шестисот рублей…

Методику утвердили. Томмэ, сияющий, ставит мое послушание в пример: безропотно согласилась изменить тематику, работать с солью. Даже он пока не знает, что опыт с аминокислотами и витамином B_{12} я поведу параллельно.

Принимаю роды в родном общежитии

У нас гостит Франтишек Гавлена. Он приехал в министерство по делам. В Москве полно родни (жена его москвичка), но он остановился у нас. Мы ему несказанно рады. Вечером готовим всё чешское: тушеную свинину с тмином и картофельные кнедлики. Эта еда «хочет» пива. Купили «Жигулевское»…

Франтишек после с удовольствием растянулся на Лениной гостевой койке. Лену, когда кто-нибудь приезжает, кладем спать к Шурочке-молдаванке: она одна в комнате.

У Гавлены в Тольятти двое ребят. Сын – одного возраста с Леной, а дочка моложе. Хорошо живут. Всё есть, но Франтишек тоскует по Чехии. «Вот пообщался со своими, и легче стало…» Меня он тоже считает своей, и мне отрадно это. Улеглись за полночь, а проснулись от шума в коридоре и стука в нашу дверь: «Эля, выйди! Пожалуйста!» – кричат. «Не орите: у нас гость!» – отвечаю из-за закрытой двери. «Выходи скорее! – истошно вопит какой-то мужчина. – Надо роды принять!» Вспомнилось почему-то, как тоже ночью звали меня к трудному растёлу. И не раз это было. Но сейчас надо было принять на свет нового человечка. Рожала жена аспиранта нашего, татарочка Рая Мифтахова.

Есть и еще в общежитии женщины, и даже одна преподавательница, но «боятся крови» и даже в коридор не вышли. Одни мужики, и Рая на койке со своим вздутым животом корчится. Как назло, не работает телефон, а роды вторые, могут идти быстро. Гоню будущего папу за горячей водой, благо на кухне есть бойлер, прокаливаю над горелкой обыкновенные ножницы, прошу ребят, чтобы скорее нашли бинт, йод. «За врачом бегите», – кричу. Оказывается, побежали, и уже довольно давно…

Рае даже не надо было помогать. Только за руку ее держала… Ребеночек чистенький, словно горошина из спелого стручка, вышелушился из лона вместе с пуповиной и сизокрасным последом. Я пуповину пережала и уже хотела всё как при отелах сделать. На счастье пришла врачиха. Сказала, что сделано как надо, только почему же не в роддоме? Теперь от инфекции не гарантирует. Но мне кажется, всё будет хорошо.

Мальчика Мифтаховы назвали Дамиром. Оба здоровы. Меня благодарят, хотя Рая сама – молодец. А мне слава на всё общежитие: повитуха!

Иво защитился единогласно. А потом пировали! Народу, как и на моем, было много. И на столах не меньше: салаты, винегрет, мясо тушеное с картошкой, колбас разных. Питья тоже осталось еще и на завтра. Из Молдавии нам прислали целый бочонок домашнего красного вина. Это Кайсыны, Февруар Януарьевич и его жена, нас благодарили. Сотрудник Кишиневского сельхозинститута, аминокислотчик, он этим летом некоторое время жил у нас, а потом ему в Москве сделали операцию, чтобы слышал (он был почти глухой), и я ему в больницу возила продукты. Теперь уж я забыла об этом. Как приятно, что они помнят. «Хорошие люди всегда добро помнят», – говорила мне моя Бабушка. И еще радостно мне оттого, что я пирую, хожу на занятия, сплю… а опыт идёт. Как у того солдата, который «спит, а служба идёт». Время работает на меня!

Верочка Крохина тоже не стала ждать лета, начала опыт следом за мной, в морозы. И теперь мы помогаем друг дружке при взвешиваниях поросят. А они спокойные, сытые, сами на весы ходят.

В «солевом» опыте лучше всех росли поросята, которые получали корма совсем без соли, а хуже, где соли было максимум – один процент от веса комбикорма.

И радовал опыт с витамином B_{12}. Добавка B_{12} была эффективной, когда в рационе не хватало лизина. А когда всех аминокислот в норме было, то никакого эффекта от его добавки не было. Вот откуда разнобой результатов: у одних эффект, у других нет! Ужасно радостно мне, что сумела доказать свою правоту.

Происходящее в Чехословакии

И ещё радует происходящее в Чехословакии. Там в общем-то идет борьба за лучшие идеалы человечества: честность, правдивость и справедливость. У нас, в нашем обществе, эти качества, кажется, во многом потеряны. Врать приучают буквально со школы, даже с детсадика… Наверное, поэтому «Руде право» читаем как самый увлекательный своею правдивостью роман. В Чехословакии появится гласность! По-моему, уже появилась: там говорят такое, о чем у нас только по кухням шепчутся. Уже ограничена цензура: допускается откровенная дискуссия. Дается оценка былым деяниям компартии. На ближайшем заседании ЦК КПЧ обнародует программу партии, и пусть люди ее обсуждают и откровенно высказываются, ничего не боясь.

В беседе со студентами один из новых партийных деятелей, Отто Шик, сказал, что прежняя система партийного руководства – это пустая болтовня и недемократичные методы удержания власти. Нужна совсем другая система. «Многие считают, что наша критика – это полное отрицание их (старых коммунистов) заслуг, и не могут понять того, как могли они этих ошибок нагромоздить столько! А это потому, что критики не было». А сколько же у нас, в СССР, этих ошибок?! И все-все молчат.

В Чехословакии дискуссии охватили всю страну. Ужасно много творилось несправедливости, даже в те годы, когда «культ» был осужден. Ну а раньше и вовсе. Оказывается, там тоже убивали невинных и отправляли в шахты урановые. Я, правда, немного знала об этом от пана Голого, с которым во Вратиславицах работала, однако далеко не всё, не в таких масштабах. Главное, гибли-то не просто невинные, но умнейшие, необходимые стране люди. А процветали

бездари и стукачи. Впрочем, у нас то же самое, только в гораздо больших масштабах! Молодцы чехи: не стали молчать и терпеть, как мы.

Весна полным ходом идет. Ручьи, голубые лужи и солнце во всем. И у нас все хорошо в семье. Иво радостный, у него День рождения, 37 лет, и поздравительные письма сразу от двух мам, его и моей.

О происходящем у них Ружена пишет с воодушевлением. Люди проснулись от спячки, «впервые почувствовали себя гражданами, от которых зависит». Мама Ивина работает на большом заводе, в цехе. Уж она-то, подпольщица бывшая, распознала бы опасность, которой нас лектор постоянно стращает: возможность контрреволюции. «Наконец-то в нашу партию пошли молодые», – пишет она. Спрашивает, читаем ли мы «Руде право», доходит ли? У них говорят, что в советской прессе ничего не пишут об их мощном, как сама весна, всеобщем движении возрождения.

Это верно. Почти не пишут. Только рассказывают на лекциях… Но со своей, советской точки зрения. К сожалению, зрение это похоже на кривое зеркало: смотришься в него и видишь уродину… А «Руде право» ходит исправно и очень объемистое. Бывают номера страниц по десять! К тому же фамилии в большинстве своем незнакомые мне: Черник, Цолотка, Гусак, Гайек, Кадлец… А они сейчас все кандидаты в новое правительство.

В Праге только что мартовский пленум прошел. На него, кстати, допустили журналистов со всего мира. Это впервые. И сейчас еще печатаются выступления. Всё перечитать – времени нет.

Замечательно, что Новотному, которого и от президентства уже отставили, тоже дали слово на пленуме. Хрущеву-то и пикнуть не дали. А Новотный с полчаса говорил. Жаловался, что в последние месяцы вылили на него грязищи, а ведь он совсем не участвовал в подготовке процессов 48-го, 49-го и 54-го годов. Когда узнал, что творили (узкая группа людей из руководства партии), всё, мол, делал, чтобы такое не повторилось. Старался, чтобы в стране соблюдалась законность. На тринадцатом съезде партии поддержал доклад Дубчека о социалистической демократизации… А как сам жил? Президентская зарплата высокая, а привык жить скромно и замкнуто. Никаких особых расходов. Так что денежки свои, что не потратил, отправил в кассу партии…

Благородный человек (так мне кажется). А был бы другим, то и не было бы в Чехословакии никакого движения в сторону демократизации. Главная заслуга Новотного, по-моему, не в делах его, а в том, что почти не мешал делать. В этом он похож на нашего Томмэ, которого я уважаю. Но и только. А Дубчек – наш, имею в виду нас с Ивой и всех чехословаков, а также и таких как Букин с его лабораторией, как Верочка Крохина, как вся моя родня московская, это живой честный человек, к тому же способный отстоять устремления людей к честной жизни, справедливости, духовной свободе и повести за собой…

В разговоре с трудящимися, который состоялся после известного Дрезденского совещания генсеков братских партий, Дубчек подчеркивал дружественный дух совещания. По-видимому, люди там опасались давления. Да и мы здесь тоже боялись. Ведь в наших газетах ни слова о том мощном движении народа в Чехословакии, о той активности людей, об их чистых стремлениях, о сути дискуссий. Зато лекторы ЦК вдохновенно говорили нам о происках империалистов, которые-де в Чехословакии готовят контрреволюцию.

Дубчек тогда граждан успокоил: «…Все наши друзья нам желают успехов в демократизации, удачи в наших начинаниях». И еще сказал, что ЧССР и СССР остаются друзьями, хотя посетовал, что «…удивительно мало информации о развитии демократизации в Чехословакии дают своим гражданам в СССР».

Моя лаборантка Тамара

Поросята уже большие. Скоро можно сдавать. Вместе со своей новой лаборанткой, девятнадцатилетней, по-девчоночьи красивой Тамарой Куцепаловой взвешиваем их.

Муж ее, Куцый, как все его называют, намного старше Тамары. Он тракторист, тоже и дома «вкалывает». С утра, перед работой, несется с полными ведерками в сарай к хрюшам. Потом за картошкой в погреб, за молоком бежит… «Тамарку балует муж», – завистливо говорят изжиленные работой свинарочки, – всё в дом старается, как хорек, а она с работы, будто краля какая, порожняком идет, в пальтеце, без халата…» А тут у них уж так принято: работаешь на ферме – можешь взять, унести. Для этого у каждой пошит специальный узкий, но длинный мешок с веревками. «Парашют» называют его. Окручивают им себя в поясе. Зимой – поверх зимней одежи, под серый халат, который надевают всегда сверху. Однако холод с «парашюта», набитого промерзшим комбикормом, даже сквозь ватники гложет спину. После в пояснице отдает. Знают об этом все. Бригадирши замечания делают, если видят: бока выпирают, как у жабы раздутой. Предупреждают, чтобы контору обходили. Однако «жить надо»! Им, начальникам, развозят машиной. Тоже втихаря, потому что выписывать комбикорма нельзя. Они только для совхозного поголовья. А в сараюшках сколько хрюкает, об этом никто не знает.

Живут они на втором этаже нового кирпичного трехэтажного дома. Таких домов уже два в Клёнове и строят еще. Уже переселили из квартир, вернее комнат, которые в здании старой церкви были, и из нескольких бараков, которые вместе с клопами сровняли с землей бульдозером. Единственное неудобство жизни в новых домах – далеко бегать в сараи. Их настроили метров за сто, а идти через шоссейку, по которой автобус ходит. Летом ничего, а зимой, впотьмах, да с ведерками теплого поросячьего пойла, так ой. А лестницы в подъезде узкие, темнотища, друг дружку сбить можно. Тамара всё это изобразила, как ее Куцый поутру, в подштанниках еще, в сарай мчится, что я от смеху надрывалась. Она вообще мастерица изображать. Дома у нее бабушка старая, мать мужа и дочка годовалая. Пришли – дочка спит, а так она у нее «разбойница», хвастается Тамара. За чайком поведала всю свою жизнь. Родилась на Камчатке. Родители туда уехали заработать. Да там и умерли. Сперва отец, Тамара маленькой была еще, а потом и мать. У матери страшные головные боли, сознание теряла. Приехала родня, повезли в Москву на операцию. Оказывается, рак в самой черепушке. Тогда же и ее, Тамару, привезли в Москву. Семнадцати годочков не было. Через каких-то своих, родню четвероюродную, познакомили с Куцепаловым, которому уж за тридцать было, и скорей-скорей свадьбу сыграли. Пристроили… И сразу же беременность. А уж после родов было еще два аборта… Школу она вспоминает: училась хорошо, по математике особенно. В кружке занималась драматическом, в хоре пела, плясать любила. А сейчас… «Но ведь ты совсем еще молодая! – говорю. – Доучиться надо, десятый закончить, в институт поступить…» – «Вот чуток подрастет моя Алена, вот тогда!» – весело согласилась Тамара. И вообще, о своей жизни-трагедии рассказывала она без малейшего поползновения вызвать жалость, а наоборот, с какой-то даже веселостью. «Померла маманя – сплошная гульба пошла: сороковины, свадьба…» Муж на руках носил (хоть и замухрышистый сам). И сейчас любит. Да только уж больно скучно с ним. Не пошутит. К тому ж ревнует.

Ужасно жалко мне Тамару! И всю дорогу домой обдумываю, как бы ей помочь. А приехав, узнаю новость, которая меня потрясла и все-все помыслы мои отодвинула куда-то, поставив прямо перед жестокой реальностью: погиб любимый мной (и миллионами других людей) мой одногодок Юра Гагарин, первый человек Земли, побывавший в Космосе…

Всенародная трагедия: погиб Юрий Гагарин

Юрий Гагарин погиб «при выполнении тренировочного полета». Вместе с ним командир авиационной части, герой СССР полковник Серегин Владимир Сергеевич. Объявили нам об этом 28 марта 1968 года. А случилось это еще накануне.… О том, как погиб, сообщают лишь, что самолет «вошел в штопор и врезался глубоко в землю. А о причине четко не говорят, одни предположения, и самое вероятное – разворот самолета от встречи с метеозондом. Однако злополучный метеозонд так и не смогли найти, да и не было его в тот день… А был один конкретный сверхзвуковой самолет, истребитель Су-15, который на всей своей огромной скорости пролетел совсем рядом, всего в десяти-пятнадцати метрах от двухместного тренировочного самолета Гагарина и Серёгина. Ему, сверхзвуковому, полагалось летать на высоте десяти-одиннадцати тысяч метров, а он вздумал под облаками промчаться, чтобы сквозь них взмыть на положенную высоту. Конечно же, он ничего не знал о тренировочном полёте Гагарина и Серёгина и заход его на их высоту был не более как хулиганством… «Вихревой след этого сверхзвукового самолета и свалил в штопор тренировочный самолет с первым космонавтом», – так заключает Алексей Леонов на основании своего собственного расследования. Он же, однако, заявляет, что штопор на высоте более четырёх тысяч метров это еще не конец: времени было достаточно, чтобы вывести машину из штопора. И, наверное, Гагарин уверен был, что сумеет это сделать. Потому что никаких просьб о помощи или даже крика не поступало с борта самолета с первым космонавтом.

Юрий Гагарин.

Юрий Гагарин с дочками. Накануне вечером, как всегда, ласково прощался с дочками. Никто не знал, что навсегда… Март 1968 г.
публ. «Новости Бреста». 12.04. 2016

Место гибели первого космонавта, 27 марта 1968 г.
публ. «Новости Бреста». 12.04. 2016

Памятник Гагарину и Серегину на месте трагедии.

Теперь, то есть уже в XXI веке, в интернете можно видеть фотографии места трагического падения и останки самолета. Тогда же все подробности от народа тщательно скрывали, и множились среди людей самые разные и невероятные слухи. Одна «версия» помнится мне до сих пор: Гагарин не погиб, а украден был инопланетянами в НЛО. Версий много было, в том числе космонавта Леонова: во время трагедии он находился совсем близко, руководил работой так называемой лунной группы. Слышал следующие друг за другом два резких хлопка и взрыв. Сразу же предположил, что причиной трагедии мог быть другой, сверхзвуковой самолет. Однако доказать это свое предположение смог он только через сорок пять лет после случившегося. Юрий Гагарин погиб в результате неосторожного манёвра другого самолета, сверхзвукового Су-15. Фамилии лётчика он не называет, потому что не считает его действия каким-то злым умыслом. Просто трагическое совпадение, которое могло случиться вследствие стечения обстоятельств: низкая облачность, неисправность наземного высотомера, из-за чего самолет был выведен из штопора только у самой земли и, уже не имея шансов подняться, под углом пятьдесят градусов врезался в землю. Были и другие «мелкие» причины, которые в совокупности своей спровоцировали эту ужасную трагедию.

Соболезнования – в Москву и поздравления – в Прагу

Похороны были очень торжественные и очень красиво оформленные. Обычно на таких похоронах произносят речи, но без слёз. Здесь люди плакали: Юра был по-русски широк душой, прост в обращении и, главное, во всём искренний, без всякой фальши. Был настоящим сыном своего народа, да, пожалуй, и всех землян. Соболезнования в связи с его гибелью шли из стран и уголков планеты всей. В нашей стране память о нем почтили минутой молчания.

Похороны Юрия Гагарина 30 марта 1968 г.

Очень сердечно вспоминали его в Праге. Оттуда, со всей Чехословакии, в Москву шли и шли соболезнования. Этой осенью в школу пошли сотни, даже тысячи чешских и словацких мальчишек с именем Юра. Их назвали в честь Юрия Гагарина.

В тот же день, 30 марта 1968 года, из Москвы в Прагу шли поздравления вновь избранному президенту страны генералу Людвику Свободе.

Родился он еще в прошлом веке, 21 ноября 1895 г., в селе. В первую мировую войну воевал в чехословацком легионе в России. С начала оккупации Чехословакии фашистской Германией был в подполье. В июне тридцать девятого нелегально перебрался в Польшу, а оттуда – в СССР. Стал генералом армии в Бузулуке, потом во главе 1—й Чехословацкой армии вернулся на свою родину победителем. Стал военным министром словацкого правительства. Однако в пятидесятом году попал и он в жертвы «культа». От урановых рудников спасли былые заслуги и преклонные годы. Стал работать бухгалтером в дружстве (сельскохозяйственном кооперативе). Дружстевники до сих пор с любовью вспоминают своего генерала.

Только в пятьдесят пятом был вытащен из «западакова», т. е. захолустной глубинки наверх – награжден в связи с десятилетием Победы.

Кандидатура Свободы всеми чехами и словаками была встречена с радостью. И наши довольны. Во всех газетах портреты и подробная биография (исключая, конечно же, бухгалтерский период).

Чехи обо всем этом пишут весьма откровенно. У них всё еще продолжается пленум КПЧ (мартовский). Поставлен вопрос о реабилитации некоторых членов партии, осужденных «за нарушение социалистической законности и партийных норм». Этих людей наказали только «за собственное мнение», тоже социалистическое, но чуточку «несовпадающее с…». Из речи Дубчека (в «Руде право») видно, что коммунисты хотят сделать Чехословакию демократическим государством с основами социализма, чтобы каждый человек мог бы не просто работать, но творчески развивать себя, а не быть просто «винтиком». Изменится вся система. Предпри-

ятия, т. е. фабрики, заводы, кооперативы получат как можно больше самостоятельности, чтобы развить предпринимательство. И всё это должно быть под контролем общественности.

Мне больше всего понравилось решительное: «Освободить путь для полного развития человека». Это же наша коммунистическая мечта. Получилось бы это у них!

Лектор ЦК, однако, заявил (это было вчера), что в Чехословакии под видом демократии происходят злобные антисоциалистические вылазки, что генсек Дубчек оказался неопытным. Молодой. И надо б ему помочь, потому что он-то сам честный коммунист, но его окружение – сплошь все ревизионисты, оппортунисты, одним словом, контры. Под видом демократии хотят возродить старый режим, т. е. капитализм.

Моя напарница по рабочему кабинету Вера Ивановна Лепнова

Весна. Почки лопаются, птицы орут. Напротив меня за своим столом бабулька Лепнова жмурится от солнышка. Очень интересный она человек, живая энциклопедия. Родилась в одной из деревенек, которая уж давно стала южной окраиной Москвы. В доме было две коровы. Это значило – середняки, т. е. «мелкая буржуазия». Семья большая. Остались в своей избе. А вся почти деревня – на выселки, потому что скотины держали по три, по четыре головы. Трудяги были все, и луга кругом отличные. Впрочем, некоторых и с двумя коровенками «кулачили». Вера Ивановна в ту пору уже училась в Петровской, ныне Тимирязевской академии. Студентов там разделяли на «своих» и «чуждых элементов». Она помнит, как одного паренька, очень скромного, интеллигента, буквально затравили, довели до самоубийства. А еще с нею в группе училась дочка славного «всесоюзного старосты» Михаила Ивановича Калинина. Кто не знал, никогда бы не догадался. Скромная была, даже какая-то забитая. Они с матерью где-то жили отдельно, страшно нуждались. Отца она ненавидела. Он мать прогнал, а жил с какими-то балеринами. А про Калинина-то все думали (я тоже), что хороший человек… А потом стала рассказывать, как работала на селекционной станции в Якутии. Заслушаешься, как рассказывает… Вдруг Шурочка Подвигайло прибегает и мне: «Срочно к Томмэ».

У него в кабинете Нестерова – с напряженным аж до фиолетовой красноты лицом и с какой-то бумагой в руках.

Мне требуется эту бумагу подписать. «Ага, как спирт списывать, так меня просят…», – подумала и уже ручку схватила, да тут же и кинула. «А я думала, вы спирт списали, а вы…» – «А она диссертанта Шмакова… списала», – не своим, каким-то жестким голосом проговорил Томмэ. – «Я написала то, что сама видела и слышала. Шмаков – верующий. Он сам сказал, что смысл его жизни – служение Богу. Филипович слышала. Она подтвердит. Ка-ак вы не слышали? Вы же его разоблачали. А-а, не помните… Да на занятии по атеизму…»

Ага, вспомнилось. Было это еще зимой. Дали нам троим тему «О смысле жизни». Мне, Крускиной и Шмакову. Кто как понимает. Геннадий тогда действительно сказал, что главное – служение Богу. Мы же с Надей Крускиной отчаянно доказывали и, казалось мне, даже Гену убедили тогда, что главное – служить людям, ведь и сын Божий служил человекам и жизнь свою отдал, чтобы люди прозрели.

– Так ведь то был семинар, – говорю. – Геннадий просто роль играл верующего, оппонировал нам. Это чтобы интересно было.

– Не просто играл. Он вам целые цитаты из Библии приводил. Он – верующий.

«Ах ты, гадина!» – думаю. Только б сдержаться от сильных русских слов. И тут же нахожусь:

– Михаил Федорович, вы ведь до революции учились?

– Да.

– А по закону божьему что у вас было?

– Отлично, – Томмэ улыбается, разгадал ход моих мыслей. – Да, понимаете, тогда все образованные люди знали Библию. Наизусть знали. Это не мешало им быть учеными, коммунистами, атеистами…

Глаза его лучились жизнерадостным умом. А лицо Нестеровой из злого, даже яростного, стало враз растерянным и жалким. Начала нервно рвать бумажку на мелкие кусочки. А потом, кинув будто невзначай: «Ну и пеняйте на себя. Я, Михаил Федорович, вам помочь хотела!» – шумно вышла из кабинета.

А мы с Томмэ еще посидели, попереглядывались. «Вот, значит, какие дела у нас творятся. Поняли?» – «Ага». – «Идите, спокойно работайте». А как спокойно, если Гене, такому хорошему парню, лучшему аспиранту, возможно, угрожает отчисление. Пошли к его руководителю Девяткину. Шмаков его первый аспирант. Ему сказали уже, что готовится отчисление, что, мол, и самому Девяткину может не поздоровиться, если будет защищать Шмакова. Он уже пробовал.

Вместе с Надей Крускиной, она ведь партийная, решаем все же попытаться. Идем к секретарю парткома институтского, Филатову Анатолию Ивановичу, простому в обращении и, кажется, умному. Выслушал, посочувствовал, однако развел руками: мол, «дело» не ВИЖем затеяно, а оттуда пришло, сверху. Он ведь, Гена, в Загорск ездил, в Лавру. От них и сообщили… А Нестерова только подтвердила. «Словом, девочки, напрасно вы хлопочете и переживаете. Дело решенное».

Я прямо физически почувствовала, как что-то душит меня. И только вечером немного успокоилась, когда прочитала очередное пришедшее нам «Руде право».

Там пишут, что на активе пражских писателей-коммунистов вернули партийные билеты тем товарищам, которые еще полгода назад считались оппортунистами: Вацулику, Климе и другим. Дойдёт же и до наших когда-нибудь, где она, настоящая правда.

В «Руде право» о Пражском восстании

Снова интереснейшая статья в «Руде право»: на этот раз о Пражском восстании. После тех событий минуло ровно двадцать три года. А рассказывает Йозеф Смрковский, который был непосредственным участником Пражского восстания. Самому Смрковскому инкриминировали союз с власовцами. Простили только недавно, когда в республике начался «процесс возрождения», когда настало время сказать обо всем правду. Вот что пишут о власовцах, которые в мае сорок пятого буквально спасли Прагу от такой же участи, что и Варшаву: «Советское руководство весной 45-го послало спецгруппу парашютистов, чтобы агитировать власовцев уйти от немцев и помочь пражанам, которые восстали. Этим бы они, власовцы, искупили свою вину. Смрковский лично договаривался с командирами власовцев, действуя по согласованию с руководством советской армии. Власовцы тогда разгромили немцев, спасли Прагу. Чехи их обнимали как своих освободителей, так же, как потом с цветами и радостью встречали советские танки действующей армии. И было для чехов шоком: русские стали убивать русских (власовцев). Их не брали в плен, не судили, их стреляли на месте.

Лишь немногие из них спаслись, переодевшись в штатское… Теперь настало время реабилитировать целый ряд особ, пострадавших за активное участие в Пражском восстании» («Руде право», 05.05.1968).

Иво тогда было четырнадцать лет, но он уже коммунист и тоже участник Пражского восстания. Бегал по адресам. Листовки, тяжеленные сумки с патронами…. Иво и сейчас не может без волнения рассказывать о тех днях. Слезы в глазах. А тогда все плакали от радости, когда пришли советские танки. Всё ликовало: и люди, и природа. Тогда в Праге цвели сирень и каштаны. И было солнце. И казалось, оно растворилось и засияло в людях.

Войска СМЕРШ пришли примерно на третий день. И тогда Иво снова плакал: забрали тяжелораненого русского паренька, которому он, Иво, четырнадцатилетний подросток, подносил патроны на баррикадах и отчаянным бесстрашием которого восхищался…

У Букина и «букинистов»

Снова ездила к Букину, в его лабораторию.

Как всегда, «букинисты» поили меня чаем и расспрашивали о событиях в Чехословакии. Они знают, что я могу «Руде право» читать. «Привезите нам эту газету. Мы хоть заголовки почитаем. Поймем, всё поймем! А то ведь по радио все западные станции так глушат. Лучше уж по-чешски читать!»

Все они чехословакам «держат пальцы». Очень надеются и очень боятся за Дубчека, за Свободу и за свободу.

Рассказывала им, что знала. Про власовцев для них было новостью. Шумно удивлялись. Только Василь Николаевич молча, усмешливо хмыкнул. Видимо, еще раньше знал. Перевел разговор на мой опыт с лизином и витаминным концентратом, который всё еще идет на свиньях. Потом дал распоряжение Евдокии Петровне, ведавшей «валютой», т. е. спиртом, отлить мне сколько надо для окончания эксперимента.

А через несколько дней, когда закончила я свой опыт на свиньях, в лаборатории Букина обсуждали результаты всех моих опытов. Сделаны были основные выводы: содержание белка в рационах можно снижать чуть ли не вдвое по сравнению с нормой. Самое главное, чтобы достаточно было незаменимых аминокислот, особенно лизина и метионина (которых довольно часто не хватает). Второй вывод: витамин B_{12} «не работает», если в рационе минимальное (но все еще удовлетворяющее потребность) содержание белка.

Когда белка было в обрез, а количество незаменимых аминокислот соответствовало потребности в них, животные росли отлично, т. е. как на рационах стандартных, высокобелковых. Но стоило в этом низкобелковом понизить содержание метионина или, наоборот, повысить его, реакция была поразительной. Рост резко замедлялся, шерстка теряла блеск. При большом избытке метионина крысята скрючивались, становились похожими на малюсеньких ежиков. Витамин B_{12} не помогал нисколечко. Зато на фоне высокобелкового рациона витамин B_{12} «работал» удивительно четко: привесы повышались не только при добавке в рацион с недостатком метионина, но и с его избытком. Когда выявилось, что витамин B_{12} работает не только при недостатке метионина, но и при избытке его, мы все, как говорится, открыли рты. Впрочем, я, невежда в биохимии, не очень удивлялась. А вот Василь Николаевич и вся его группа сотрудников, которые с этим витамином работали много лет, засуетились. Перелопатили последнюю литературу, просмотрели записи и своих опытов, проведенных задолго до меня. Обнаружили, что и у них такое иногда выходило: витамин B_{12} повышал рост крысят, получавших избыточный по метионину высокобелковый рацион. Но подобные результаты считали ошибкой. Такого просто быть не должно. Сейчас, после почти двух лет интенсивных исследований, которые вели милые, пожилые, но с удивительно молодыми глазами женщины Лидочка (Арешкина) и Дусенька (Скоробогатова), доказано, что витамин B_{12} участвует в ключевой реакции катаболизма, т. е. распада аминокислот. Это значит, практическая польза для животноводства витамина B_{12} заключается в способности его не только участвовать в синтезе метионина, но и в ускорении распада избыточной, т. е. ненужной, части аминокислот и создавать таким образом из неполноценного, дисбалансного белка корма полноценный белок тела.

Мне порекомендовали готовить докторскую диссертацию. Особенно Букин настаивал, чтобы скорее писала: у вас, мол, ВИЖ совсем витаминами не занимается. Нестерова – это даже не вчерашний день, а позавчерашний. А все другие сельхозинституты с ВИЖа пример

берут: развели болото на весь СССР. Исключение – Латвия. Там Вальдман – живой человек. «Вот и вы, Эля, старайтесь…» Обещала постараться! И на другой день уже всерьёз задумалась о предложении Букина: стала выстраивать материал будущей диссертации…

И тут вызывает Томмэ: плохие новости. Отдел кормления разделят на лаборатории: кормление крупного рогатого возглавит профессор Модянов. Минеральное питание – Венедиктов (вот уж кто совсем не ученый!), а кормление свиней – Махаев. Сам Томмэ остается зав. отделом, генералом без войска. В его личном подчинении всего два человека, лаборанты. Я попадаю к Махаеву… И хотя это разделение будет после отчетов, т. е. фактически с будущего года, Махаев уже сегодня приперся к нам в кабинет и давай меня чихвостить:

– В отделе совсем не бываешь. Куда все ездишь?

– В журнале записано куда.

– Я журнал смотрел. Там всё институт биохимии…

– Ну да. Лаборатория Букина, там у меня…

– Никакой чтобы мне биохимии, никакого Букина!

– Так ведь он лизин дал для опыта… По его распоряжению Микробиопром деньги перевёл на договорные опыты…

– Эти твои опыты никому не нужны. У меня будешь делать, что нужно, будешь определять потребность в поваренной соли…

– Но ведь уже определила.

– Теперь – у свиноматок. Литература по этому вопросу вся в нашей библиотеке. Из Дубровиц никуда не надо ездить. Словом, без моего разрешения ни-ку-да. Я вам с Рядчиковым покажу, как надо работать. Томмэ вас уже не может держать в руках, старый, сил нет. А я порядок наведу-у… Поведешь опыт по соли и никаких больше, параллельных ему…

Пошла к Томмэ за советом: как дальше работать? Сказал, что действительно должна подчиняться Махаеву, что он мне помочь не сможет, хотя «выход из всего найти можно». А пока, мол, вид у меня порядком измотанный, отдохнуть надо. Предложил в отпуск пойти, тем более что август сейчас…

Моя Бабушка

Дома отдыхаю душой: родная Бабочка! Мама её на лето привезла вместе со Славиком к нам в Дубровицы.

– Ты, Эличка, очень устала, – говорит мне она. И как разглядела? Дальше двух метров даже сквозь очки все для нее сливается. Но книжки не перестает читать. К самым глазам подносит странички.

Бабушка Мария Петровна, восьмидесятилетняя, читает классику. Свердловск, 1967 г.

А в остальном Бабочка бодрая. К ней аспирантские малыши любят ходить, особенно по утрам, когда родные мамки спят еще.

Мы сейчас перебрались жить в соседнюю комнату, она гораздо, сантиметров на сорок, шире нашей, так что между кроватями проходим нормально. Еще и третью койку, для Бабы, втиснули.

На лето будет свободной и комната соседняя, та, в которой мы жили раньше. Там поставили кровать для Славика. Так что живем сейчас в «двухкомнатной». В Славиковой просторно, дети приходят играть. Интересно, что не к Лене, а к нему, при этом совсем малыши. Пятилетняя дочка Мифтаховых и еще мальчики-девочки. Аспирантские жены их привезли сюда на лето. От этих карапузиков шуму порой больше, чем от пьяных аспирантов, всё ходуном ходит. Бабовичка тогда, кряхтя, поднимается со своей коечки, где она проводит большую часть времени за чтением, вернее, перечитыванием Гоголя, Толстого и другой русской классики и, вооружаясь хлопушкой для мух, идет наводить порядок. Детям бабушкины шлепки нравятся, видят, что добрая она, и сами подставляют ей свои заднюшки. При этом шум и хохот, и счастливые детские визги. Все общежитие приходит в движение, и тогда из дверей коридора высовываются кудлатые головы потревоженных аспирантов…

А тем временем Верочка Крохина и супруг ее собрались ехать в Крым. Прощаясь со мной, дали адрес, где будут: село Солнечногорское, от Алушты на катере в сторону Судака. Сказали, что я их, если поеду, найду на пляже, будут там с утра и до вечера.

И мне ужасно захотелось увидеть море. Дома все меня поддержали. Лена попросила привезти ей камушков и ракушек, а Бабочка – крымских груш. В Крыму она была еще молодой, с мужем, дедушкой моим. Ее восхитили Ботанический сад, вид с горы Ай-Петри и… груши.

«О событиях в Чехословакии»

Из «Руде право» узнаю о том, как создавалась компартия Чехословакии, которой в мае 1968 года исполнилось 50 лет. Зародилась она в России. 26 мая 1918 года в Москву съехались левые чехословацкие социалисты (79 делегатов от восьми тысяч чехов и словаков), в основном из пленных, оставшихся в России. Образовали единую чехословацкую секцию в российской компартии. Провозгласили, что от свободы российского пролетариата зависит и свобода пролетариата их страны. Поэтому решили оборонять первое пролетарское государство. Создали интернациональные бригады в составе Красной армии. Около двенадцати тысяч красноармейцев – чехов и словаков бок о бок с россиянами воевали в гражданскую войну «за рабочее дело». Потом, с образованием Чехословакии, на базе вышеупомянутой секции и при поддержке интербригад была создана компартия Чехословакии, КПЧ.

На её пятидесятилетний юбилей в Прагу поехала делегация во главе с маршалом Гречко: познакомиться с новым руководством, обменяться опытом.

А 1 июня в Праге снова прошел пленум ЦК КПЧ. Дубчек в своем докладе сказал, что развитие в стране идет согласно постановлению январского пленума о возрождении социализма «с человеческим лицом», то есть настоящего. Сказал, что партия очистится от всех приспешников культа. Что демократия будет крепнуть. Дубчек признал, что проявились и оппортунисты с ревизионистами, но этого не стоит пугаться. Они ведь и раньше были, а теперь открылись, и поэтому их можно в открытую критиковать. От этого партия только чище станет и лучше

Внеочередной, четырнадцатый съезд КПЧ наметили провести в сентябре этого года. А пока пусть люди свободно высказываются: на днях принят был закон о полном запрещении цензуры. В наших газетах этого нет. Пишут совсем чуточку о Чехии и то лишь так, что ужасно все жалеют бедняжку Дубчека (он хороший, но слабый!) и бедненьких тамошних коммунистов. «Ястребы империалистические, националисты и фашисты, ревизионисты и оппортунисты, все их ну прям удушить готовы. Это в наших газетах. Зачем? Это же вовсе не так.

Чтобы мы особенно не думали, нас чуть ли не каждый день воспитывали партийные лекторы. В четыре часа всех, как обычно, погнали на лекцию о международном положении. Пару слов о том, как все прекрасно у нас в СССР, а потом о Китае, да о Чехословакии. Группа Мао сейчас за революцию в образовании взялась. Заявляют, что «от книг люди глупеют», что «чем больше прочитают, тем сильнее оковы, меньше дерзаний». Предлагают посылать выпускников из вузов простыми рабочими…

А в Чехословакии «вправо» ударились. Сначала вроде бы всё разумно. «Мы им сами разрешили с ошибками старыми разобраться. А они… Дошли до того, что власовцев, этих изменников, пособников гитлеровских… освободителями считают. Прагу, мол, спасли…» – «А разве не так?» – вскидываюсь. Однако лишь про себя. Все вокруг так верят лектору (язык хорошо подвешен), мою реплику бы всё равно не поняли…

Пять государств Варшавского пакта послали письмо Чехословацкому ЦК. А оно, мол, слабое! Попустительствует силам контрреволюции. У коммунистов контрреволюция отнимает позиции одну за другой; партия контроль теряет за событиями, отступает под нажимом антикоммунистических сил. Взять хотя бы эти пресловутые две тысячи слов…

Мне «Две тысячи…» отнюдь не показались пресловутыми. Очень даже понравилась эта статья. Там все разумно. Ничего «анти» и «контра» не углядела. Впрочем, читала наспех, Юра выпросил себе эту газету.

Лекцию свою закончил щупленький цэкашный оратор громкими возгласами: «Не дадим вражьим силам вырвать Чехословакию из нашего социалистического блока! Да здравствует р-р-рабочая солидарность!» – и смешно потряс костистым своим кулачком…

Отправляюсь в Крым

С утра забежала на работу попрощаться с Томмэ и быстрей домой за вещами. Иво мне достал билет на хороший поезд, проводил до подольской электрички. Оттуда я – на Курский вокзал, там мне только с одной платформы на другую перейти. И уже еду. А утром – Симферополь.

В Симферополе приятная жара и солнце.

До Алушты троллейбусом ехала, а дальше до Солнечногорского ходит автобус. Можно и по морю катером, однако я строго следую советам Верочки и сажусь в автобус, который идет в Морское (название-то какое!) через Солнечногорское. Говорят, сушей гораздо быстрее, чем водой. И верно, если по часам смотреть, то совсем недолго, но по ощущениям – целую вечность. Бесчисленные крутые серпантины умотали до тошноты, до головной боли. Зато еще только полдень, а я уже в Солнечногорском. Селение – одноэтажные домики, все в зелени садов и виноградников, расположились вдоль шоссе. Калитки дворов прямо на пляж выходят. Он здесь и впрямь огромный, в виде ущербного полумесяца. В первом же домике от автобусной остановки нашла себе пристанище. На двоих сдали бы комнату целую, за трояк в сутки, а раз одна, то есть койка прямо во дворе. Крыша и стенки с трех сторон – буйная виноградная лоза с готовыми созреть изумрудными гроздьями. И вся эта красота всего за 1 рубль в сутки. Чтобы ночью не замерзнуть, хозяйка, тетя Паша, дала ватное одеяло.

В Крыму она с первых послевоенных лет. Завербовались в Курске. Там в одной комнатенке теснились, а тут целый дом, да клуня, да кухня летняя. И сад. И еще подъемные были: вроде как на необжитое место ехали… Раньше здесь татары крымские жили. Их еще в войну, задолго до приезда русских переселенцев далеко-далеко на выселки угнали.

Натянула купальник, полотенце в руки и через огород прямо к морю. Море спокойное, волны прибойные, тонкие, чуть хлюпают. Невозможно оторваться, красота!

Дойдя до причала, вытянутого к морю мостка, с которого ныряли и рыбу ловили, решила окунуться. Вода обняла упруго. Можно спокойно лечь – выдержит. После купания таким приятным показался жар пляжной гальки! Обсохла и снова в море…

К Верочке дошла, когда солнышко стало желтеть и зарозовели невидимые днем легкие до прозрачности облака. И Верочка, и Валентин Александрович, розовато-бронзовые, возлежали на одеяльцах у самого моря под самодельным тентом (распятая простыня), тень от которого аж в огороды шла.

Мне обрадовались, угостили чудными спелыми персиками. Таких отродясь не пробовала. Их привозит машина прямо на пляж. По 40 копеек за кило, а сегодня и за двадцать были. Готовит Верочка у хозяйки. Дом ее отсюда видать! Курочек покупает, баранинку. Всё очень свежее, с продуктами здесь хорошо. А можно и в столовую ходить. Она тут же, на пляже, вон там, где народ суетится. Завтраки, обеды, ужины… Говорят, не дорого…

Верочка сразу же стала расспрашивать, что нового в отделе, а Валентин Александрович – какие новости в «Руде право». Рассказываю. Судя по их газете, все там прекрасно. Критикуют коммунистов за ошибки прошлые. Разве ж это плохо? Исправятся от критики – всем лучше будет! Критика людей не отпугивает. Наоборот. Молодые у них идут в партию. Дубчека, генсека своего, искренне любят. И президента Свободу любят. И нас, русских, тоже любят. Верят нам. Верят, что построят социализм «с человеческим лицом». При таком социализме человек не только работать сможет, но и творить. Это ж как здорово! Люди высказываются совершенно свободно: цензуру сняли, даже запретили. Ну а наш лектор это называет контрреволюцией, происками американского империализма и НАТО.

Верочка, она ведь партийная, член парткома институтского, слушать такие «новости» не стала, поднялась искупнуться, а Валентин Александрович (он старше Верочки, войну про-

шел) печально головой качал и все повторял: «Жалко их, ой, как жалко! Ведь не позволят им. Заду-у-шат. Разве ж такое стерпят: цензуру отменили! Еще и наши того же захотят. Чего доброго запрещенное напечатают: „Доктора Живаго“, „Раковый корпус“, „Библию“. Прочитает наш советский человек и гнить начнет, как Запад гниет…»

И все время, пока Верочка плавала, Валентин Александрович во весь голос душеньку свою облегчал. Здесь, у моря, никто не подслушивает.

Вечером ели курицу с лапшой и пили крымское вино. Засыпала в своей чудной «виноградной» постели под хор цикад.

Дни стоят погожие. Море удивительно спокойное, теплое. Но люди напряжены. Это видно по тому, как расхватывают «Известия». Отдыхающие здесь все почти москвичи – врачи, учителя, инженеры. Болеют за чехословаков. Это чувствуется.

На днях снова собрались на совещание все шесть стран Варшавского договора. В Братиславе подписали важную бумагу, текст которой печатается в газетах и передается по радио. Ничего конкретного про «события». Просто говорится об идеях марксизма-ленинизма, об укреплении социализма. Но какое-то угрюмое напряжение между строк… Неужели Валентин Александрович прав: «могут и вдарить»? Но ведь сказано в тексте и о демократии, и о суверенитете. Это успокаивает.

Скорее к Бабочке

Верочка с Валентином собрались уезжать. А у меня билет еще через четыре дня. Всего неделя, как я здесь, а кажется, что столько времени прошло, как я у моря. Прекрасное, вожделенное, оно все же нагоняет грусть, сладкую тоску, утягивает мысли куда-то в затуманенную даль…

Непонятная беспричинная тревога одолевает. Может быть потому, что нет со мной моих милых, родных и, главное, доченьки. И как там Бабочка? Ужасно хочется их скорее увидеть…

Вода в море теплая – вылезать не хочется. И ветра нет, и солнышко. Но сквозь баюкающий плеск прибоя треск транзисторов: всё о том же, о событиях в Чехословакии, «о давлении Запада и темных силах контрреволюции»…

Пришёл и мой черёд уезжать. Вечером с хозяйкой расплачиваюсь и в последний раз лезу в море. Лежу в волнах на спине. Почти не двигаюсь, зато чувствую, как всё движется подо мной. И никак не могу оторваться от звезд. Им «несть числа». И все-все меж собою связаны. И малые, и большие, и целые галактики – все «живут» по Закону. Может быть, это и есть Бог? Но нет. Я чувствую, что Бог – не только Закон. Это еще и нечто такое, что и не знаешь, как назвать. Так хочется об этом почитать что-нибудь, найти подтверждение мыслям…

Мой ужасно симпатичный брат Юрий говорил, что есть такие книги. У нас Циолковский писал о Вселенной, о Боге, о Человечестве, которое в развитии своем стремится к бестелесности. Лучистое человечество! Однако где эту книгу найти? Её, мне сказали, уже отовсюду изъяли. Циолковского изъяли…

В Симферополе на городском рынке столько фруктов! И все гораздо дешевле, чем в Солнечногорском. Еле втащила два полнехоньких ящика. Персики, сливы, абрикосы, кизил и… груши. Такие точно, как представляла я их себе по бабочкиным рассказам… Вот обрадуется!

Встретил Иво. Хотя я не просила. Я рада, а он смурной. Что случилось? «Баба… Думали, что инфаркт. Наверное, инфаркт… Случилось еще позавчера». – «А сейчас?» – «Была еще жива, когда поехал встречать. В больнице сейчас». Иво у нее с раннего утра дежурил, теперь домой, а я прихватила немного самых красивых груш и к Бабочке.

Она в кардиологии. Палата специальная, в любую минуту можно подключиться к кислороду. У Бабочки закрыты глаза и умиротворенное лицо. «Она не спит, вас дожидается. Только что говорила с нами…» И верно. Взглянула на меня из-под полуприкрытых век, усмехнулась

младенческой своей улыбкой: «Эличка, это ты? Как я рада! – и тут же забеспокоилась: Судно! Скорей!» Сунулась под кровать – нету. Нет и под соседней койкой. Уж хотела бежать, просить медсестру. А Бабочка вдруг шумно задышала, и я увидела, как запульсировало на шее. «Да писай так!» Скорее подключаю кислород. Шумно вдыхает. Но вдруг, будто в ужасе, широко распахиваются глаза. Но ни звука. «Бабочка! Бабочка!» – кричу, чтобы услышала. Зову сестру. Тут же прискочила со шприцем: «Уже не надо. Уже померла!» – «Как?» Ведь только что… Ведь секунды какие-то. И женщина, что рядом, удивляется: «Только что рассказывала о себе. А утром просилась на выписку, у внучки, мол, день рождения…»

Лицо спокойное, будто спит. А вдруг жива? Пристаю к сестре, к врачу… «Сделайте что-нибудь!» – «И что вы так убиваетесь? – ворчливо успокаивают. – Ей сколько лет? Мы не доживем! А вот рядом в палате сейчас умер мужчина – тридцать четыре года исполнилось всего. А мучился как!» И больная, что рядом, ей вторит: «Мне бы так помереть, как ваша бабушка. Светлая она. Святая. За нее радоваться надо…»

Головой понимаю, что правы они, а не могу слез унять. Ну пусть бы еще хоть один денечек, ну хоть бы часик… Чтобы вот эти груши съесть… Лимонно-желтые, с румянцем на боках. Красивые. Раздаю их тут же в палате. «Помяните!»

Какую-то мне принесли таблетку, а потом и укол сделали. А Бабочке закрыли веки, сложили руки. А когда стали поднимать, оказалось, что судно, которое я искала, под ней было. И как же я под одеяло не глянула! А вдруг у нее это все из-за беспокойства случилось, из-за того, что судно вовремя не подала? И еще горше мне стало. Домой, в Дубровицы, шла пешком и в безлюдных местах тихонько выла.

Малиновое закатное небо. Подрозовленные верхушки сосен и купол Дубровицкой церкви. И черная река. И беззаботно хохочущее общежитие.

Дома Иво, теплый и понимающий. И Ленусь, которая уже спит, а скорее всего лишь притворяется, что спит: сопит и шмыгает носом.

Похороны в Бабушкиной родной Калуге

Встали рано, чтобы все успеть. И до чего же остро почувствовала я бабушкино отсутствие! «Не реви, сейчас некогда!» – командовал Иво. Он, оказывается, еще позавчера послал телеграмму в Свердловск, так ему Рахиль Борисовна посоветовала, и сегодня Мама приезжает. И надо ее встретить, потому что у нее сердце и как бы чего не произошло. Мы с Леной для встречи не годимся: слишком красные глаза и носы распухшие. Поедет Иво, а мы будем здесь. Нужно всё готовить: гроб, одежду.

За всем этим надо в Подольск ехать. И еще надо найти, кто бы сшил платье на Бабу. Но самое главное – решить, где хоронить. Бабочка всегда говорила, что хотела бы помереть в родной Калуге. Поэтому с утра звоню тете Тасе, сообщаю о горе нашем. Бабочка ей ведь тоже родная. «Конечно же, в Калуге! В одной могилке с моей мамой, Верой». После разговора с тетей Тасей мне вдруг на мгновение стало так легко, даже радостно. Будто солнышко сквозь тучи глянуло. Будто увидела (даже казалось, что видела!) бабочкино лицо. Успокоенно-радостное, прозрачное, как легкое облачко. Привиделось? Не могла же я это видеть на самом деле…

С почты пошла искать, где гробы делают. Малюсенький, у самой Пахры, магазин «Ритуал». Там венки, ленты черные, а гробов нет. Утром последний ушел. А сделать может дед, что во-он там, на самой горе Парка культуры в сторожке своей обитает. Там и мастерская. Сделает.

Старик лет шестидесяти, шустрый, с белесыми глазками из-под густющих, седых с рыжиной бровей. Деловито записал размеры. Обещал быстро изладить. Только скорей надо принести материал на обивку. Пять метров. А доски-то где? Горбыль только вижу. «А станок на что? А инструменты? Всё в аккурате будет, не бойсь». Когда, после гонок по всему Подоль-

ску – искала подходящий сатинчик Бабе на последнюю обнову и материал на обивку гроба, – снова припыхтела на самый верхний конец парка, старик, распаленный работой, радостно показал на свое пахнущее древесной свежестью изделие. «Просушенное, стружечка тонкая. Вона, какая перинка будет вашей баушке. Глянь-ка, поко-ойно как!» Не заметила, когда он взапрыгнул в гроб. Улегся и ручки скрестил, как покойникам делают. И только – живые – взблескивали глаза из-под густющих бровей. Потом так же незаметно быстро очутился стоящим рядом со станком. Деловито пересчитал деньги, 45 рублей, и забрал материал на обивку гроба – зеленого цвета. К вечеру можно и забирать…

Дома в комнатке все чистотой сияло и готовые щи благоухали. Постаралась Ленусь. Платье тут же принялась кроить и шить Лида Усольцева. Она же и в институт сообщила. Для похорон машину грузовую назначили.

А потом приехали Мама с Ивой. Маму Иво бережно подготовил. Телеграмма-то была: «Приболела». А по дороге: «Больна», «В больнице еще», «Поедем к ней в больницу»… Только дома уже сказал, что с гробом в больницу-то явимся за Бабочкой нашей. Дома суета. Скорей-скорей, чтобы все успеть сегодня же: забрать гроб, Бабочку из морга и сегодня же в Калугу везти, чтобы уж завтра – третьи сутки – хоронить.

Наконец Лида принесла готовое платье и покрывало белое и откуда-то легкие матерчатые тапки достала и чулки новые. И еще мы прикупили белого вафеля на полотенца, чтобы гроб нести. А Иво сбегал в институт и явился в общежитие радостный, дали двести рублей из кассы взаимопомощи!

А вскоре зафырчала, забибикала машина. Шофер пожилой, спокойный. В путевке выписана Калуга. Так что все в порядке.

И поехали. Сначала в Парк культуры за гробом, потом в морг. Женщина, которая Бабочку выдавала нам, уже наряженную и положенную в гроб, сказала: «На удивление старушечка приятная. Чистая, не пахнет. Как молодая!» Лицо у Бабочки спокойное. Морщинки разгладились. И вправду моложе выглядит, чем живая была. «Не капайте слезами-то. На тело-то…» Закрыли крышкой и повезли. Мама в кабинке, мы все в кузове, на скамеечке, рядышком с гробом.

До Калуги, если бы на легковой, то за два часа бы управились, а мы целых четыре тряслись. Душу чуть не выплюнули. Приехали уж к закату дня. Встретили дома тетя Тася да сестры ее Аня и Оля. Бабочкины родные племянницы. И еще должна была подъехать их четвертая сестрица Мария.

Дочери Бабушки Веры Петровны, мои тёти: Аня, Оля, Тася и Мария, Калуга.

Гроб на стол поставили в горнице, а сами рядышком сели за маленький столик. Чай пили, сумерничали. Бабовичку вспоминали. И не только ее, а всю их семью Доброхотовых. Из десяти детей Бабочка последней ушла. На домике, что на улице Красная гора, где когда-то все они жили – мемориальная доска. Сообщается о том, что здесь жила семья Доброхотовых, которые, первые в Калуге, организовали революционный кружок, а затем и организацию РСДРП. В сходках, в митингах участвовали практически все, потому что проходили они в этом доме, двухэтажном, деревянном, с огромным, понемногу дичавшим садом. Но большевиком, профессиональным революционером был только их старший брат, Михаил, а из друзей – Дмитрий Разломалин, впоследствии муж бабушки Веры, т. е. тети Таси отец. Михаил умер в 1918 году в Петрограде от скоротечной чахотки, а Разломалина как врага народа в тридцать восьмом году расстреляли. Последними от рук НКВД погибли неповинные ни в чём самые младшие бабочкины сёстры, Оля и Ната. Из братьев только Илюша, которого помню я всегда с перемазанными дегтем руками, которому сам Циолковский поручал изладить лодку наподобие ракеты, был на этом свете до глубокой старости. А из сестер – Бабочка моя. «Теперь мы на очереди», – горестно вздыхали старые, искомканные жизнью до кульков бесформенных, мои тети, кроме Таси, статной и моложавой.

Бабочку хоронили на старом кладбище, что почти в центре города. Наша, вернее бабушки Веры Доброхотовой, а теперь и моей Бабочки, Марии Петровны Доброхотовой-Филипович, могилка находится недалеко от главного входа, вблизи часовенки, которая хоть и сохранилась, но заросла мхом-травою.

Кончились суета, поминки, разговоры. Остались в душе тоскливо-назойливые вопросы: за что Бабочке моей столько пришлось испытать? Почему так ужасно мало было в жизни ее радости и так много несчастий и горя? А вдруг бы она жила еще, если б я отдыхать не уехала? Последний вопрос меня терзал, жёг. И зачем я в этом Крыму торчала почти две недели?! Почему с Верочкой не уехала?! Ну хоть бы на сутки раньше, чтобы она груш поела!

Глава 12. «С БРАТСКОЙ ПОМОЩЬЮ» НА ТАНКАХ

«Ваши в Праге! На танках…»

У меня все еще отпуск. И хоть уж пошел девятый день с тех пор, как Бабочка умерла, все не отпускают меня мучительные мысли. И всё кажется, сделай я по-другому, и она жила бы, и мы бы с ней вместе на огород сейчас ходили. На огороде все поспевает. Морковку уже вовсю дергаю, нежную, почти без шкурки, помидоры собираю, кабачки. А огурчики уж и посолила. Дни погожие стоят.

Успокоенная огородом, солнышком, пришла домой, и тут Иво мне:

– Ваши в Праге! На танках!

– Чего-о-о?

– Братья! Освободители!! – сам бледный и руки трясутся. – Валентин Александрович мне сказал. Иди к ним. Послушай радио!

Прибегаю к Верочке. Оба дома. На «Голосе Америки» треск ужасный. Только и поняла: «…оккупировали всю страну…» А по нашему радио торжественно-бодрый голос передает сообщение ТАСС о том, что СССР и другие братские страны – ГДР, Венгрия, Польша и Болгария – «…удовлетворили просьбу партийных и государственных деятелей ЧССР об оказании неотложной помощи чехословацкому народу… вооруженными силами. Союзные войска вошли во все города Чехословакии. Беспрепятственно. Многие чехословацкие граждане выражают войскам свою признательность за своевременный приход в ЧССР на помощь в борьбе с контрреволюцией…» Меня ошарашило: вот это брешут! Не было ведь там никакой контрреволюции. Просто можно было критиковать. Видимо, кому-то «на хвост наступили» критикой. И все же не верилось, чтобы сами позвали.

– Говорят, члены их ЦК помощи попросили. А что сами они пишут? Вы же «Руде право» получаете…

– Да. И сегодня пришло, за двадцатое августа. Там и намека нет на то, что наши передают. Ни контрреволюции, ни тем более насилия над народом, ни вражды к СССР. Было перед этим беспокойство, что советские не понимают их, но потом, после совещаний в Братиславе и в Чиерне, всё вроде бы улеглось.

«Самое главное, было достигнуто понимание, возник даже термин „дух Братиславы“, преодолена была возможность разрыва, которая угрожала отношениям КПЧ с партиями других стран Варшавского договора».

«…Наши дружественные отношения с СССР и социалистическими странами будут и в дальнейшем развиваться. Это альфа и омега нашего народного завтра…»

Все это я читаю им из газеты «Руде право».

– Совсем свежая, вчерашняя газета! Хорошо ходила.

– Больше не придет. Всю прессу там арестовали, – невесело сообщил Валентин Александрович. Потом нашел станцию, которую не глушили, но где голоса дикторов, напряженно-тревожные, мешались со звуками сирен скорой помощи, с шумом большого собрания людей, какими-то хлопками, скрежетом, отдельными выкриками. «Говорит Прага, работает радиостанция Влтава. В Праге советские танки. Все в шоке. Оккупировали! Нет, и не было никакой контрреволюции. Захват Чехословакии – удар по социализму. Предательство… Хотят растоптать нашу дружбу с русскими…»

Видимо, радиостанция где-то на улице. От дикторов микрофон переходит к простым людям, жителям Праги. «Мы всегда рады русским. Но с танками не звали». «У нас нет капитализма. Мы за социализм. Верим Свободе, Дубчеку».

Все это, разумеется, я перевожу с чешского. На душе ужасно. «Кто же это сделал?!» Там, в Праге, Карел и Люба, и дети их. Они искренне любят Россию, русских. Оба коммунисты. Недавно прислали письмо. Рабочее место на исследовательской биологической станции в Горних Почерницах для меня держат… С какими же глазами я теперь туда поеду? Поди, дураками считают нас, русских! Карел об их реформах писал одобрительно. А уж он-то коммунист настоящий, быстро бы понял, если бы контрреволюция угрожала…

Домой в общежитие вернулась поздно. Иво сидел с Вениаминовым Сашей: пришел подружески поздравить «с братской помощью». Как-никак жили в Тимирязевке в одной комнате. Так что почти родня. Потом Саша, конечно, понял, что не поздравлять, а соболезновать надо. Все равно причина есть: назюзюкались оба. За скорейшее «прояснение» пили, за мирный «отход». От «прояснения» такого у Саши (очень умный, толковый и по сути своей добрейший человек) голова зачугунела. Свалился на Ленуськину коечку, откуда жена Люба, активно чередуя нежные уговоры с громкими понуканиями и подзатыльниками, еле его вытащила.

А в коридоре кто-то приемник врубил, орали песню: «Партия наш р-р-рулевой». Иво, даже пьяный, печалился. Укрылся с головой, чтобы уснуть.

В первые дни и часы вторжения в Праге и Либерце.

Молодой чех, горячо жестикулируя, обращается к сидящим на танке советским воинам. В ответ – глубоко человечный, понимающе-печальный взгляд такого же молодого русского… Фото Йозефа Коуделки.

Прага, Вацлавская площадь и чешский интеллигент с потрясённым взглядом «опрокинутого» лица. Фото Йозефа Коуделки.

Весь следующий день ощущала к своей персоне повышенное внимание. Только теперь поняла, что и меня, жену чеха, считают чешкой.

Интересно, что многие понимают. Стараются нас ободрить: «Чай, долго не задержатся там. Только б не стреляли!» А некоторые, их большинство, с торжествующими улыбками хва-

тают руку, трясут, поздравляют и… благодарности ждут. Особенно Иву донимают. Домой от этих поздравлений еле приволокся. А я вечером снова слушала Прагу. Там сейчас проходит нелегальный съезд КПЧ. Экстренный. А Дубчека нет на съезде. Скандируют: «Дубчек! Дубчек! Свобода!» Наверное, в Праге улицы народом запружены. Отчего, интересно, так часто воют сирены, если не стреляют? Солдаты на танках – голодные. Совсем продовольствия не взяли. Неужели взаправду ожидали, что хлебом-солью их встретят? «Убирайтесь вон! Уходите домой!» – кричат им по-русски с чешским акцентом. Бедные наши солдатики…

Мы встречали президента Свободу

Сегодня прилетел в Москву Людвик Свобода. Меня тоже записали в число встречавших (от нашего института). Хоть отпрашиваться не надо в Москву! Наш участок был возле метро «Динамо». Всем раздали флажки красные и трехцветные (бумажные). Народу было много. По-моему, пришли не только «делегаты», но и просто люди. Кричали «Да здравствует Свобода!» и просто «Свобода!» Лица у всех радостные. Хоть покричать это сладкое слово! А сам президент чехословацкий только рукой махал. А лицо печальное, словно ехал на похороны…

А в Дубровицах меня без конца все атакуют вопросами, как там в Чехословакии? И сами же отвечают: «Мы их защищать пришли, а они скандалят. С улиц не уходят. Наших убивают». – «Это неправда», – говорю. В ответ ссылаются на «Комсомольскую правду». Мол, даже корреспондента их убили. Но многие научные сотрудники относятся сочувственно. Спрашивают, что пишет «Руде право». А оно ничего не пишет. Или к нам не доходит? А сейчас уже и радиостанцию чехословацкую не поймать, то ли глушат их, то ли вовсе удушили. А те газеты, что были, все Юра забрал. И только лекций не убывает – почти каждый день!

Лектор (из ЦК) даже о Китае ничего не говорил, все только о Чехословакии. Восторгался, как блестяще наши организовали захват, т. е. братскую помощь. «Всего за считанные часы – всю страну. Надо было разом парализовать всю контрреволюцию, сорвать их планы. Они ведь готовились. Столько складов с оружием оказалось. Наши обнаружили. Сотни винтовок нашли. И население обработать успели. Внушили им, что мы оккупанты. Это мы-то?! Нас, освободителей, так обзывают! Мы ведь не сами пришли, нас пригласили… Честные коммунисты нас позвали, руководители партии, правительства. А Дубчек? Это ж марионетка. Слабак. Его-то мы сразу обезвредили. В машину – и на самолет! Это свое сборище (они его четырнадцатым съездом называют) они втихаря проводили, подпольно, без головы! Их генеральный секретарь у нас отдыхал, на Лубянке, хе-хе…»

Говорил этот лектор долго и вдохновенно, более всего восторгаясь молниеносностью маневра наших и союзных войск. Зал ему аплодировал. А я сидела тихонечко и чувствовала себя дерьмом: боялась даже слово молвить в защиту чехословаков, хотя знала (Иво мне сказал), что склады эти с винтовками принадлежали вовсе не контрреволюции, а народной милиции.

Впрочем, сейчас уже между нашими странами есть договоренность, что войска все уйдут, как только будет «нормализация» достигнута. Переговоры в Москве проходили.

«Если б, конечно, генерал Свобода не настоял (крепкий мужик!), Дубчека отдыхать бы оставили… А так президент Свобода и Дубчек со своей кодлой ещё нервы кой-кому помотали. Все же подписали документ. Сейчас империалисты уже не смогут вмешаться. Это главное. В Совете Безопасности вопрос о Чехословакии снят», – радостно подытожил лысоватый лектор.

В лаборатории Букина все ко мне отнеслись очень сочувственно: жена чеха. Сначала даже ни о чем не спрашивали. Оказывается, они знают о том, что «Руде право» больше не выходит. А то, что не стала с лектором спорить, это, мол, очень правильно. Даже Пушкин сказал: «И не оспаривай глупца…» А в наше время это еще и опасно. Оказывается, на Красной пло-

щади несколько человек, семеро, кажется, протестовали против нашей интервенции 21 августа. Вернее, пытались протестовать. Им и рта не дали раскрыть. Забрали. «Пишите скорее докторскую», – хором советовали «букинисты» и сам Василий Николаевич.

Москва встречает президента Чехословакии Людвика Свободу, 25 августа 1968 г.
фото из архива Леонида Шинкарёва

Нам, чехам, дают квартиру вне очереди!

Ура! Нам дают квартиру, которая после Жеребилова. За нас большинство членов профкома. А указание дало бюро. Помогли Верочка и Ткачев Евгений Захарович. Мне он раньше был довольно неприятен, казался очень злым. Я, наверное, ошибалась. Просто богом обиженный, узкогрудый, хромой, на голову ниже своей жены Татьяны Венедиктовой, которая симпатичная, умная, в одном с ним отделе физиологии, занимается поведением животных. Говорят, Венедиктова тоже агитировала всех за нас, мол, они, т. е. мы, как-никак пострадавшие, чехи… А Захарыча и Татьяну будто бы настроил быть за нас сам Лев Эрнст, который в нашем институте замдиректора и большущий авторитет.

Сегодня же дали Иве ключи, только сказали, чтобы еще погодили селиться, пока сделают ремонт. Мы годить не стали. Узлы в зубы и помчались. Пришлось мусор выносить, полы мыть, ванну чистить, плиту. Больше всего нас поразило обилие бутылок. Ими был забит целый чулан и еще горка бутылок на кухне была. Это радовало, денег будет не менее десятки! Конечно же, ремонт нужен. Засаленные обои, полуоблезший, весь истыканный шпильками пол. Но это все мы сделаем сами. Главное, что у нас теперь есть своя квартира, целых две комнаты и кухня. Это ж моя мечта – квартира в Дубровицах!

Радостные, повалились на свои узлы. Ленусь и подружка ее, Маринка Дымковец, с личиком, похожим на рисовое зернышко, стали кувыркаться, а мы с Ивой скорей ванну опробовали и туалет. Роскошь! Однако в тот же вечер стало ясно, что перед тем, как идти купаться, надо, чтобы все посетили бы этот совмещенный санузел, иначе потом спокойно не понежишься

в ванне, замучают и стуки в дверь, и собственная совесть. Но, в общем-то, квартире мы рады ужасно!

Мебели у нас пока лишь то, что осталось от Жеребиловых: массивная табуретка, сбитая из толстенных досок и брусьев, и стоявший, видимо, когда-то в Голицынском дворце, а сейчас весь облупленный, дубовый, с фанерными полками, старинный комод. В него сложили мы все свои пожитки. А табуретка пока стол заменяет. Спим пока на полу. И главное, мы все очень-очень счастливы.

На другой день, а это уже было 8 сентября 1968 года, пришло, наконец, уже на адрес квартиры «Руде право». Жалкое, тощеватое, как побитая сучонка. «Спокойствием и дисциплиной разрешили сложную ситуацию…», «О скорейшей нормализации положения в стране», «Временное присутствие войск – политическая реальность…» Таковы заголовки. Но и главное, отрадное: «…демократическая политика – основная линия партии – сохраняется». Дубчек остался генсеком. На митингах его цветами забрасывают. По радио (все та же «Влтава») говорили, что от нас, из Москвы, он вернулся с шишками и синяками, мол, на Лубянке поставили. Выходит, он герой, мученик. Обидно за наших. Солдатики-то действительно ведь думали, что помогать идут народу братскому, который на помощь их позвал. Так и не признались те, что звали. Между прочим, воинские части, которые первыми с «интернациональной помощью» явились, уже отозваны из Чехословакии, потому что «разложились». На их место пришли «морально устойчивые и политически грамотные». И еще в «Руде право» пишут о том, какую чушь публикуют о них наши газеты: «запугивание и терроризирование трудящихся, которые дружественно относятся к нашим, т. е. советским военным, нелегальные радиостанции, которые распространяют измышления, склады оружия, предназначенные для контрреволюционного переворота…» Каждый чехословак знает, что это чушь собачья, брехня.

«По глупости или действительно хотят нас поссорить? Зачем?!» – «Лучше не спрашивай, научись, наконец-то, помалкивать», – советует Иво. Брат Юра того же мнения. Да и Валентин Александрович больше не зовет переводить ему с чешского…

Батя-победитель и наша квартира

Мы уже почти сделали ремонт, т. е. побелили эмульсионкой потолки, обклеили обоями стены, покрасили двери и рамы оконные. Остался пол. А завтра приезжает Батя. Везёт нам денежки на мебель, целых восемьсот рублей!

У нас он проездом в Пятигорск, в какой-то санаторий. Путевку получил неожиданно. Весь сияющий, он заявил, что это «награда, приз за его победу: завизировали, наконец, его заявление на выдачу патента. А до этого все морили. Один важный дипломированный «крючок из горисполкома», который, как мы поняли, был там ответственным за технический прогресс, долго Батю мариновал, дескать, авторство на такую сложную технику, что Батя изобрёл, не выдадут ему, так как его образование – семь классов и длинный коридор (лагеря по трудовому перевоспитанию крестьянской «с индивидуалистическими наклонностями» молодежи). Батя очень долго ходил и доказывал, что он – коллективист, медалями награждён на стройках Сибири и Дальнего Востока, да за восстановление Донбасса, что у него целая папка принятых производством рационализаторских предложений… Того упитанного типа ничего не пронимало: нудно разъяснял Бате важность наличия диплома у заявителя, давая все явственнее понять, что включи он, Батя, его с дипломом и связями, сразу же и дело пойдет. Уразумев, наконец, это, Батя вскипел и запульнул в его бессовестную морду тяжеленным стулом. «Пострадавший» (даже синяка не было, успел голову пригнуть) тут же звоночком вызвал понятых, своих же – секретаршу и еще «хмыря какого-то», состряпали бумагу и объявили Бате, что дело передадут в суд.

На другой же день Батю в обком вызвали, к самому заму секретаря. Оказался «свой мужик». За людей. Все, как было, ему рассказал, себя, мол, не жалко, а вот мотобур, его изобретение, очень даже необходим геологам. За него он и схватился с «крючком» этим… «Крючка» вызвали, стружку сняли. Велели срочно Бате путевку оплатить в лучший санаторий для нервно переутомленных. Но самое главное, завизировали его заявление на выдачу патента. «Правды в нашем государстве, где так много врут, все же можно добиться!» – торжествовал Батя. Узаконится теперь Батино детище – облегченный мотобур для глубокого бурения.

Талантливый изобретатель и борец за правду
Кулаков Леонид Сергеевич (Батя), 1969 г.

А мы с помощью Бати покупаем немецкий мебельный гарнитур за 1150 рублей и обставляем им обе комнаты. Верочка Крохина дарит нам их телевизор: они покупают цветной, и мы, сидя в собственной квартире, смотрим, как наш Косыгин в Пражском Граде беседует с президентом Свободой. За столом также, увидели мы, сидели Дубчек, Гусак, Черник. Улыбались. Подписали советско-чехословацкий договор, по которому «…основная часть советских войск,

а также войска Венгрии и других стран-участниц будут выведены из Чехословакии в ближайшие месяцы. Поэтапно…» А потом, уже в декабре, смотрим, как отмечали двадцатипятилетие чехословацко-советского договора о дружбе. Взаимные поздравительные телеграммы. В «Руде право» большая статья Йозефа Смрковского, одного из главных «с человеческим лицом» демократических мужей. Пишет о прошедшем ноябрьском пленуме ЦК КПЧ, на котором возрожденческая линия их партии была сохранена, да и все политики остаются на своих местах. Только вот скорее бы возродить былую дружбу с СССР.

Опыты: плановый – для отчета и договорной – для души и денег

Начала в Клёнове опыт на супоросных свиноматках по соли. Продолжу его на подсосных. Сделаю как следует, т. е. во всем постараюсь быть точной. А параллельно уже заложила опыт «пшеничный», который для души: с лизином и витаминами. Сначала хотела его провести на рационе из зерновой смеси, но в наличии – только пшеница. Из Америки поступила. Золотом, поди, расплачивались. В Клёнове завалили ею все склады. Управляющий в расстройстве: свиньи от пшеничной дерти воротят морды. Животные хорошо «угадывают» полезность корма. Пшеница для них только в смеси хороша с другими кормами. А сама по себе – сплошной дисбаланс: мало белка при довольно большой калорийности. А в самом белке – весьма низкое содержание лизина. Из-за этого излишними, т. е. неусвояемыми для организма, оказываются не только большая часть энергии, но и значительная доля белка. Организм с таким дисбалансом борется не только тем, что и в кале, и в моче повышенный выброс азота (показателя количества белка) и энергии, но и тем, что понижается аппетит у животных. Мне чисто пшеничный рацион знаком по Табунам – Хабарам… А что, если пшеницу, голую пшеничную дерть, обогатить витаминами, аминокислотами, микроэлементами? Об этой идее говорю только Томмэ. Рассказываю, как чахли на целине над переполненными пшеницей корытами свиньи и куры. И вдруг он решает меня поддержать. Не средствами, конечно, а «спиной». Лизин дает Букин, и договор подкинет он же. Махаеву пока ни слова, иначе все провалится. А Букину он, Томмэ, черкнет записку (а я отвезу прямо в руки), где обо всем и попросит. Потом, конечно же, Махаев узнает. Ну и шут с ним! Деньги будут, работа будет, нехай себе орет на здоровье. Кстати, ор его в коридоре нашем не умолкает.

Букин меня поддержал с опытом на чистой пшенице, т. е. на монозерновом рационе. Между прочим, сейчас пшеницу в качестве основного корма для сельскохозяйственных животных начали испытывать за рубежом, в основном в Штатах. Разрабатывают премиксы (смеси-добавки) для ее обогащения. Выведен уже особый, кормовой сорт пшеницы – тритикале, в котором почти в два раза больше, чем в обычных сортах, лизина.

Похороны отца

Рано утром после новогодней ночи резко постучали в дверь: телеграмма! Сквозь новогодние пары никак не могу осмыслить прочитанное: «Отец умер. ТЧК. Третьего хороним. Смирновы». Телеграмма заверена. Это чтобы у нас не возникало никаких осложнений с билетами. Решаем, что поеду я.

За окном вагона снежная муть несется. Сумрачно. Баюкает перестук колес. Вчера еще получила от отца поздравительную, с Новым годом. Значит, еще был жив-здоров.

Утро, солнышко, скрипучий снег, румяные лица моих сестренок, Люды и Вали. Пришли встретить. Оживленные, почти радостные. Тоже и я рада встрече и такому яркому утру.

Несли вещички мои, в оба уха мне о том, как Новый год встречали. Все бы отлично было, если бы… Вика (она же медицина) давление померила Казьке (и сейчас они так отца называют),

нормальное было. Разрешила рюмочку выпить. Отец довольный, с водочки разрумянился, взял себе Эдьку на коленки, забавлял его. Эдька смеялся, болтал ножонками. Потом, ровно в полночь, встали все. Тоже и он. В одной руке рюмку, в другой внучонка. Начали за здоровье, за Новый год чокаться… Тут и случилось. Еще успел Эдьку на тахту опустить. Рядом стояла. А сам на пол свалился и рюмка дзенькнула. Еще часов шесть жил. Сердце билось. Но уже не могли ему докричаться. Так, не приходя в сознание, и умер…

Лежал отец, одетый уже, но еще не в гробу, а на простынях, на том самом столе в горнице, за которым в Новый год пировали. Большой, моложавый. С полным ртом собственных зубов.

Вику больше всего эти его зубы печалили. Ведь одна только пломбочка на семерке, а так – ну совершенно здоровые. Он ими бутылки с пивом открывал. Это уже в шестьдесят пять лет! А уж в молодости мог и железку перегрызть. «И такие зубы в землю зароют!» – огорчалась красивенькая моя сестренка Вика, совсем недавно окончившая медучилище. С ней мы пошли в ритуальный магазин, чтобы купить или заказать гроб. Гробов полон склад, но все как один ужасно длинные. «Сюда полтора таких Казьки влезет!» На это Вике ответили: «Великоват – не мал. Стружки напихаете. А вот на той неделе только одни короткие были. А покойнички, как на грех, все двухметровые шли…» – «Так, может, закажем?» – предложила я. Но какое там. Праздники. Пьяные все. Так и смирились: просторно – не тесно. Потом с Викой потащились в морг, забрать протокол вскрытия. Живая, жизнерадостная, зашла она туда, где трупы. Для нее это привычно. А мне хватило одну мертвую руку увидать (из-за ее спины). Желтая, с длинными голубоватыми ногтями. Бр-р! Выскочила на улицу. Вика вышла радостная. Все органы чистые. Нигде даже маленького рачонка. Знакомый патологоанатом по ее просьбе смотрел. А умер отец от сильного кровоизлияния в мозг. И сердце все было сработано, изношенное.

Дома целые две сумищи продуктов. Сегодня же все надо подготовить к поминкам. Вечером мы с Валей оказываемся одни в домике, в горнице, где лежит отец в гробу. А мы рядышком, у пианино. Отец Вале купил совсем недавно. Она в музыкальной школе учится. Какую-то печальную мелодию поиграла Валя. Потом медленный вальс, потом полечку.

– Валь, а как узнать, есть у человека слух музыкальный или нет?

– А повторяй за мной! – Сначала короткие легкие фразочки. Песенки.

– У тебя получается! Хорошо! – А я и рада. И уже обе поем вовсю:

«Одно-зву-чно гремит ко-ло-коль-чи-ик,
И доро-о-га пылится слегка-а…»

Опомнились, когда бухнула дверь. Вика пришла. Стала стыдить: «Как можно! Рядом с мертвым». – «А для нас он живой», – вдруг ответила Валя. И только тут я почувствовала горечь, невозвратность времени. Отец. Теперь уж и письма от него не будет. Стало себя жалко. Слезы хлынули. Сестрицы по-родному обняли меня. И тут брат Юра заходит. Мой самый старший, родной по отцу. По-русски красивый. Мужественный и добрый взгляд отцовских голубых глаз. Только брови темные и волосы на голове густые, без седины. Да и статью повыше, стройнее. С ним сынок младший, семилетний Костик, белокожий, голубоглазый. У них на Севере солнышка уже больше месяца нет. Отца Юра лет пять не видал. А Костик только сейчас и познакомился, уже с покойным. Тоже и я впервые увидала брата своего и племянника. Профессии у нас почти одинаковые: он ветврач, но в городе. Лечит кошек и собак. Сидели, болтали за чайком до полночи…

Проснулась от того, что пахло жареной картошкой с луком. Это Людмила на кухне готовила завтрак. Встала ей помочь. А потом готовили для поминок. На двух сковородищах обжаривали припорошенные мукой узкие полосочки мяса и после вываливали содержимое сковородок в большущую чугунную кастрюлю для томления. И так несколько раз. А потом подлили в кастрюлю воды, кинули специй и под тяжелую крышку на малый огонь…

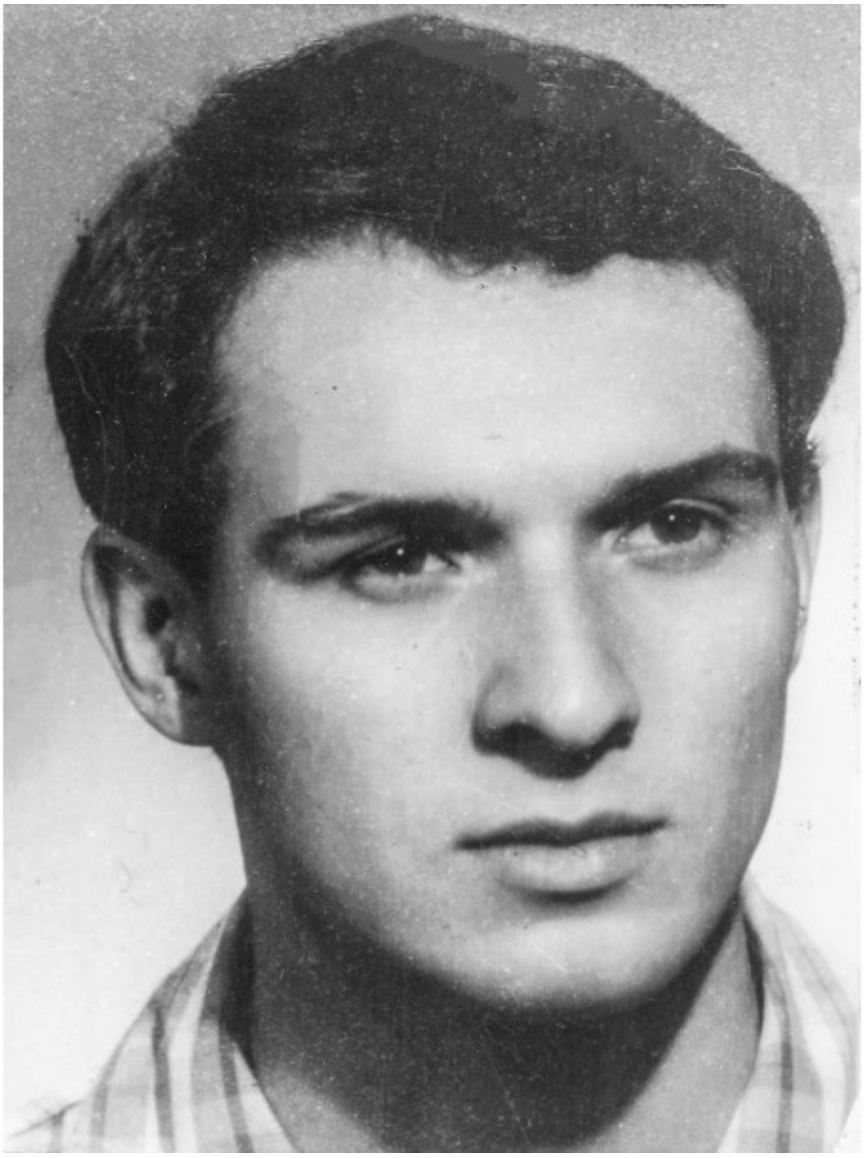
К десяти уже народ подвалил: соседи, знакомые. К двенадцати подъехал автобус, пришли коммунисты-ветераны. Извинялись, что не будет оркестра, как обещали, потому что музыканты после Нового года «еще не прочухались».

Морозище такой, что хоть топором руби. К месту последнего отцова пристанища пробирались узкой протоптанной дорожкой меж бесчисленных железных оградок. Впереди мужчины тащили длиннющий гроб, за ними жена отца, хрупкая, притихшая от горя, и все другие родные-близкие, тоже и я. А за нами вереницею все остальные. Наконец собрались у вырытой могилки. Наверное, выкопана еще вчера, а может, и еще раньше, потому что земля, т. е. глина, вся сморозилась в огромные глыбы. Мужики-могильщики с красно-фиолетовыми носами никак не могли установить гроб. Он был слишком длинный и не влезал куда надо. Принесли лом и долбали мерзлую землю. Могильщики раскраснелись, а мы все посинели и, чтобы совсем не околеть, стали пританцовывать. Наконец можно опускать. Гроб проходил, но только по диагонали. Вера Григорьевна тихонько взвыла, и мужики тотчас же гроб вытащили. Снова принялись долбать. А мы все, уже не стесняясь, кто во что горазд, плясали: и польку, и чечетку, и даже вприсядку. Если б кто со стороны глянул, подумали бы, что свадьба. Наконец опустили. Из большой глыбины смерзшейся глины надолбали комьев помельче – «горстей земли». Покидали их каждый из своих рук, «чтоб земля стала пухом» и скорей-скорей дунули в автобус.

За столом, на котором несколько часов назад стоял гроб, все, разгоряченные морозом, поднимали рюмки, произносили тосты за упокой души, с обещаниями помнить вечно. То и дело напоминали друг другу, что нельзя чокаться, с аппетитом поглощали закуску: сначала холодец, рыбку под маринадом, салаты, а потом и горячее, мясо томленое и пюре. Все ужасно вкусное. Потом пили традиционный клюквенный кисель. Все отваливались от стола в отличнейшем расположении духа.

В тот же вечер меня провожали на московский поезд, все три сестры и новообретенный брат Юра, который мне очень понравился.

Ян Палах

Ян Палах, студент философского факультета Карлова университета.

После почти месячного перерыва снова нас погнали на лекцию. И снова о положении в Чехословакии. Однако на этот раз лектор это «положение» хвалил: в Чехословакии полным ходом идёт нормализация.

Когда пришла домой, Иво (ему анализатор нельзя было оставить) спросил, что говорили на лекции о Чехословакии. Я ответила, что, мол, там всё хорошо, утихомириваются. Он молча положил передо мной «Руде право» за 18 января 1969 года: «Студент философского факультета Карлова университета в Праге демонстративно поджегся…» – Уже не вижу строчек, они расплываются… Только лицо. Юное, красивое, чистый овал с мечтательно-вдумчивым взглядом широко распахнутых глаз под темными бровями, спокойный, домашний, «…в послеобеденное время облил себя горючим… Стал факелом на Вацлавской площади… Ян Палах…»

– Но зачем сейчас? Ведь, кажется, всё уже стихает, нормализуется…

– Поэтому и поджегся. Цензуру ввели. Нормализаторы! В письме, которое написал он, выразил несогласие свое с цензурой.

Ян Палах – живой факел на Вацлавской площади, 16 января 1969 г. (фото из интернета).

Ян Палах! Он еще жив. Но обгорело 85 процентов тела. Врач Долежалова просит журналистов и студентов не посещать Палаха. Ему тяжело… Третьи сутки пошли его страшных мучений…

«Ян Палах! Ян Палах!» – набатом звучит во мне. Серая пелена вокруг. Беспросветно…

«Не реви! Слёзы тут не помогут…» – слышу будто издалека голос Ивы…

На днях он был в своем землячестве при посольстве. Вместе с другими чехами – аспирантами советских вузов Иво подписал письмо-обращение к высшим властям Чехословакии в защиту Александра Дубчека. Сказал об этом только мне.

И снова «Руде право» с портретом Яна Палаха. Умер девятнадцатого января в пятнадцать тридцать (среднеевропейское время). «Исчерпаны были все возможные терапевтические средства… Умер спокойно…»

Родился в августе 1948 года в местечке Вшетаты, вблизи Праги. Отца не было. Мать, Либуше, продавщица. По отзывам учителей, Ян – отличный ученик, студент. Всегда спокойный и рассудительный. Любил порядок. Перед смертью просил врача передать, чтобы никто из его друзей не повторял бы его. У матери остался еще один, младший сын.

Смерть – протест Яна Палаха – потрясла всех моих друзей в Дубровицах и в Москве и, конечно же, всех родных – в Москве, Пскове, Свердловске… Некоторые нам, чехам, даже соболезнования выражали… Позже появились стихи. Вот одно из них, автор Ольга Бешенская (1947—2006), почти Янова ровесница.

«Памяти чешского студента Яна Палаха» называется оно:
Прага, я не могу на твоём не споткнуться пороге:
Здесь брусчатка, как реквием, скорбно звучит под ногой…
Чешский мальчик горел, а у нас проступали ожоги,
Будто Ян – это я, это я, а не кто-то другой…
Мы познали тогда: нет стыда безнадёжней и горше,
Чем за Родину стыд…»

Похороны Яна Палаха 25 января стали огромной демонстрацией против этой восхваляемой во всех наших газетах нормализации, которая возродила цензуру и тем убила свободу

печати и другие свободы, которых было добились в Чехословакии. Шли десятки тысяч пражан, шёл президент страны Людвик Свобода. Огромную печаль выражала эта процессия, но угадывалась и могучая сила народа этого, чувствовалось, что, несмотря на танки и прочее, эти люди – победители.

Похороны Яна Палаха, Прага, 25 января 1969 г. (фото из интернета).

Мои опыты – моё душевное отдохновение

У меня в Клёново два опыта, но и две лаборантки: деньги договорные из Микробиопрома. Помимо Тамары еще Ольга Ивановна, свинарка бывшая. Ей уже за шестьдесят, но еще крепкая и веселая. Как что расскажет, мы обхохатываемся, и не потому, что смешные случаи, а так умеет их представить – настоящая артистка. Небольшого росточка, поджарая, а как изобразит высокого да животастого директора Барбашова, так вроде бы живьем его видишь. Все о его любовных похождениях:

«Это потом у него продавщицы пошли, а тогда к свинарочкам он хаживал, на ферму да в соседний лесок. Однажды пошел на свиданку, да на краю леска Машку, т. е. свиноматку с фермы встретил. Осерчал на свинарок, ишь, распустились. Забыл, зачем и шел. Взял прутик, хотел гнать к ферме свинью. А она к лесу. Там у Машки свидание… с диким кабаном. Как рявкнул на Барбаша кабанище, как сверканул глазками, директор наш и усрался. Еле добёг до свинарника. Промеж себя свинарочки того кабана дикого сперва „Директором“ звали, а потом за рык его „Прокурором“. Огулял „Прокурор“ в тот год полмонитора. Такие поросятки рождались, рыженькие, полосатенькие, да много. Сначала радовались: росли быстро. Но на третьем месяце почти все от легочных погибали. Непривычные к спертому воздуху…»

За разговорами и работа быстрей делается.

Полосатые поросята в станке.

Кормосмеси теперь втроем готовим. Но поросята уже подросли, корма идет много. Да и на свиноматках еще продолжается опыт по соли. Так что урабатываемся. Приезжаю из Клёнова и кидаюсь в постель, чтобы согреться. Перед тем еще ноги сую в горячую воду. Потому что подошвы, как лед. Все же на цементном полу. Сама упарюсь до пота, а ноги стынут.

Наконец закончился опыт на супоросных. Матки – не поросята, без соли, результат хуже. Хотя потребность раза в два меньше, чем в существующих нормах, всего 2,5—5 граммов соли на килограмм сухого корма вместо 10 граммов, необходимых по прежней норме.

Результаты «пшеничного» опыта много интереснее. А самое главное, опыт показал, что и на чисто пшеничном рационе поросята могут расти столь же быстро, как на полноценном комбикорме, если к пшенице добавить недостающую аминокислоту лизин и необходимые витамины с микроэлементами. Мне было это очень радостно: ведь именно пшеницей кормят на Алтайской целине и свиней, и даже цыплят. Теперь стало ясно, что добавлять к пшенице, чтобы животные так же быстро росли, как на полноценном по белку комбикорме.

Переизбрали на пленуме и «выкинули на помойку истории»

А в Чехословакии, в Пражском граде, снова проходит пленум ЦК КПЧ. Первым выступил Дубчек. Попросил, чтобы освободили его от обязанности первого секретаря ЦК КПЧ и предложил вместо себя избрать товарища Гусака. Это еще позавчера произошло. На том же пленуме говорил президент Свобода, мол, просьба Дубчека об отставке «…была тщательно изучена. После детального обсуждения решили просьбу удовлетворить. Имя Дубчека навсегда останется в сознании всех нас связанным с послеянварской (возрожденческой) политикой КПЧ. Он завоевал большую популярность и симпатию, и думаю, что будет на них опираться при работе на самых ответственных постах». Так написано о Дубчеке в «Руде право». Значит, не выпихнули его с генсека? Сам попросился! Может, и действительно Гусак лучше, тверже…

«Никакого возврата к старым временам. Но требуется навести порядок. Свобода – не анархия… Законы соблюдать надо», – провозгласил он в тот же день. А биография даже

лучше, чем у Дубчека. В партии с 1933 года. Тоже участвовал в Словацком народном восстании против оккупантов немецких. В апреле сорок пятого стал членом ЦК КПЧ, а в 1951 году репрессирован. Был в тех же местах, о которых мне еще во Вратиславицах пан Голый рассказывал. И тоже, как и он, был в 1960 году освобожден из заключения по общей амнистии. Да и по образованию подходящий: окончил юридический факультет университета в Братиславе, где в тридцать седьмом получил степень доктора права.

А Дубчек остался в составе ЦК КПЧ, и это радостно.

Однако на очередной лекции о международном положении снова о таком-сяком бывшем генсеке Дубчеке и иже с ним, которых наконец-то «выбросили на помойку истории».

Как же так, думаю, ведь Дубчека только что переизбрали в президиум ЦК КПЧ! «Значит, останется там недолго», – поясняет Иво.

«Я за Человеческое лицо»

Так называется короткометражный документальный фильм, посвященный очередной жертве нормализации Евгению Плоцку.

Евгений Плоцек,
убежденный марксист и коммунистический лидер, 1965 г.

«Ни вырвать и ни сжечь той календарной странички:
Она имплантатом вросла в наше сердце.
Не вырвать, не уничтожить наше сердце —
Оно соединилось с землёй нашей чешской,
Впитавшей пролитую кровь.
В объятиях с нашей землёй
Нам спокойно под дулами танков…»
Евгений Плоцек
(конец августа 1968 г.)
Перевод с чешского автора

Известно было, что вслед за Яном Палахом и Яном Заицем в январе – марте шестьдесят девятого в знак протеста против ввода цензуры горящими факелами стали ещё более двух десятков человек. Но то были студенты, молодые люди, горячие, эмоциональные. В апреле того же года факелом горел человек зрелого возраста, семейный, имеющий четырнадцатилетнего сына, к тому же коммунист, любимый народом партийный функционер, глава парторганизации большого завода Моторпал в городе Йиглава.

Случилось это на Великую пятницу, когда город, красивый, с большим историческим прошлым и где во все времена свято чтили традиции, готовился к празднику Воскресения Христова. На площади уже стояли карусели, павильон со стрельбищем (тир) и целый ряд праздничных палаток, где можно было приобрести всё пасхальное, начиная с любимых гранатовых крестиков и заканчивая замечательным моравским вином.

Шесть вечера. Детей уводят домой, но молодёжь продолжает тусоваться. А к стрельбищу подходит мужчина лет сорока в элегантном пальто-монтгомераке, из-под которого на брусчатку площади срываются капли, пахнущие чем-то горючим…

Мужчина кладёт на счетчик стрельбища сложенный лист бумаги с коротким наказом: «Я – за Человеческое лицо. Не переношу равнодушия». И подпись: Евгений Плоцек. А потом, отступив на пару шагов, зажигает спичку и становится живым факелом… Из пламени люди слышали крик: «Двадцать лет я был коммунистом!» и «За Палаха!»

Огонь затушили, но спасти не удалось, Евгений умер на пятые сутки…

Протест коммуниста против режима нормализации был от народа тщательно упрятан: в центральной прессе ни слова. Зато в Йиглаве, в её окрестностях – Высочине – люди были потрясены: Евгения хорошо знали, уважали и любили. Он был активным участником начавшегося 22 августа 1968 года экстренно созванного нелегального съезда КПЧ.

Навязанная партии политика «нормализации» с её бесконечным фарисейством и наглым враньём была Евгению глубоко чуждой: прежних лидеров Пражской весны, которых он знал как бескорыстно преданных идеям реформ и демократии, поливали черной краской, а само возрождение стали называть контрреволюцией. И самым обидным было то, что делали это не «оккупанты», а свои, члены КПЧ, бывшие соратники: одни – активно, другие, их было большинство, помогали им своим равнодушием…

Евгений, будучи лидером, жить так дальше просто не смог… Протест его был актом отчаяния.

Завод Моторпал хоронит своего ведущего работника и коммунистического лидера Евгения Плоцка, погибшего в знак протеста против нормализации. Йиглава, апрель 1969 г. Фото из архива Алеша Плоцка, внука погибшего.

Хоронили его огромным коллективом завода. Похоронную процессию провожала вся Йиглава. «Это были самые грандиозные похороны в Йиглаве», – говорили бывшие коллеги Евгения, в частности молодой тогда Роман Фёрст. Он снял похороны, а потом вместе с другом Карелом Томком сделал документальный фильм, завоевавший на районном фестивале любительских фильмов первое место. Однако люди, за исключением немногих участников фестиваля, фильм не увидели: приказано было срочно сдать его органам. Авторы фильма успели передать его друзьям, где он хранился двадцать лет, то есть до Бархатной революции, а гэбэшникам сообщили, что фильм украли. Те не поверили, Романа и Карела мучили многочасовыми допросами, провели обыски в их жилище, забрав все фотографии событий 1968 года. Не найдя фильма, велели молчать.

Роман Фёрст снимает похороны своего старшего коллеги Евгения Плоцка на любительскую кинокамеру. Йиглава, апрель 1969 г. Фото из архива Ростислава Шимы.

Под запретом стало само имя Евгения Плоцка. В центральной прессе Чехословакии не появилось ни строчки об этой трагедии: цензура действовала, нормализаторская власть торжествовала.

Об этой трагедии в Чехословакии широкая общественность узнала только через двадцать лет (я – ешё гораздо позже[1]), а 4 апреля 1990 года на площади в центре Йиглавы Александр Дубчек торжественно открыл посвященный жертвенной гибели протестующего коммуниста Мемориал.

«Ужасное» сочинение о вожде – смешно и грустно

Апрель. Снова Ленинский субботник. «Ильич потел и нам велел…» Столько новых памятников ему появилось. Теперь уже и в деревнях. Не знаю, то ли на самом деле, то ли анекдот: в одном селе рядом с клубом соорудили фонтан и назвали его «Струя Ильича».

Орденом Ленина наградили на днях президента Свободу и Гомулку.

А в Дубровицах на тему Ленина писали в школе сочинения.

Только пришла я с работы, вкатилась учительница Лены Клавдия Андреевна, по прозвищу Кнопка. Наверное, за ее малый рост. Большие, навыкате глаза Кнопки, казалось, вот-вот из орбит повыскакивают, с лица аж пар идет. Я перепугалась: что случилось?

– Ленин… Лена… Ваша дочка так о вожде! Играла с ним. А потом излупила! Лицо у Кнопки бледное, губы трясутся.

– Сильно ударила? Не покалечила? Кого? – интересуюсь.

– Да Ленина. Вождя! Понимаете?! – Я ничего не понимала.

– Раньше за такое могли бы посадить. И вас и меня… Её – в колонию…

[1] За предоставленный мне материал благодарю шеф-редактора замечательного еженедельника Actualně CZ Йозефа Паздерку.

– Да за что же?

– А вот за это… ее сочинение. Мы писали о Ленине. Я же их в Подольск возила. Все как надо написали; про памятник в Подольске, про дом-музей. А она – какой был Ильич в детстве. Да нет, об этом никто писать не возбраняет. Пусть бы так и написала, как у Бонч-Бруевича в его рассказах. А то ведь стала присочинять, вот, смотрите, – и дрожащим пальцем: – Маленький Дмитрий плакал, жалея козлика, от которого «остались рожки да ножки», а Володя смотрел и смеялся… Я его лупанула за это, и потом мы стали дальше играть в индейцев…

Ужасно смешно сделалось. Аж присела. А Кнопка подумала, что мне плохо и уж хотела мчаться за сердечными каплями. Она ведь в нашем подъезде живет, на четвертом этаже. И она добрая. А потом тоже и она расслабилась. Тоже стала смеяться. «Слава Богу, время сейчас не то…» И мы хохотали обе минут пять. А потом она сказала, что сочинение это сожжет, а то мало ли чего… Ведь жалко Леночку, она хорошая. И ошибок почти нет. Тройку вполне можно поставить…

А на майские праздники – грустная новость: уезжают Рядчиковы, надёжные друзья, наш тыл… Виктор устроился завлабом в Северокавказский НИИ сельского хозяйства. Простились на работе, в аминокислотной. Прибегал Махаев, напоследок (для Рядчикова) поорал, дескать, не передали хозлаборанту всю посуду и вообще всё. Анализаторы оба переданы были Иве.

«Смотри, всё проверь. Чтобы ничего не пропало. Знаю этого Рядчикова», – громко советовал он моему супругу. Рядчиков на эти Махаевские слова молча снисходительно улыбался: у него там, в Краснодаре, аминокислотная лаборатория втрое, а может и в десять раз богаче этой. А главное, там никаких «махаевых», сам себе хозяин будет.

Директором ВИЖа стал Эрнст, и это для нас с Ивой весьма отрадно: Эрнст (по мнению пожилого ВИЖевца Сергеева, с которым в Клёново ездим) любит талантливых, работящих и честных. По его мнению, мы с Ивой именно такие. Спорить я не стала.

В составе группы ученых ВИЖа меня и Верочку готовят к зарубежной поездке

Мне и Верочке пришло письмо из Югославии от Милоша Косановича. Приглашает принять участие в первой югославской международной конференции по животноводству, которая будет проходить в начале июня 1970 года в Новом Саде. Обрадовалась, но в то, что поеду, особо не верилось. В нашем ВИЖе заграницу ездят лишь определенные «выездные» личности. Из отдела это Махаев и Томмэ, а в последнее время только Махаев. Потом узнала, что и еще трём нашим сотрудникам пришло такое же письмо, а также и самому Томмэ. Всех, мол, на время конференции обеспечат жильем и кормить будут. Так, может, пустят, раз не одна? Во всяком случае, тезисы-то послать авось разрешат.

Провела за этот год аж четыре опыта. Сдала в разные редакции с десяток статей. Заведующая патентной группой Перепелицына мне помогает их протолкнуть. «Раз подпись Томмэ есть, то Махаева (он эксперт) не обязательно», – говорит она. Я всегда являюсь к шефу с двумя работами: одной – за двумя подписями, его и моей, и другой – только моей. Томмэ уже заметил и дружелюбно шутит: «Снова парочка! Благословляю!» Букин всё советует скорее докторскую писать. Он мечтает: я возглавлю витаминную лабораторию в ВИЖе.

На конференцию в Югославию, кажется, утвердили меня. А также Верочку, Раецкую, Модянова, Демченко и Самохина. Поездка еще только через полгода, а уже сейчас уйма времени тратится на нее. Готовимся к собеседованию в райкоме партии, газеты читаем, чтоб не дай бог чего не знать или оговориться.

В Чехословакии Дубчека таки «вычистили» из ЦК. А заодно и всех его бывших соратников – Смрковского, Гюбла, Гаека и других. Все это произошло, вернее, стало официальным, в конце сентября шестьдесят девятого, на пленуме ЦК КПЧ, который собирался специально

по кадровым вопросам. Так что Иво был прав, он с самого начала это предвидел. В Праге, Брно, в Либерце «хулиганы пытались организовать беспорядки…» – пишут в «Руде право». «Контрреволюционные группы возглавляли уголовные элементы…»

Ивочка мой тоже попал в «элементы». В начале года вместе с другими чешскими аспирантами подписывал бумагу в землячестве в поддержку Дубчека. Теперь о них обо всех вспомнили… «Вычистили из КПЧ». Но, кажется, на том и успокоились. В институт вроде бы не стукнули. Решили мы не выписывать больше «Руде право», потому что с конца сентября – нуднейшая это стала газета. В день печати (в Чехословакии он 23 сентября отмечается) Гусак на встрече с главными редакторами центральных газет сказал, что журналист – это политический работник, который должен быть верен идеям марксизма-ленинизма. А кто нет – пошел вон.

А ведь когда-то самого преследовали…

Сейчас Дубчека во всём винит… «Его лично Брежнев предупреждал. Письмом! А он никому это письмо не показал… Обо всем сказал, когда уже войска на всех границах стояли. Ночью двадцатого августа. А то, что войска пришли, мол, все правильно, социализм спасли…» – говорил Гусак.

«Корыта свои они спасли, а социализм – тот, настоящий, они загубили…» – сказал тогда Иво, тихо, будто про себя, но с большой горечью.

Мою «политическую грамотность» и «моральную устойчивость» уже завизировали на партийном бюро института, сказав, что для меня, беспартийной, делают исключение. А сразу же после Нового года мы все шестеро поехали «утверждаться» в бюро райкома партии. Там снова испытывали нашу «политическую грамотность» и «партийную подкованность». Надо было знать имена и фамилии всех генсеков стран Варшавского договора и то, что свершается в этих странах. Верочка меня наставляла и тренировала: отвечать в райкоме надо бойко и обязательно глядя в глаза спросившему.

Все мы порядком перетряслись, стоя перед дверью и не зная, что спросят.

Меня в райкоме спросили, знаю ли я, кто шестой наш космонавт?

– Так это ж Валентина Терешкова! – ответила я, при этом не только бойко и глядя в глаза лысоватому райкомовскому дядечке, но и с явной радостью стала рассказывать, как мы в Хабарском сельхозуправлении Алтайского края везли огурчики со свежесваренной картошечкой нашей Валентине, приземлившейся на территории нашего управления… Выслушали с изумлённым вниманием. «А вы были на целине?» – спросили. И после моего ответа уже больше ни о чем не спрашивали. Зато долго терзали вопросами симпатичнейшего профессора Модянова. Тоже и его характеристику утвердили. Наконец мы все вместе поехали в загранотдел нашего союзного министерства сельского хозяйства. Там официально радушная, с подобранной фигурой и ухоженным, без единой морщинки лицом, моих лет кураторша Ангелина завела на каждого из нас папку, куда сложила наши характеристики, тезисы докладов и заполненные анкеты… Кажется, можно было выдохнуть.

А уже весна, март месяц, и близится восьмое число. А седьмого марта Верочка ездила в министерство. Вызывали в загранотдел по готовящейся поездке в Югославию. Оказывается, утрясали программу, и меня одной лишь не было. Верочка шепотком сообщила мне, чтобы, не мешкая, завтра же ехала к Ангелине, она, мол, велела. А больше ничего не знает.

«Не знал, что это ты!»

Женский День, а я чуть свет в Министерство еду, в загранотдел. При виде меня рот у Ангелины стягивается в бантик. «Тебя в списке делегации больше нет. Еще неделю назад была. До того, как отдали в ВАСХНИЛ на согласование. Может, просто потеряли тебя там?»

Ангелина знает меня еще с Тимирязевки: она моложе на три курса. Говорит со мной тихонечко, доверительно…

Мчусь на Харитоньевский, где ВАСХНИЛ. Каждый раз поражает меня это здание – боярские хоромы с расписными потолками и изразцовыми печами, которые оставлены для красы, с узкими виляющими коридорами.

Захожу в кабинет, где секретари по животноводству, Градусов и Кабанов. Их еще с конференции знаю. А потом по заданию Томмэ работала с ними по составлению сводного (по всем институтам) отчета за прошедшую пятилетку. «Мою фамилию где-то у вас потеряли. Из списка пропала», – говорю им в ответ на их поздравление с восьмым марта. «Не пропала, а выкинули. Не мы. А вот сюда зайди, к Никите!» – и ржут, и подталкивают к двери меня, на которой позолоченными буквами выведено: академик-секретарь Ростовцев. Тот самый, что когда-то в Тимирязевку приезжал на нашу защиту дипломов. Его ли мне бояться. А тут еще и мужички подбадривают: «Иди смело! Сегодня твой день. Только вот погоди, косу распусти и вперед ее, и давай!»

Академик – высокий поджарый старик, седой и с лысиной, однако ж с гордой начальственной осанкой, удивленный, привстал мне навстречу, руку свою костистую подает и улыбку делает, мол, праздник сегодня. А я ему: «Зачем фамилию мою вычеркнули? Ну да, я – Филипович». Тот список как раз перед ним и лежал. А он: «Ой! Я не знал, что это ты! Я б тебя никогда-никогда… Ну да, сейчас и впишем». И вписал. «А вот ее, слышь, Раецкую, Исааковну. Тут без ошибки будет», – и берется черкать.

«Это же скандал полыхнёт, – подумалось. – И я виновата».

– Её тоже не вычеркивайте! – почти закричала я.

– М-м-м… А что ж делать? Один лишний. Ну ладно, счас позвоню в министерство. – Наверное, говорил с Ангелиной. Разулыбался, желал здоровья и красоты женской, и счастья в семье. Потом уж совсем буднично, мне: – В понедельник все сделаем. Сейчас эту бумагу все равно некому печатать, секретаршу отпустил…

Прямо в дверях любопытствующие физиономии: носатенькая, по-чиновничьи прилизанная Градусова и округлая, с маленькими хитроумными глазками из-под очков Кабанова.

– Ну как? – и хихикают оба.

– Обещал всё сделать. Была б секретарша, так и сегодня же.

– О-о! Это мы сейчас! Скорей тащи список!

Когда я вернулась в кабинет Ростовцева за тем листочком, академик дремал. Вскинулся, чуток поворчал, но листочек дал. Градусов напечатал сам.

– Такие бумаги надо подписывать немедля! Сегодня же и в министерство тащи!

Ростовцев подписал. Огромная «Р» и характерный росчерк в конце. А потом еще и руку пожал. Крепко. Чтоб ощутила: есть еще силушка в академике старом. «Если что, приходи!» – напутствовал.

Наконец в конце мая всю нашу группу – научных туристов – собрали для инструктажа в кабинете у начальника по связям с зарубежными странами нашего министерства. Югославия считается почти капстраной, поэтому строже инструкции: по одному никуда не ходить, в откровенности не пускаться, восторгов своих при виде их переполненных магазинов не проявлять, а твердо знать, что все равно у нас лучше, ибо все богатство страны – и земля, и недра, и заводы-фабрики, и больницы, и магазины – все наше. И что стоят по сравнению с этим их тряпки, на которые дамы наши часто прельщаются. Последнее сказано было явно для женской половины «делегации», т. е. Верочки, Раецкой и меня. Мужской половине – профессорам Петру Васильевичу Демченко и Алексею Владимировичу Модянову, которым давно за шестьдесят, и Валентину Самохину, у которого лысина от блестящей макушки сползла чуть ли не к самым ушам, оставив лишь кромочки рыжих волос, что под цвет веснушек на сытом его лице, и который смиреннейше взглядывал на министерского начальничка, – посоветовали не напиваться

(а если – так у себя в номере!), не ходить на стриптизы, не знакомиться с дамами, ясно, мол, с какими. Ну, а в остальном вести себя раскованно, то есть быть как свободные граждане свободной страны.

После мы должны были получить загранпаспорта, которые для служебного пользования. Но мы их не получили, потому что их еще кто-то там в МИДе главный не подписал. Хотя, можем не волноваться: все уже решено. Тезисы докладов тщательно все проверены (чтобы ничего лишнего не просочилось), залитованы и уже давно отосланы. А нам заказаны билеты.

Паспорта и деньги выдали нам буквально накануне. Ангелина победно сообщила, что разрешили поменять аж по тридцать пять рублей, которые получим с билетами, уже на вокзале. «За это накупите полные чемоданы, рублики-то не простые, а золотые, отпускаются для обмена», – победно сообщила она. Их ей пришлось «выбивать». Потом тихонечко дала нам с Верочкой понять, что была бы рада фарфоровому сервизику, хотя бы кофейному. У нее дома никакого нет. А там эти вещи ужасно дешевые. Сколько стоить будет, она заплатит. Последние слова, конечно же, были сказаны для проформы.

Остаток дня потратили мы в толчее магазинной: искали сувенирчики, чтобы не дорого было и небесполезно. Накупили малюсеньких флаконочиков с московскими духами (кто-то сказал, что наши за границей как французские ценятся) и матрешек раскрашенных, какие подешевле. А потом часа два стояли в магазине на Горьковской еще и за продуктами, чтобы денежки там на еду не тратить, а все бы только на вещички, которых здесь ни за какие шиши не купить.

«Едем с докладами на научную конференцию»

Итак, мы едем. В двухместном купе международного вагона. Поезд Москва – Белград. Мы с Верочкой вдвоем. Рядом через тонкую перегородку Модянов и Самохин, а Петр Васильевич и Юлия Исааковна по отдельности. Кроме нас в этом же вагоне двое военных, до Будапешта едут. И всё. А в других, говорят, и того меньше людей. Пустые вагоны. Жалко, что прямо в окна дождина хлещет и ничего толком не видать. А мы уже по Венгрии катим.

В Будапеште мы решили пойти погулять. Больше двух часов стоит поезд. Обменяли по десятку рублей на форинты. Полные карманы форинтов! Петр Васильевич решил нас с Верочкой в ресторанчик сводить. По-летнему распахнуты двери (совсем уже тепло в Будапеште!). Горшочки с цветами на столиках, белые скатерти, накрахмаленные салфетки, в черном с белым, похожие на пингвинов, официанты. Приглушенная музыка.

Жестом бывалого Петр Васильевич подозвал официанта, по-немецки объяснил, что бы хотел от него. Через полминуты на столе появились какие-то изделия вроде наших пирожных, бокалы для воды и вина и две бутылки – одна с минеральной, другая с венгерским вином. Официант ловко вскрыл их обе, а Петр Васильевич уже схватил ту стройненькую, что искрила. Хотел разлить вино по бокалам. Но тут официант, который было отошел, вдруг быстро вернулся и сунул Петру Васильевичу счет. Мы сначала не поняли, цифра чуть ли не пятизначная. Наш профессор шарь-шарь по карманам. Нагреб кучу форинтов. «Хватит?» – спросил по-русски. Официант головой мотает, мол, нет. И ждет. Тогда мы с Верочкой свои все сумочки да карманчики повывернули. «На, подавись», – думаем. А официанту и этого мало. Петр Васильевич тогда снял часы свои; на, мол, забирай. И уже не говорит по-немецки, а, как и мы, жестами объясняется: мол, больше нету, вот, гляди, кошелек вывернул. Из кошелька какие-то крошки старые посыпались и муха сухая. Мы с Верочкой друг на дружку смотрим и со смеху чуть не лопаемся. А к столику еще один «пингвин» причалил. Петр Васильевич молча на них смотрит. Глаза у него и всё выражение морщинистого и узкого с облегченным подбородком лица так по детски невинны и недоуменны, что оба «пингвина» махнули рукой и крепко, по-русски ругнувшись, собрали всё, ими принесенное, оставив нам кучу наших же форинтов,

которые мы, раз так, решили не оставлять и все до единого собрали. А на вокзале купили на эти форинты мороженого и еще каждому очки против солнца. Настроение после ресторана у нас у всех троих было взбудораженно веселое. А Петр Васильевич еще и дальше старался нас веселить, рассказывал забавнейшие истории про самого себя. У него сейчас четвертая жена. А до нее было еще три. И от каждой дети, по трое-четверо. А теперь уж и внуки. И не сосчитать, сколько. Ну, внуков-то хорошо, не надо в анкеты писать. А вот детей… А он их вечно путает, имена, кто когда родился… Бывает, что и вовсе кого-нибудь пропустит. А органы-то бдят. Почему скрыл? Мы с Верочкой смеялись до животиков.

Потом еще и Самохин с Модяновым натискались к нам в купе, мол, что тут у вас веселенького? А это лишь Петр Васильевич про жизнь свою рассказывает. Меньше года прошло, как оперировали его. Отвезли на скорой помощи с болями в животе. Определили – желчный пузырь. Будем, говорят, резать. – Режьте! Располосовали, а там все порядочком, ничего порченого. Зашили. Только уж хотели выписывать – снова боли. Желудок растяпнули – чисто. И в двенадцатиперстной кишке ничего не нашли. Снова упихали всю требуху, да зашили. Только-только рубцы зажили, опять боли закрючили. И не понять, где болит. «Ну, это уж точно аппендицит, – радуется хирург, – нетипичный!» Снова распластали. На этот раз отрезали кишку слепую. Хоть она и здоровая была. Но без нее, сказали, жить можно, а, мол, нам, хирургам, для отчету пойдет. – Мы со смеху покатывались, а Петр Васильевич для достоверности стал и «факты» показывать: заголил свой тощий исполосованный живот, на котором еще довольно свежи следы усердной работы хирургов. Три (один из них длиннющий, поперек живота) рубца.

Мы, однако, не успокаивались: «А как же боли? Отчего приключались они с вами?» – «И тому причину нашли: не умел свои газы выпускать. Теперь уж знаю. Как подступят боли, после капусты, например, – кабинет запру и становлюсь на все четыре конечности. И собачкой по кабинету своему прохаживаюсь. Еще лучше – на воле, на травке. И рядышком чтоб никого». – Мы хохочем. А Петр Васильевич и рад. Рассказывает, как однажды вот так же пригласили на симпозиум по кормлению. В Германию. Там у него такое в отеле случилось. Заходит горничная. Что-то велели ей «для хэра профессора передать». А хэр профессор на четвереньках и характерные звуки из него вылетают…

Пришел даже проводник: что же мы так ржем и куда едем? Мы сказали, что едем со своими научными докладами на международную конференцию. И он заржал тоже: «Вот шутники!»

А поезд несся, как бешеный. Наконец примчал нас в Белград. Встретил Косанович. Сказал, что в Нови-Сад завтра, а нынче в Белграде ночуем, в гостинице, которая в центре. Вечером сводил нас в ресторан, сказал, чтобы не стеснялись заказывать, потому что деньги на это ему отпущены и надо их тратить. Поели, как боги. И потом еще долго с Верочкой любовались огнями города из окошка. Хоть и ночь, а воздух теплый, здесь у них лето уже! А окно горничная посоветовала закрыть, потому как ночью смог поднимается от машин.

В Новом Саде

Мы в Новом Саде, в гостинице, которая в центре города и в то же время вся окружена зеленью, будто в парке. Да и весь город в садах и палисадниках, где буйно розы цветут. А дома невысокие, все светлых мягких тонов.

Ничем не выделяется и почти не виден с улицы, окруженный кустами с расцветшими розами, Институт за сточарство, т. е. животноводства. Три этажа, устланные светло-серыми дорожками, удивительно тихие коридоры. Народ работает в лабораториях. Самая большая лаборатория – кормления сельскохозяйственных животных, и Милош Косанович – заведующий, к тому же еще и заместитель директора института. А сам директор, Сречкович, приземи-

стый, с бугристо-красноватой кожей лица, чем-то похожего на жабье, и восторженно-зовущим взглядом очень живых, чуть навыкате глаз. Оба друг друга хорошо дополняют: Косанович – воплощение порядка, ума и рассудительности, Сречкович – сгусток неистовой активности.

Накануне конференции участникам раздали красивые, под кожу, папки с блокнотами, календарем и двумя ручками, а нам ещё и выдали деньги – более шести тысяч новых динаров каждому, по здешним ценам, если покупать шмотки, совсем немалые. А на еду, Косанович сказал, тратиться мы не будем, институт нас кормит и за гостиницу платит. Так что, когда сказали нам, что можно с городом ознакомиться, мы от провожатых отказались и рванули по магазинам. Ангелина права была: столько всего можно купить на эти тридцать пять настоящих рублей. Мы с Верочкой ходили, а к нам еще и Самохин пристал и всё подзывал: «Ой, девочки, гляньте вон на эту вещицу. Как вы думаете, пойдет моей Розе?» Мы говорили, что пойдет, а он, еще чуть потетёшкав отобранный было жене подарочек, снова клал его на место, видимо, на нас глядя. А мы решили ничего не покупать, пока все не пройдем. А магазинов здесь – не то, что у нас. Весь город в магазинах.

Ходили много часов кряду. А магазинам все конца не было. Но поняли мы одно: если хочешь подешевле, то заходи в самый плохонький, где ни красивых витрин, ни разодетых манекенов. Товар по полкам упихан прямо чохом. Я всем своим, и себе тоже, купила по кофте из шерсти чистейшей. У нас бы каждая такая сорок, а то и пятьдесят бы стоила, а тут за шесть штук – не полных двадцать наших рублей. Настоящих, конечно, которыми дипломатам нашим платят. А потом еще купили мы с Верочкой по десятку мотков мохера. На две больших кофты хватит. Мохер сейчас модный. В Москве его и задорого не сыщешь.

В гостиницу приволоклись уже под вечер, полные руки пакетов с покупками. Запехтюрили всё в чемоданы, благо у меня он с ремнями, может по надобности и втрое раздаться, а потом сошли вниз к ужину. Там уже Косанович нас ожидал. Спросил, довольны ли мы и как Дунай понравился. Мы сказали, что довольны очень-очень, но признались, что Дуная за магазинами еще и не видали.

Зато наутро сразу к нему побежали. Дунай, словно живая рыбина, взблескивал на утреннем солнышке. А поперек – легкий с виду, «летящий» в зелень высокого противоположного берега мост. Вдоль реки – песчаные дорожки с кустами роз – красных, кремовых, желтых, белых… Солнышко припекало, несмотря на утро, так что даже в летнем костюмчике было жарко.

В большущем конференц-зале здешнего университета гудели сотни три приглушенных голосов. Аудитория уходит, расширяясь, вверх. А внизу профессорская кафедра и еще длинный стол для президиума.

На местах – для каждой из делегаций определено флажками, куда садиться, и уже разложены «Тезисы». Это увесистая книжка на атласно-белой бумаге.

Работы печатали на том языке, на котором их прислали: русском, английском, немецком или сербском. И докладывать можно тоже на любом из этих четырех языков. На столах для каждого участника наушники: будет синхронный перевод. Сразу же нашли свои работы. Но больше на русском никого. Много чехословаков: из Праги, Брно, Нитры… Знакомые фамилии: Соммер, Лизал, Новый. Знаю их по литературе, ну а Нового Ярослава помню еще с Тимирязевки. Кандидат наук, профессор. Каким стал теперь? Глазами ищу по всему залу огромному и не нахожу его. Потом, наконец, отыскиваю чехословацкую делегацию. Они в свободных светлых теннисках и светлых брюках. У Ярослава на этой конференции два доклада, но сам он быть не смог, за него Соммер. Сказал мне, что живут Яраслав и Зина хорошо. Их все любят. Дочка их, Дуня, красивая стала, рослая, настоящая слечна, т. е. девушка…

А конференция шла своим чередом. Выступал представитель министерства, потом директор Нови-Садовского института Сречкович, потом еще из министерства с довольно длин-

ным докладом, из которого я только одно поняла, что здесь, в Югославии, самая большая проблема у животноводов – это как свой товар сбыть… У нас об этом и думать не думают. У нас только хватило бы на всех! После каждого выступления дружно хлопали.

С обеда пошли сообщения исследовательские, и ко мне пришвартовался мой чешский коллега по биологически активным веществам в животноводстве Франтишек Лизал. Он у себя в Рапотине завотделом работает. Дал мне целый ворох своих печатных работ и даже еще не напечатанную.

– А что, если я переведу это для журнала «Животноводство» в Москве?

– Буду весьма рад!

Доверительно по-чешски спросила его про обстановку в Чехословакии.

– Успокоилось, устоялось. Вроде бы даже и в магазинах чуточку стало получше. Нет, конечно же, не как здесь. Купить захочешь – набегаешься. Но всё же неплохо. А было бы и еще лучше, если бы… скорей бы уж уходили ваши! И, кажется, тогда бы и совсем хорошо стало в Чехии…

Вечером объявили, что и завтра в этом же зале докладывать будут, но так как нас много, то очень строгий регламент: не больше пяти минут.

Интересно выступил голландец, молоденький, светловолосый и с очень приятно-свежим лицом по фамилии Сибесма. У него работа на поросятах. Изучал влияние стресса на качество продукции. Его сразу же поздравлять окружили. Я тоже. Он говорил по-английски и по-немецки, но я, как назло, все слова перезабыла. Спрашивает меня о чем-то, а я будто немая. Он смеется, и я тоже. И все силюсь вспомнить ну хотя бы как попросить его по-английски говорить помедленнее. Или по-немецки… Вертится в голове, а не вспомню никак. А глаза мои в него уперлись: он мне всё что-то говорит и улыбается. А я всё молчу… И уже все смотрят на нас. И тоже улыбаются. Верочка подошла и дерг за руку: «Пошли, а то внимание привлекаешь». А голландец – за нами. И в автобусе встал рядышком. А мы с Верочкой молча сидели. Когда из автобуса выходили, он мне руку подает и Верочке тоже. И снова что-то говорит, говорит. А я ну хоть бы одно слово по-английски. А ведь целые статьи переводила и почти без словаря. «Пошли скорей! Ну его! – тянет меня Верочка. – Вон, погляди на наших, стоят и пялятся на тебя с этим голландцем». Махнула ему рукой и пошли мы к себе. Засели доклады репетировать. По часам. Наконец ужали так, чтобы пяти минут хватило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.